

Алексе́й Мошинъ.

Г А Ш И Ш Ъ

И ДРУГІЕ НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Изданіе
Малаховскаго,
, Кабинетская, 7.
1905 г.

Ц. 1 рубль.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Штрихи и настроенія. 26 разсказовъ. 2-е изданіе Т-ва И. Д. Ситина. Стр. 263. ц. 75 коп.

Ясная Поляна и Васильевка. Съ портретами гр. Л. Н. Толстого и Н. В. Гоголя и 13 рисунками художника О. П. Ризенченко, ц. 50 к.

О писателяхъ. Собранные и записанные А. Мошинымъ, разсказы очевидцевъ объ А. С. Пушкинѣ, М. Ю. Лермонтовѣ, Н. В. Гоголѣ, И. С. Тургеневѣ, Н. А. Некрасовѣ, О. М. Дюстоевскомъ, М. Е. Щедринѣ-Салтыковѣ, гр. Л. Н. Толстомъ (въ эпоху „Войны и миръ“) и Гюи де Мопасанѣ. Ц. 20 коп.

Алексеѣй Мошинъ.

Г А Ш И Ш Ъ

и другіе новыя рассказы.

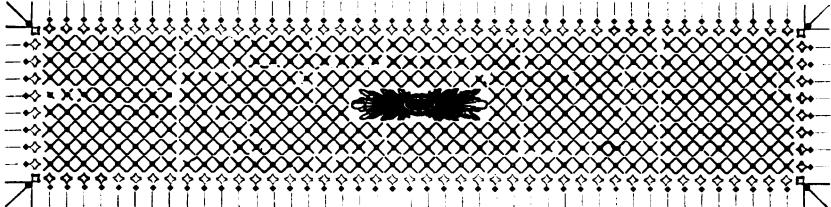

С.-Петербургъ.

Издание Т. В. Малаховскаго,

Кабинетская, 7.

1905 г.

Ташишъ.

(К. М. Думчеву.)

Али былъ бѣдный рабъ у шейха Мустафы-Кафеджи. Али былъ молодъ, красивъ и умѣлъ играть на зурнѣ такъ хорошо, что слушать его музыку приходили многіе рабы сосѣднихъ господъ и даже сами господа часто заставляли его играть въ своемъ присутствіи.

Однажды Али подслушалъ разговоръ своихъ господъ. Старый шейхъ Мустафа говорилъ своей дочери, прекрасной Айшѣ:

— Вотъ этотъ маленькій флаконъ содержитъ въ себѣ чудный даръ Аллаха: гашишъ. Кто крупичу проглотитъ, перенесется въ рай Магомета; мужчина увидитъ себя среди красивѣйшихъ гурій, онѣ всѣ тамъ будутъ его рабынями и будетъ онъ блаженствовать среди райскаго пѣнія птицъ въ небесныхъ садахъ Магомета. И женщина, если вкуситъ гашишъ,—увидитъ себя среди гурій въ раю и будетъ ея блаженство сладостно неизъяснимо. Береги флаконъ, Айша, и

знай: Аллахъ позволилъ вкушать этотъ дивный свой даръ лишь тогда, когда смертный уже разочаровался въ дарахъ міра сего и ему нужно вкусить небеснаго блаженства, чтобы не надоѣла жизнь. Кто злоупотребляетъ гашишемъ, у того Аллахъ отнимаетъ сначала разумъ и силы, а потомъ вскорѣ и жизнь.

Прекрасная Айша, стройная, какъ пальма, черноокая и граціозная, какъ дикая газель, приняла отъ отца драгоценный подарокъ, украшенный изумрудами флаконъ, въ которомъ заключался гашишъ и спрятала въ своей шкатулкѣ, гдѣ хранились ея сокровища.

Была душная лѣтняя ночь. Полная луна мягкимъ серебристымъ свѣтомъ озаряла и далекія Ливанскія горы, поднимавшіяся надъ горизонтомъ, и растенія въ саду: лимоны, пальмы, апельсины, гранаты и колючіе кактусы, и цвѣтушіе олеандры и камеліи, насыщавшіе воздухъ острымъ, опьяняющимъ благоуханіемъ. Не дрогнуть листы; все притаилось въ сладостной истомѣ; ни шороха кругомъ, ни звука. Звѣзды тихо и робко мерцали.

Айша сидѣла на коврахъ и подушкахъ, крѣпко стиснувъ руки, унизанныя кольцами, и смотрѣла въ окно, все въ одну точку, и ничего не видѣла передъ собою. Ея жгучая кровь стучала ей въ виски и страстно мучительно хотѣлось Айшѣ какого-то невѣдомаго счастья, блаженства. Она вспомнила о гашишѣ.

— Но, подумала Айша: почему я знаю, кто будетъ тамъ, въ раю, меня ласкать?.. Нѣтъ, не хочу гашиша.

Она хлопнула въ ладоши три раза. Вошелъ Али.

— Рабъ!.. сказала Айша: возьми твою зурну и сыграй мнѣ самую лучшую мелодію, какую только ты одинъ можешь сыграть.

Али взялъ зурну—и раздались пріятные пѣвучіе звуки. Али игралъ пѣсню безъ словъ; и хотя самъ Али сочинилъ эту пѣсню, но то не была пѣсня раба. Властно, побѣдно звучали дивныя переливы мелодіи и уносились далеко-далеко, свободные, какъ мечта, и будили отъ дремоты и сна все кругомъ, и звали къ счастью.

Тяжело дыша и пламенѣя слушала музыку Айша; высоко вздымалась ея дѣвственная грудь, впивая ароматный воздухъ, и глаза ея какъ искры горѣли, устремленные на красиваго Али.

— Рабъ, ласково сказала Айша: перестань играть—я не могу больше слушать, прекрасны эти звуки, но они сводятъ меня съ ума... Ты очаровалъ меня своей музыкой. Проси-же у меня всего, чего ты пожелаешь, —клянусь, — я все исполню... для тебя.

И жадно протянувъ руки и блестящими глазами впиваясь въ глаза Али, Айша ждала.

Рабъ усмѣхнулся злой и торжествующей усмѣшкой, но смиренно поклонился до земли и сказалъ:

— Госпожа,—дай мнѣ одну крупинку гашиша.

Какъ ужаленная вскочила Айша и крикнула:

— Подлый рабъ! Какъ смѣешь ты мечтать о раѣ Магомета!.. Не довольно ли и для тебя того счастья, которое передъ тобою, на землѣ!..

Али отвѣтилъ:

— Ты обѣщала, госпожа, исполнить мою просьбу. Дай же мнѣ одну крупницу гашиша.

Дрожащими отъ гнѣва руками Айша открыла шкатулку, взяла флаконъ, украшенный изумрудами, крошечной ложечкой достала она крупицу гашиша и подала рабу.

Али проглотилъ гашишъ и вдругъ сѣлъ на полъ, потерявъ сознание дѣйствительности. Теперь уже онъ видѣлъ себя не рабомъ, а падишахомъ, и вокругъ него были его жены, прекрасныя, какъ звѣзды, и между ними была гордая госпожа его Айша; теперь уже она была его рабой и какъ величайшаго счастья ждала его призыва; и жены ласкали его, и райскіе звуки услаждали его слухъ, и дивный ароматъ былъ разлитъ въ воздухъ.

Айша глядѣла, стиснувъ зубы, на потерявшаго сознание раба и судорожно сжимала маленькій кинжалъ, что висѣлъ въ серебряной оправѣ на ея поясѣ.

По красивому лицу Али скользило выраженіе неизъяснимаго блаженства и счастья.

— Пусть же его счастье будетъ безконечно!.. подумала Айша.

И дико захохотавъ, она выхватила кинжалъ и всадила его въ горло раба.

Али умеръ счастливымъ.

Въ снѣгу.

Нашъ поѣздъ остановился, не доѣхавъ верстъ пять до маленькой станціи и мы узнали, что простои́мъ здѣсь нѣсколько часовъ: снѣжные заносы мѣшали двигаться дальше. Всѣ мы, пассажиры второго класса, стали дѣлиться провизіей другъ съ другомъ. Но не голодъ страшилъ всѣхъ: знали, что изъ окрестныхъ деревень принесутъ молока, яицъ, хлѣба. Всѣмъ страшна была скука. Принялись развлекать другъ друга разсказами. Собралось насъ шестеро мужчинъ, по трое vis-à-vis на двухъ сосѣднихъ диванахъ. Мы условились не знакомиться и не называть себя, чтобы можно было откровеннѣе разсказать что нибудь изъ собственной своей жизни. Очередь дошла до старика, еще красиваго мужчины съ сѣдыми усами, въ длинныхъ сапогахъ и въ желтомъ, домашняго сукна, охотничьемъ архалукѣ, перетянutomъ кожанымъ поясомъ съ серебрянымъ наборомъ. Старикъ этотъ спросилъ:

— Господа, вы ничего не будете имѣть противъ,

если я расскажу не про себя, а нѣчто изъ жизни моего знакомаго?.. Положимъ, нѣкоего г. Качнова?..

Мы согласились и тогда старикъ началъ свой рассказъ, не торопясь, припоминая и, видимо, заботясь о томъ, чтобы не исказить какого-нибудь эпизода...

Качновъ служилъ въ губернскомъ городѣ Багровскѣ писцомъ на маленькомъ жалованьи. Маша была модистка. Въ первый разъ Качновъ встрѣтилъ Машу въ семейномъ домѣ, у своего женатаго товарища по службѣ и сразу въ нее влюбился. Она вскорѣ полюбила Качнова страстно и беззаветно. Послѣ встрѣчъ, какъ будто случайныхъ, послѣ объясненій, свиданій, поцѣлуевъ,—словомъ, послѣ всего того, что полагается въ подобныхъ случаяхъ, не исключая увѣреній и клятвъ,—Маша отдалась Качнову. Они были счастливы и не думали о бракѣ: безъ того имъ было хорошо.

Они не жили вмѣстѣ, но видѣлись каждый день: она заходила къ нему, въ его маленькую комнатку подъ самымъ чердакомъ. Умѣла Маша придать и уютность и нѣкоторую своеобразную прелесть комнатѣ Гриши Качнова, въ которой прежде все напоминало о безалаберности жильца. На окнѣ появились чистенькія кисейныя занавѣски, чайная роза, герань и клѣтка со шегломъ; на столѣ водворилась скатерть и на стѣнахъ были повѣшены двѣ олеографіи, изображавшія никогда невиданныя обитателями здѣшнихъ мѣстъ швейцарскія озера, деревни и горы.

Почти цѣлый годъ были счастливы Маша и Качновъ. И вдругъ, совершенно забытый дядя Качнова, старый холостякъ, вызвалъ племянника въ свое имѣніе:

„Дряхлость одолѣла, не могу самъ вникать по хозяйству. Пріѣзжай помогать: тебѣ же все достанется.“

Такъ писалъ дядя.

Сколько надеждъ нахлынуло сразу...

Скоро они устроятся, будутъ жить безбѣдно, „самостоятельно“... Повѣнчаются... Не страшно будетъ за дальнѣйшую судьбу. Дѣти у нихъ будутъ... Сколько счастья передъ ними...

Люди они были маленькіе, мало развитые, и мечтали о счастья небольшомъ, просто о такъ называемомъ мѣщанскомъ счастье... Но и такое, кажется, не всякому дается, кто о немъ мечтаетъ, а больше льнетъ къ тѣмъ, кому оно не нужно.

Пока еще мечты сбудутся,—нужно было разстаться. Ёхать къ дядѣ вдвоемъ, да еще и не вѣнчанными, было невысказимо: старикъ всегда слылъ человѣкомъ шепетильнымъ. Кромѣ того, старый чудакъ не водилъ знакомства съ женатыми людьми. Онъ говорилъ:

— Никогда холостой не можетъ быть другомъ женатому. Если у того жена хороша,—произойдетъ предательство, а если дурна,—произойдетъ ссора.

И такого убѣжденія держался до старости.

Слѣдовательно, старикъ могъ совсѣмъ не принять племянника, если-бы тотъ женился. Качновъ, однако же, надѣялся приготовить дядю къ своей женитьбѣ: авось надоѣло старику жить одиноко и онъ будетъ радъ видѣть семью племянника въ своемъ домѣ.

Не хотѣлось Машѣ, чтобъ уѣзжалъ ея возлюбленный. Нѣсколько дней онъ откладывалъ поѣздки. Но вотъ, насталъ вечеръ, въ который онъ объявилъ, что завтра утромъ долженъ ѣхать непременно. Когда

онъ повторилъ, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ остаться еще хоть на одинъ день,—она неудержимо зарыдала. Онъ сталъ ее уговаривать, успокаивать, клялся, что и ему невыносимо тяжело расстаться съ ней, доказывалъ что, вѣдь, это же необходимо только на короткое время... Когда немножко успокоилась Маша, онъ попросилъ ее спѣть на прощанье.

У Маши былъ хорошій голосъ, — она пѣла по простому, не учась, какъ Богъ на душу положить и аккомпанировала себѣ на гитарѣ.

Гитара... это самый распространенный музыкальный инструментъ среди бѣдноты, которой не на что купить рояль, да и поставить этакую махину негдѣ; но бѣднота,—все-же хочетъ звуковъ музыки, хочетъ заставить струны звучать либо въ аккомпаниментъ своей пѣснѣ, либо просто, чтобы поласкать слухъ, чтобъ отвести душу...

Взяла Маша гитару, забѣгали ея пальчики по струнамъ,—заиграла она какую-то польку... Но не веселый былъ мотивъ этой польки, а печальный-печальный; и запѣла Маша:

«Ты уѣдешь — я останусь,
Какъ же быть мнѣ безъ тебя?
Ты полюбишь тамъ другую,
Позабудешь про меня...»

Да какъ разрыдается Маша... бросила гитару... долго Гриша не могъ ее успокоить...

Оказалась ея пѣсенка пророческой... Полюбилъ онъ „тамъ“ другую, — поповна ужъ очень его завлекла,—и хотя не забылъ онъ про Машу, но о женьитьбѣ на ней думать пересталъ. Первое время на-

дѣялся онъ скоро видѣть Машу, поѣхать къ ней, а послѣ и о томъ пересталъ думать. Между тѣмъ, и на поповнѣ онъ не женился: не судьба, значить.

Дядя умеръ, оставивъ Качнову маленькое имѣніице да небольшой капиталецъ. Часть денегъ Качновъ рѣшилъ „провожжировать“: давно мечталъ онъ Божій свѣтъ посмотреть.

Сначала онъ поѣхалъ въ Багровскъ: нужно было кое какія формальности по наслѣдству выправить.

Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ Машей. Слышалъ онъ о ней, что поступила она на содержаніе къ какому то инженеру, ѣздитъ на своихъ лошадахъ и кутитъ на пропалую.

Тянуло его съ ней повидаться. Но пріѣхавъ въ Багровскъ, Качновъ прожилъ нѣсколько дней, не рѣшаясь навѣстить Машу: боялся, что прогонитъ и осмѣетъ...

Увидѣлъ онъ ее случайно.

Былъ весенній, но пасмурный день, дождикъ только что пересталъ. Качновъ быстро шелъ по мокрому тротуару, завернувъ концы брюкъ и жалѣя о томъ, что не взялъ съ собою зонтикъ и что его новенькій котелокъ нѣсколько пострадалъ отъ дождя. Шелъ Качновъ и не обращалъ никакого вниманія ни на кого на улицѣ, какъ вдругъ какое то странное душевное движеніе заставило его взглянуть прямо передъ собою. Онъ увидѣлъ мчавшійся на встрѣчу экипажъ, запряженный парой рысаковъ, съ англійскою упряжью.

Какъ бы въ нарушеніе всякаго стиля и гармоніи, на козлахъ сидѣлъ толстый бородатый кучеръ въ русской поддевкѣ и въ шапкѣ съ павлиньими перья-

ми. Въ коляскѣ развалилась шикарно одѣтая женщина, въ необычайно пышной шляпѣ.

Качновъ почему то шагнулъ на самый край тротуара и остановился. Экипажъ приближался. Шикарная дама,—это была Маша,—замѣтила Качнова; она вся устремилась впередъ... Но вдругъ опять отвалилась по прежнему. Коляска промчалась мимо и резиновыми шинами обдало Качнова жидкой грязью съ ногъ до головы и залѣпило каплями грязи лицо... Маша видѣла это, обернулась и... захохотала... Лошади повернули за уголъ. И публика, проходя мимо Качнова, смѣялась.

Онъ почти бѣгомъ ринулся домой, въ гостиницу, гдѣ остановился. Бѣшенство охватило его, необычная злоба нахлынула въ сердце... И если-бъ въ тѣ минуты онъ встрѣтилъ Машу лицомъ къ лицу... Впрочемъ, этого мнѣ неизвѣстно, что бы онъ тогда сдѣлалъ.

Онъ въ тотъ же день уѣхалъ изъ Багровска.

Десять лѣтъ прошло съ той встрѣчи.

Качновъ сидѣлъ въ своей деревенькѣ, втянулся въ однообразную жизнь мелкаго помѣщика, научился сводить концы съ концами въ хозяйствѣ и ладить съ сосѣдями, обзавелся экономкой по душѣ и давно уже забылъ Машу.

Слуховъ о ней никакихъ до него не доходило. И вотъ, удивительное сѣппленіе обстоятельствъ, господа: случилось ему совершенно неожиданно поѣхать въ Багровскъ. Десять лѣтъ обходился онъ безъ этого губернскаго города, — а вотъ пришлось таки опять туда поѣхать...

Качновъ прѣхалъ въ Багровскъ днемъ и до вечера хлопоталъ по своимъ дѣламъ, а вечеромъ отправился въ театръ: оперетка шла веселая, хотѣлось ему поразвлечься.

Возвращаясь изъ театра, пошелъ онъ пѣшкомъ: близко было до гостиницы, гдѣ онъ остановился, — нужно было только пройти небольшой узенькій переулочъ, плохо освѣщенный керосиновыми фонарями.

Въ этомъ переулкѣ наткнулся Качновъ на лежавшее человѣческое тѣло. Стоялъ декабрь, — морозъ былъ сильный, — и можно было предполагать, что замерзъ какой-нибудь нищій, не успѣвшій собрать на ночь легъ... Качновъ крикнулъ, чтобы кто-нибудь помогъ.

Собрался народъ.

Стали переворачивать тѣло, — это была женщина, жалкая, въ отребьяхъ...

— Замерзла... воскликнулъ кто-то: мертвая...

Явился городской, позвали извозчика, везли трупа на сани; Качновъ помогалъ поднимать и укладывать. И при тускломъ свѣтѣ сосѣдняго фонаря узналъ Качновъ въ замерзшей, грязной, измозженной женщинѣ, — узналъ когда то милыя ему черты Маши... И грохнулся на землю.

Опомнися Качновъ, лежа на снѣгу, въ переулкѣ. Ему терли виски. Когда онъ сталъ приподниматься, — услышалъ, что въ окружавшей его толпѣ говорили:

— Это бываетъ: отъ жалости господа — прямо въ омморокъ...

— Чувствительный баринъ...

Вотъ и весь мой разсказъ, господа.

— Г-м-мъ!.. А вотъ мнѣ пришлось видѣть нѣчто.. противоположное, — сказалъ господинъ среднихъ лѣтъ съ лихими скобелевскими бакенбардами, въ офицерской фуражкѣ и штатскомъ сюртукѣ.

Онъ курилъ сигару, заботливо слѣдя, чтобы не уронить пепель. Разсказывать онъ сталъ небрежно, лѣниво, — такъ только, чтобы не остаться въ долгу передъ компаніей.

— Былъ я тогда адъютантомъ въ кавалерійскомъ полку, былъ, кажется, недурень собой и было тогда у меня нѣсколько такихъ связей, которымъ завидовали многіе. Однако же, въ холостой офицерской компаніи бывалъ я изрѣдка и въ наиболѣе дорогихъ домахъ, гдѣ, знаете, танцуютъ и прочее... Но тамъ я сблизился всего только одинъ разъ, да и то лишь потому, что встрѣтилъ дѣвушку поразительной красоты. Ее звали Ружанна. Странное имя, не правда ли? У нихъ, однако, бываютъ имена еще болѣе удивительныя, — псевдонимы, такъ сказать.

За Ружанной не нужно было ухаживать, только нужно было заплатить. И я заплатилъ.

Я былъ очарованъ этой продажной женщиной, — прямо таки очарованъ, господа!

Онъ сдѣлалъ порывистое движеніе рукой; — пепель упалъ съ сигары. Тогда онъ пересталъ курить, не спѣша сунулъ сигару въ пепельницу на стѣнкѣ вагона и продолжалъ:

— Видите ли, господа, эта женщина покорила

меня не одной красотой, но еще и своей необычайной въ такомъ домѣ скромностью, изяществомъ манеръ и глубокой грустью, которую напрасно старалась она скрыть.

Разумѣется, заплативъ деньги за ея тѣло, я не счелъ себя въ правѣ беречь ея душу и ровно ни о чемъ ее не разспрашивалъ. Только рѣшилъ пріѣхать къ ней опять.

Не знаю, что бы вышло изъ этого... ну, почти... гм-м-мда... почти увлеченія... Но мнѣ уже не пришлось видѣть въ этомъ домѣ Ружанну. Черезъ нѣсколько дней, когда я пріѣхалъ опять въ тотъ же домъ, вообразите, господа,—совсѣмъ оживился рассказчикъ,—я узналъ, что Ружанна вышла замужъ...

Ну, знаете, надо бы радоваться, такъ сказать, за человѣка, а между тѣмъ, до того мнѣ досадно стало, такъ досадно... чортъ знаетъ!..

Узналъ я, что Ружанна вышла замужъ за аптекаря и узналъ, за какого. Рѣшилъ я такъ: познакомлюсь я съ мужемъ Ружанны, войду къ нимъ въ домъ во что бы то ни стало, буду держать себя съ нею, какъ съ порядочной женщиной, ничѣмъ не напому о нашемъ, такъ сказать, прежнемъ постыдномъ знакомствѣ,—такое мое отношеніе должно ее тронуть,—и, наконецъ, добьюсь, что она меня полюбитъ. И даже въ моихъ мечтахъ я доходилъ до того, что готовъ былъ устроить разводъ Ружанны съ мужемъ и жениться на ней самъ. Я готовъ былъ затратить на это дѣло какія угодно деньги; тогда былъ я очень богатъ. Потомъ я спустилъ мое состояніе въ штоссъ.

Онъ беззаботно и весело усмѣхнулся при воспо-

минаніи о томъ, какъ спустилъ состояніе, вынулъ изящный портъ сигаръ, досталъ дорожную регалию, стиснулъ ее конецъ крѣпкими бѣлыми зубами и закурилъ.

— Ъзжу во второмъ классѣ, а не въ первомъ, — экономію загоняю, — а отъ хорошихъ сигаръ никакъ не могу отвыкнуть... Такъ вотъ, господа: еслибы на Ружаннѣ этотъ аптекарь не женился, то возможно, что я бы только натѣшился съ этой женщиной и никогда бы не дошелъ до мысли сдѣлать ее своей женой...

Пока еще уластся завести знакомство съ мужемъ Ружанны, рѣшилъ я зайти въ его аптеку. Захожу — сюрпризъ: аптекарь уже другой, а прежній передалъ аптеку еще до женитьбы и, повѣнчавшись съ Ружанной, совсѣмъ и навсегда уѣхалъ неизвѣстно куда.

Это извѣстіе привело меня прямо въ бѣшенство. А между тѣмъ, я бы долженъ былъ предвидѣть нѣчто подобное. Аптекарь желалъ дать своей женѣ новую среду, гдѣ ее не оскорбляли бы случайныя встрѣчи съ прежними случайными знакомыми. И вотъ, года четыре я вспоминалъ о Ружаннѣ и уже мои связи съ дамами общества не захватывали меня такъ, какъ прежде.

Случилось мнѣ лѣтомъ быть въ Ригѣ. Тамъ, передъ городскимъ театромъ, есть прелестный садикъ, а въ саду этомъ — горка съ кустарниками, клумбами, дорожками, а на горкѣ — кафе-ресторанчикъ. Тамъ я пилъ кофе и съ удовольствіемъ посматривалъ на красивое предмѣстье Риги. Помню, мое вниманіе особенно привлекало зданіе политехникума, — я люблю красивыя постройки. Рѣзвившійся не по-

далеку около клумбы цвѣтовъ ребенокъ захохоталъ такъ звонко, что я перевелъ взглядъ на него и на сидѣвшую около ребенка даму, — и вдругъ меня словно пронзили саблей, — такое же чувство я разъ на дуэли испыталъ: все во мнѣ замерло, — думаю, перестанетъ сердце биться, — умру. Это я, господа, Ружанну узналъ въ той дамѣ. Она, элегантно одѣтая, подъ кружевнымъ зонтикомъ, сидѣла на садовомъ диванчикѣ и любовалась рѣзвившимся своимъ трехлѣтнимъ сынишкой, — и смѣялась счастливымъ смѣхомъ. Не знаю, сразу ли я пришелъ въ себя, — только знаю, что я рванулся къ дамѣ и ребенку, и крикнулъ: — Ружанна!..

Боже мой, господа, — какъ поразилъ ее этотъ окликъ!.. Она вскочила, выпрямилась, уцѣпилась за руку сынишки, какъ будто его собирались отнять у ней, — стиснула зубы, нахмурилась, ноздри ея дрожали, и глядѣла она на меня, какъ разъяренная тигрица.

Я въ ту же минуту сообразилъ мою безтактность, снялъ фуражку, низко поклонился и сказалъ:

— Простите, сударыня!... Я не хотѣлъ оскорбить васъ, — это невольно вырвалось у меня... Я искалъ васъ четыре года, искалъ и страдалъ, какъ безумный.

Можетъ быть, у меня былъ очень растерянный видъ, или въ голосѣ моемъ она подмѣтила искреннюю мольбу, а можетъ быть, — почему я знаю?.. — можетъ быть, припомнивъ меня, она рѣшила, что не нужно сердиться. — Ружанна сѣла опять, погладила по головкѣ мальчика, смотрѣвшаго испуганно на меня, и сказала:

— Я вѣрю, что вы не хотѣли меня оскорбить. Но зачѣмъ же вы искали меня? Вы же знали, что я вышла замужъ...

— Я надѣялся, — виноватъ, — я думалъ, что, можетъ быть, вы не нашли счастья съ мужемъ.

И въ такомъ случаѣ, вы не прочь были бы опять позабавиться со мной?

Она спросила это безъ горечи, только съ глубокой грустью.

— Ружанна!.. Виноватъ: сударыня, — я люблю васъ... Я богатъ... я...

Она серьезно посмотрѣла на меня и сказала:

— Прошу васъ: никогда не встрѣчайтесь на моей дорогѣ. Забудьте обо мнѣ. Прощайте.

Она встала, взяла за руку сына и пошла съ нимъ прочь отъ меня такъ быстро, что мальчикъ еле успѣвалъ бѣжать за нею.

— Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ ее...

За окномъ глухо слышались паровозные свистки. Поѣздъ тяжело тронулся съ мѣста. Снѣгъ былъ расчищенъ.

Вошелъ кондукторъ и сказалъ:

— Ваши билеты, господа! Приготовьте ваши билеты для контроля.

Два мецената.

I.

Сергѣй Петровичъ Воронинъ служилъ въ правленіи Н-скаго страхового общества и зарабатывалъ довольно для того, чтобы жить съ семьей въ полномъ достаткѣ, если, конечно, не позволять себѣ чего нибудь особеннаго; но онъ имѣлъ пагубную страсть собирать произведенія живописи. Жилъ онъ скромно, не пилъ, не считая случаевъ, когда „необходимо бываетъ“ выпить: въ торжественныхъ обстоятельствахъ, — и даже не курилъ; самъ одѣвался и семью одѣвалъ такъ, чтобы только было мало-мальски прилично, — и все-таки всегда нуждался въ деньгахъ изъ-за своей пагубной страсти. Когда онъ обращался къ кому либо изъ знакомыхъ съ просьбой одолжить ему двадцать пять рублей до жалованья, — ему сначала рѣдко отказывали: Воронинъ прежде аккуратно расплачивался; ему давали займы, но укоризненно качали головой, а нѣкоторые пріятели и прямо его упрекали:

— Опять какую нибудь мазню присмотрѣлъ?..
Эхъ ты...

Одинъ только знакомый, старикъ бухгалтеръ Мурзиловъ, находилъ извиненіе этой страсти Сергѣя Петровича. Мурзиловъ говорилъ:

— Каждый по своему съ ума сходитъ. У каждаго человѣка есть своя зацѣпка... А Сергѣй Петровичъ, при своей странности, человѣкъ достойный.

Воронинъ понималъ толкъ въ живописи. Многіе извѣстные художники знали его лично, потому что онъ приходилъ къ нимъ въ мастерскую, знакомился и говорилъ:

— Простите пожалуйста, что осмѣливаюсь васъ беспокоить... Но у меня страсть... Нѣсколько мазковъ вашей кисти,—это моя мечта... Между тѣмъ, я не имѣю возможности затратить больше пятидесяти рублей... Можетъ быть за эту сумму вы мнѣ уступите какойнибудь, самый незначительный, набросочекъ.

Если художникъ уже слышалъ о Воронинѣ,—онъ охотно продавалъ ему за пятьдесятъ рублей этюдъ или эскизъ, которые стоили гораздо больше. Если Воронинъ былъ художнику совсѣмъ неизвѣстенъ,—выяснялось сейчасъ же, какъ тонко понимаетъ странный меценатъ въ живописи, какъ вѣрно угадывалъ онъ замыслы, грезы художника по нѣсколькимъ штрихамъ... Знакомство устанавливалось и Воронинъ уходилъ съ этюдомъ. Иногда съ него даже не брали денегъ совсѣмъ и, во вниманіе къ его „охотѣ смертной при участи горькой“ дарили ему этюдъ. Тогда Воронинъ старался изыскать всякіе способы, чтобы не остаться въ долгу передъ художникомъ: присылалъ тому чтонибудь въ подарокъ „отъ неизвѣстнаго“

или самъ приносилъ нѣсколько вещицъ своего издѣлія: Воронинъ выжигалъ по дереву, недурно выходили у него и тисненія по кожѣ, и нѣкоторыя другія кустарно - художественныя работы.

Долго не рѣшался Воронинъ пойти къ художнику Зимину, старому профессору, слава котораго гремѣла по всему міру. Но наконецъ рѣшился пойти и къ Зимину. Предварительно Сергѣй Петровичъ считалъ необходимымъ собрать деньжонокъ не меньше, какъ сто рублей. И съ этой суммой было страшно къ Зимину пойти,—это не то, что къ Рамилову, который и за двадцать пять далъ великолѣпный эскизъ своей картины, или къ Рубаченко,—который за пятьдесятъ уступилъ настоящую картину. Когда насталъ желанный часъ для Сергѣя Петровича и онъ, признавъ малую толику, положилъ въ свой тощій кошелекъ цѣлую сторублевку,—онъ не могъ дожидаться воскресенья, дня свободнаго отъ службы, а просто отпросился у начальника и поѣхалъ къ Зимину.

Сергѣя Петровича провели въ гостиную и къ нему вышелъ изъ мастерской художникъ въ синей блузѣ поверхъ пиджака.

Зиминъ выслушалъ внимательно говорившаго робко Сергѣя Петровича, взялъ сто рублей, попросилъ минутку обождать и вынесъ изъ мастерской маленькій набросочекъ карандашемъ, вырванный изъ альбома и даже не подписанный.

— Вотъ вамъ... Больше ничего не могу.

Воронинъ взглянулъ на рисунокъ, подлинный рисунокъ великаго художника и, принявъ съ благо-

говѣніемъ маленькій листокъ бумаги, поблагодарилъ за вниманіе къ его просьбѣ.

Профессоръ пристально и серьезно смотрѣлъ на Воронина и довольно сдержанно съ нимъ простился. Но когда Сергѣй Петровичъ уже одѣлся въ передней и собрался уходить, Зиминъ попросилъ его остаться на нѣсколько минутъ и посмотреть его мастерскую.

Замирая отъ восторга, Сергѣй Петровичъ сбросилъ пальто и пошелъ за художникомъ въ его мастерскую. Здѣсь профессоръ сталъ показывать Сергѣю Петровичу свои картины и оконченныя, и только начатыя, показывалъ этюды, эскизы, альбомы.

— Столько счастья вы дали мнѣ, профессоръ, столько счастья... благодарилъ Сергѣй Петровичъ.

— А какъ вамъ нравится вотъ эта?—спросилъ Зиминъ и показалъ небольшую свою картину „Тоска“, которая была на прошлой выставкѣ и вызвала много толковъ.

— Это... объ этой картинѣ такъ много говорилось,—скромно отвѣтилъ Воронинъ.

— Ну, а ваше личное мнѣніе? Откровенно...

— Откровенно,—это одна изъ самыхъ лучшихъ вашихъ работъ, профессоръ... Мнѣ кажется, вы писали эту вещь въ наивысшемъ экстазѣ художественнаго творчества.

— Да... Такъ вамъ эта картина нравится... Вотъ что: рисунокъ, что вы у меня купили, стоитъ не дороже пяти рублей,—а вы заплатили сто...

— Полно, что вы... развѣ можно такъ цѣнить художественныя произведенія... Да если-бъ я былъ богатъ,—я бы...

— Пусть ужъ оно такъ и будетъ: пятирублевый рисунокъ у васъ останется за сто... А вотъ „Тоску“ я вамъ дарю,—благо она вамъ нравится... Пожалуйста, пожалуйста, не отказывайтесь... Я въ деньгахъ не нуждаюсь... А мнѣ пріятно, что эта вещь будетъ въ хорошихъ рукахъ... На сколько я васъ понялъ...

На прощанье Зиминъ сказалъ Сергѣю Петровичу:

— Вы меня извините,—я васъ сначала за маклака принялъ... хитрый народъ,—на всякія штуки пускаются... А теперь я радъ, что съ вами познакомился.

II.

У Воронина собралась довольно богатая коллекція художественныхъ произведеній: рисунки карандашемъ и перомъ, этюды, эскизы масляными красками и акварелью, даже были картины; каждая вещь была въ богатой рамѣ, обдуманной строго, съ любовью къ тому произведенію, для котораго заказывалась рама; у Воронина было много вкуса. Сергѣй Петровичъ не умѣлъ успокоиться, до тѣхъ поръ, пока пріобрѣтенное имъ художественное произведеніе не вставлялось въ раму. На рамы онъ такъ же сколачивалъ деньги, отказывая себѣ во многомъ изъ того, что въ каждой заурядной семьѣ считается необходимымъ,—онъ даже занималъ деньги на рамы, какъ занималъ, чтобы пріобрѣсти самое художественное произведеніе. И мало по малу у непрактичнаго, нерасчетливаго Сергѣя Петровича накопилось много долговъ. Ему приходилось „переворачиваться изъ кулька въ рогожу“, занимать въ одномъ мѣстѣ, чтобы отдать въ другомъ. Мало по малу Сергѣй Петро-

вичъ пересталъ быть аккуратнымъ должникомъ,— приходилось пропускать сроки, оттягивать платежи, —просить объ отсрочкѣ,— иногда клянчить, часто унижаться...

Но едва Сергѣй Петровичъ на нѣсколько дней выбивался изъ труднаго положенія, едва онъ одинъ или съ женой забивался въ уголъ своей гостиной,— онъ отдыхалъ душой, успокаивался.

Небольшая гостиная Воронина, она же и кабинетъ, была уютно обставлена. Дешевыя ткани кустарнаго издѣлія, дощечки и полочки съ выжиганьемъ своей работы, съ такимъ вкусомъ были расположены надъ дверьми и окнами, и на стѣнахъ, что казались красивѣе, милѣе, чѣмъ дорогія декоративныя украшенія, покупаемыя въ магазинахъ. Только одна была цѣнная вещь въ комнатѣ, кромѣ картинъ, — бронзовая фигура, которую получилъ Воронинъ отъ одного мебельщика антикварія въ обмѣнъ на свою работу.

Окидывая взглядомъ висѣвшіе на стѣнахъ картины, этюды,—Воронинъ становился счастливымъ человекомъ: забывалъ обо всѣхъ непріятностяхъ и дразгахъ, о кредиторахъ, о насмѣшкахъ сослуживцевъ надъ нимъ, который всѣмъ долженъ; онъ погружался весь въ созерцаніе этихъ результатовъ творчества художниковъ, любовался каждымъ талантливымъ штрихомъ, мазкомъ; передъ нимъ выступали изъ рамъ живые люди съ разными ихъ чувствами и Сергѣй Петровичъ зналъ, понималъ и любилъ каждое лицо этихъ картинъ, этюдовъ; и казалось ему, что такъ-же и «они» его знали и любили. Глядя

на маленькій пейзажъ Левитана, Сергѣй Петровичъ забывалъ о томъ, что онъ въ Петербургѣ, что кругомъ громады—дома, что на улицѣ пасмурно и холодно... Ему казалось, что смотреть онъ не въ раму этюда, а въ маленькое окошечко,—и видитъ деревеньку съ церковью на берегу. Жаркій лѣтній день; истомой дышетъ воздухъ; грозовая туча заволочла все небо,—вотъ-вотъ блеснетъ молнія, громъ загремитъ, польетъ благодатный дождь-ливень; ярко отразилась въ рѣкѣ и туча, и деревенька съ церковью, и челнокъ у бережка...

Жена Воронина, Надежда Николаевна, научилась отъ мужа понимать и любить художественныя произведенія; она старалась съэкономить по хозяйству, чтобы можно было заплатить поскорѣе какойнибудь долгъ и чтобы можно было купить еще чтонибудь у художниковъ.

Когда наступали тяжелые дни и Сергѣй Петровичъ начиналъ падать духомъ, — Надежда Николаевна старалась успокоить его:—звала дѣтей,—тѣ лѣзли къ отцу на колѣни и Сергѣй Петровичъ приходилъ въ хорошее настроеніе и вскорѣ начиналъ уже твердо надѣяться на авось:

«Можетъ быть наградные въ этомъ году увеличатъ... Можетъ быть прибавятъ жалованья. Пять лѣтъ на одномъ окладѣ работаю... Можетъ быть назначать опять вечернія занятія за плату. Максимовъ навѣрное отстрочить платежъ, ему бы только проценты получить... А между тѣмъ съэкономимъ, отложимъ чтонибудь»...

III.

Приближался срокъ платежа знакомому чиновнику N—скаго департамента Бузунову, который, получивъ маленькое наслѣдство, пускалъ деньги въ ростъ. Сергѣй Петровичъ долженъ былъ Бузунову четыреста пятьдесятъ рублей, но требовалось скоро отдать только сто пятьдесятъ, остальные триста — черезъ полгода.

Сергѣй Петровичъ уже собралъ сто двадцать пять, остальные двадцать пять надѣялся онъ достать въ теченіе недѣли, которая оставалась до срока. Въ крайнемъ случаѣ, Бузуновъ, человѣкъ одинокій, въ деньгахъ не нуждающійся, — не разсердится, если немного не хватитъ для платежа.

Въ воскресенье Сергѣй Петровичъ воспользовался свободнымъ днемъ, чтобы сходить на посмертную выставку художника Вильда. О смерти Вильда Сергѣй Петровичъ жалѣлъ тѣмъ болѣе, что ничего не успѣлъ купить у этого художника, самобытнаго и очень извѣстнаго. На выставкѣ множество работъ Вильда продавалось, и Сергѣя Петровича заинтересовало, сколько можетъ стоить на посмертной выставкѣ вотъ этотъ маленький этюдъ — кузнецъ за своей работой, ярко освѣщенный краснымъ свѣтомъ отъ горна.

Воронинъ пошелъ въ бюро выставки справиться, --- изъ любопытства.

— Пятьдесятъ рублей, — отвѣтили ему.

— Не можетъ быть: вы ошибаетесь... Я спрашиваю о цѣнѣ вотъ этюда... кузнецъ... Не дороже ли?

— Именно пятьдесятъ рублей, повторили ему.

— Въ такомъ случаѣ—получите деньги, этюдъ я покупаю.

Радостный шелъ Сергѣй Петровичъ домой: приобрѣлъ такое чудное произведеніе талантливаго художника... Смушала только мысль о предстоящемъ объясненіи съ Бузуновымъ.

— Эхъ!

Тряхнулъ головой Сергѣй Петровичъ и увидѣлъ знакомаго студента Мордика, веселаго жизнерадостнаго молодого человѣка. Теперь Мордикъ въ глубокое раздумье сидѣлъ на тубаретѣ дворника, у воротъ дома, въ которомъ жилъ. Вдругъ онъ порывисто поднялся и, не замѣчая подходившаго Воронина, хотѣлъ уйти въ ворота. Сергѣй Петровичъ его окликнулъ.

— Что это вы, Мордикъ, не рѣшили-ль, какъ перевернуть землю, даже безъ архимедова рычага?

Мордикъ очень спѣшилъ уйти, но велика была и потребность высказаться. Онъ обрадовался Воронину:

— Вы почти угадали... Я поглощенъ былъ наукой о равновѣсіи... Только что рѣшилъ статическую задачу... Сестра лежитъ больна... ей нужна операція, а въ больницу везти опасно: пожалуй, не доведемъ... Надо пригласить хирурга... Денегъ нѣтъ... Если я отдамъ сколоченные отъ уроковъ мои пятьдесятъ рублей, то ей сдѣлають операцію дома и она будетъ жива, а меня выгонять изъ университета за невзносъ платы за ученіе... Ну, такъ вотъ, я, наконецъ, рѣшилъ задачу: отдаю деньги за жизнь сестры и бросаю пока университетъ... И какой подлый че-

ловѣкъ я: не сразу вѣдь рѣшилъ, а ушелъ отъ сестры, да съ полчаса думалъ: очень себя жалко...

— Зачѣмъ же, Мордикъ, университетъ бросать?.. Вы могли бы... Ну, хотя занять гдѣ нибудь...

— Не могъ бы,—ошибаетесь: во первыхъ, я не знаю, когда и чѣмъ отдамъ долгъ, а во вторыхъ,—мнѣ никто не дастъ...

— Отчего же такъ? Вотъ, пожалуйста, возьмите пятьдесятъ рублей... Отдадите, когда кончите университетъ и будете много зарабатывать...

Мордикъ взялъ деньги, молча крѣпко пожалъ руку Сергѣя Петровича и поспѣшно шагнулъ въ ворота: Мордикъ чувствовалъ, что у него сейчасъ брызнутъ слезы и боялся, что это замѣтитъ Воронинъ.

Сергѣй Петровичъ неловко чувствовалъ себя, когда явился въ N---скій департаментъ и сказалъ сторожу:

— Передайте г. Бузунову, что я прошу его пожаловать въ пріемную комнату... что я здѣсь буду ждать...

Сторожъ въ мундирѣ съ галуномъ ушелъ и Сергѣй Петровичъ остался одинъ въ пріемной комнатѣ.

Бузуновъ скоро пришелъ. Это былъ высокій, сухой человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ золотыхъ очкахъ, съ холоднымъ взглядомъ бѣлесовато-синеватыхъ глазъ; жиденькіе борода и усы, тонкія чуть-чуть сжатые губы, гладкая прическа на косой проборъ. Сергѣй Петровичъ—человѣкъ средняго роста, съ наклономъ къ полнотѣ, съ небрежно лежавшими волосами на головѣ, съ открытымъ яснымъ, немножко наивнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, чувствовалъ себя передъ

Бузуновымъ какъ будто маленькимъ, пришибленнымъ, жалкимъ.

Бузуновъ разсчитывалъ получить сто двадцать пять рублей; онъ привѣтливо протянулъ руку:

— Здравствуйте, Сергѣй Петровичъ...

— Здравствуйте, Захаръ Васильевичъ. А у меня къ вамъ большая просьба: такъ обстоятельства сложились... Непредвидѣнныя обстоятельства... путался Сергѣй Петровичъ: будьте такъ добры, отсрочить мой платежъ...

— Но вѣдь первый платежъ небольшой, — сто пятьдесятъ рублей... Тамъ еще триста... холодно напомнилъ Захаръ Васильевичъ.

— Къ тому времени я и всѣ отдамъ... Непременно отдамъ. А что насчетъ процентовъ...

Бузуновъ поморщился: онъ любилъ, когда ему платили проценты, но терпѣть не могъ, чтобы о нихъ говорили.

— Видите-ли, Сергѣй Петровичъ... Мы съ вами оба оказались въ очень даже непріятномъ положеніи... Такъ я на вашу аккуратность надѣялся, такъ надѣялся... и вдругъ... Очень даже непріятное положеніе... Теперь я долженъ вамъ признаться: мнѣ крайне нужны были деньги и я ваши векселя продалъ... одному знакомому. Хотя векселя оба написаны „по предъявленію“, но мой знакомый далъ мнѣ слово, что если вы въ срокъ уплатите первый взносъ, то онъ второй обождетъ полгода, какъ и я вамъ обѣщалъ... Теперь же я боюсь, какъ бы онъ не поссорилъ насъ съ вами, Сергѣй Петровичъ, — непріятно было бы...

Сергѣй Петровичъ понялъ, что Бузуновъ хитритъ и хочетъ прижать его черезъ какого-то знакомаго.

— Бога ради, пощадите, Захаръ Васильевичъ, дайте срокъ, — соберу вамъ эти сто двадцать пять рублей не позже, какъ черезъ недѣлю...

— Теперь уже я не при чемъ... обстоятельства заставили продать векселя...

— Такъ попросите вашего знакомаго... Не безъ сердца же онъ человѣкъ...

— Съ удовольствіемъ попрошу... Это я съ удовольствіемъ... И очень можетъ быть, что все уладится... А меня начальство ждетъ... До свиданія, Сергѣй Петровичъ...

IV.

Вечеромъ Сергѣй Петровичъ дѣлился своими страхами съ женой. Миньятюрная, еще красивая блондинка, Надежда Николаевна старалась его успокоить. Она прижалась къ мужу въ уголокъ дивана, обняла и смотрѣла ему въ глаза своими ясными, добрыми глазами.

— Все это не такъ скоро можетъ случиться... Очень ты мнителенъ, Сережа... Вѣрнѣе, что придетъ этотъ его знакомый и назначить новый срокъ... Продадимъ что-нибудь...

Сергѣй Петровичъ съ тоской взглянулъ на картины. Надежда Николаевна поспѣшила сказать:

— Что-нибудь похуже отберемъ, что теперь не такъ уже дорого тебѣ... Самъ же ты говорилъ, что нѣсколько болѣе слабыхъ вещей не мѣшало бы совсѣмъ убрать, что не мѣсто имъ рядомъ съ картиной Зимина... Отберемъ и продадимъ, — вотъ и

хватить расчитаться съ Бузуновымъ... А пока онъ еще напуститъ на насъ этого знакомаго, можетъ быть даже и ничего не продавая достанемъ денегъ... Кто-нибудь выручитъ...

— Чувствуетъ мое сердце, говорилъ Сергѣй Петровичъ, получу завтра же повѣстку въ судъ.

— Что-жъ, если и получишь, успокаивала Надежда Николаевна,—пока еще судъ,—успѣешь, въ крайнемъ случаѣ, продать что поплоче...

Утромъ Сергѣй Петровичъ только что отпилъ кофе и собирался уходить на службу, въ передней раздался рѣзкій звонокъ.

Надежда Николаевна почему-то схватила за сердце, Сергѣй Петровичъ поблѣднѣлъ.

Прислуга открыла дверь и сообщила:

— Судебный приставъ и г. Кусановъ.

Въ переднюю вошли эти двое: въ судейской формѣ пожилой рыженькій господинъ и съ нимъ — «штатскій» — толстякъ съ бритыми жирными щеками; его густые усы опускались на бороду; когда онъ снялъ шляпу, оказался остриженнымъ ежомъ. Глаза на выкатъ смотрѣли поверхъ золотыхъ очковъ, съѣхавшихъ на конецъ носа.

Они безъ приглашенія сняли въ передней пальто и прошли въ гостиную.

Приставъ вѣжливо поклонился хозяевамъ этой квартиры; Кусановъ же не поклонился, онъ еле взглянулъ на Сергѣя Петровича и Надежду Николаевну, повертѣлъ пальцами массивную золотую цѣпь на жилетѣ, заложилъ руки за спину и, поднявъ голову, сталъ сквозь очки разсматривать обстановку этой незнако-

мой ему квартиры, въ которой онъ чувствовалъ себя хозяиномъ.

— Я, судебный приставъ, явился къ вамъ по предписанію суда для описи вашего имущества на обезпеченіе иска съ васъ вотъ... г. Кусанова.

— Я не знаю г. Кусанова, сказалъ Сергѣй Петровичъ.

Кусановъ отвелъ глаза отъ картинъ, опустилъ голову и, молча, взглянулъ черезъ очки на Сергѣя Петровича съ нѣкоторымъ удивленіемъ: что это за наивный такой господинъ—порядковъ не понимаетъ...

Сергѣю Петровичу показалось, что смотреть на него удавъ, который уже охватилъ его своими кольцами и вотъ-вотъ сожметъ, сдavitъ на смерть.

Приставъ подошелъ къ письменному столу, положилъ свой портфель, вынулъ нѣсколько бумагъ и продолжалъ монотонно, немножко звенящимъ голосомъ:

— Дворянинъ Евгеній Александровичъ Кусановъ пріобрѣлъ отъ коллежскаго ассесора Захара Васильевича Бузунова два вашихъ векселя: на сумму сто пятьдесятъ и триста, а всего на четыреста пятьдесятъ рублей. Въ обезпеченіе иска на эту сумму и долженъ я приступить къ описи вашего имущества.

— Но зачѣмъ же... къ описи?.. Я и такъ уплачу... все уплачу... до копейки...

— Когда уплатите,—тогда мы снимемъ арестъ,—сказалъ Кусановъ баскомъ, отчеканивая каждое слово, а пока, г. приставъ, потрудитесь приступить къ описи имущества г. Воронина.

Изъ дѣтской слышался плачъ грудного ребенка,--

Зои. Надежда Николаевна вышла, притворивъ за собою дверь въ столовую. Ребенокъ скоро умолкъ.

Сергѣй Петровичъ подумалъ:

„Сейчасъ Зоя сосетъ молочко изъ груди матери... А эти примутся сосать кровь изъ меня“...

V.

— Письменный столъ... отчеканилъ Кусановъ, — красного дерева, покрытый кожей... пять рублей...

— Помилуйте... воскликнулъ Сергѣй Петровичъ, любой старьевщикъ за этотъ столъ сейчасъ дастъ... сорокъ рублей... можетъ быть, больше...

— Пять рублей, — хладнокровно и настойчиво, повторилъ Кусановъ и опять взглянулъ на Сергѣя Петровича глазами удава.

Приставъ пересталъ на минуту писать и объяснилъ Сергѣю Петровичу:

— Законъ предоставляетъ взыскателю полное право оцѣнивать имущество должника по своему усмотрѣнію... Если вы не согласны съ оцѣнкой г. Кусанова, — имѣете право просить о назначеніи экспертовъ, — за вашъ счетъ, — для переоцѣнки имущества.

Сергѣй Петровичъ сѣлъ на кресло въ уголокъ и уже оставался безмолвнымъ зрителемъ дальнѣйшей описи.

— Книжный шкафъ съ разными книгами... продолжалъ Кусановъ, перечислять книги не стоитъ: мы опечатаемъ шкафъ... съ разными книгами... двадцать рублей...

Небольшая, но хорошо составленная библіотечка

Сергѣя Петровича стоила, по крайней мѣрѣ, триста рублей.

Кусановъ продолжалъ перечислять вещи—мебель, лампы, и всему назначалъ цѣну невѣроятно низкую.

— Бронзовая фигура: женщина играетъ на скрипкѣ,—два рубля...

— Картины разныхъ художниковъ...

— Ну, это ужъ вы потрудитесь перечислить,—какихъ именно художниковъ,—сказалъ приставъ.

Тутъ Сергѣй Петровичъ долженъ былъ помогать называть, какая вещь какого художника. Кусановъ внимательно разсматривалъ подписи на этюдахъ и картинахъ...

— Всего въ этой комнатѣ картинъ въ рамкахъ двадцать шесть штукъ, диктовалъ Кусановъ: общая оцѣнка—сто рублей.

— Да это глумленіе какое-то... вырвалось со стономъ у Сергѣя Петровича.

— Мы ничего не продаемъ, какъ бы въ нѣкоторое оправданіе себѣ, сказалъ Кусановъ: когда уплатите долгъ,—все ваше останется въ вашей собственности.

И Кусановъ добавилъ:

— Перейдемте, г. приставъ, въ слѣдующую комнату.

— Но, можетъ быть, уже и въ этой комнатѣ набралось на сумму долга?—Возразилъ приставъ.—Нужно подсчитать. Г. Воронинъ, есть у васъ счеты?

— Есть, въ письменномъ столѣ, вотъ въ этомъ ящикѣ.

Приставъ открылъ ящикъ, досталъ счета, и спросилъ:

— Можетъ быть, вы желаете, г. Кусановъ, осмотрѣть ящики письменнаго стола... Нѣтъ ли тамъ цѣнностей?

— Денегъ, брилліантовъ или золота въ вашемъ столѣ, должно быть, нѣтъ? — спросилъ Кусановъ Сергѣя Петровича съ презрительной увѣренностью въ томъ, что ничего такого тамъ нѣтъ.

— Вы не ошиблись: у меня такихъ вещей не водится, съ горькой усмѣшкой подтвердилъ Воронинъ: въ письменномъ столѣ только дѣловые бумаги, фотографическія карточки, письма...

— Осматривать столъ не нужно,—рѣшилъ Кусановъ.

Приставъ сталъ подсчитывать. Итогъ получился триста шестьдесятъ рублей. Нужно было перейти въ другую комнату, продолжать опись на сумму девяносто рублей.

Столовая Воронина напоминала скорѣе маленькую гостиную съ обѣденнымъ столомъ посрединѣ комнаты. Стѣны этой комнаты, болѣе свѣтлой, чѣмъ кабинетъ, были украшены картиной Зимина и нѣсколькими этюдами извѣстныхъ художниковъ.

Во сколько - то оцѣнить этотъ удавъ „Тоску“ Зимина?—думалъ Сергѣй Петровичъ, переходя въ столовую, взглянулъ съ грустью на то мѣсто, гдѣ висѣла картина Зимина и отступилъ съ изумленіемъ: картины не было. Сергѣй Петровичъ, чуть не закричалъ, но увидѣлъ жену — она смотрѣла изъ дѣтской и улыбалась, приложивъ палецъ къ губамъ.

Сергѣй Петровичъ понялъ, что жена спасла картину отъ описи.

Въ этой комнатѣ набралось-таки вещей болѣе, чѣмъ на сто рублей, даже по низкой оцѣнкѣ Кусанова.

Приостановивъ опись, какъ только сумма превысила долгъ и обезпечила такъ же и „судебные расходы“, приставъ сказалъ:

— Сообразите, г. Воронинъ,—не можете ли вы уплатить весь долгъ въ теченіе семи дней? Если можете и дадите въ томъ подписку, то я могу и не накладывать печатей и вещи оставить у васъ же на храненіи, подъ вашу росписку... и не публиковать объ описи... Если же не можете въ теченіе семи дней внести всю сумму долга, то, я наложу печати, публикую... Кромѣ того по закону, отъ взыскателя зависитъ, оставить-ли вещи на храненіи у должника или: вывезти въ другое мѣсто...

Сергѣй Петровичъ на минуту задумался. „Въ теченіе недѣли можно будетъ продать что-нибудь“... рѣшилъ онъ, воспрянулъ духомъ и твердо сказалъ:

— Черезъ семь дней, а можетъ быть и раньше, я уплачу мой долгъ сполна.

Когда приставъ и Кусановъ уходили, Сергѣй Петровичъ попрощался съ приставомъ за руку и только отвѣтилъ небрежнымъ кивкомъ на довольно усердный поклонъ Кусанова.

VI.

Черезъ два дня послѣ описи имущества, Сергѣй Петровичъ былъ въ Москвѣ и звонилъ у шика-

наго подъѣзда на Мясницкой. Швейцаръ открылъ дверь.

— У васъ живетъ художникъ Грошевъ, изъ Петербурга?

— Да-съ, они у насъ гостятъ.

— Онъ дома?

— Дома-съ.

— Передайте карточку и возьмите у извозчика маленькій тюкъ... только осторожно, —тамъ картины, — не попортите рамы... Было десять часовъ утра. Въ это время Грошевъ въ Петербургѣ въ своей мастерской работалъ, дорожа каждымъ часомъ дневного свѣта.

Сергѣй Петровичъ вошелъ въ переднюю дома одного изъ богатѣйшихъ москвичей, —архи-милліонера Дарина, у котораго гостилъ петербургскій художникъ Грошевъ.

Швейцаръ, предварительно нажавъ кнопку звонка, помогъ Сергѣю Петровичу снять пальто.

Явился лакей, швейцаръ передалъ карточку лакею и сказалъ:

— Они къ г. Грошеву.

Оставивъ тюкъ съ картинами у швейцара, Сергѣй Петровичъ сталъ подниматься вслѣдъ за лакеемъ по широкой лѣстницѣ, устланной толстымъ плюшевымъ ковромъ. Въ полутьмѣ по сторонамъ лѣстницы чахли дорогія экзотическія растенія. На стѣнахъ висѣли огромныя картины, которыя нельзя было теперь разсмотрѣть: окно съ живописью на стеклахъ давало мало свѣта. На эти картины мимоходомъ смотрѣли вечеромъ, когда горѣла небольшая электрическая люстра. Хотя домъ Дариныхъ былъ

только въ два этажа, но была устроена подъемная машина. Каретка этой машины съ зеркальными стеклами въ окнахъ оставалась поднятой на верхнемъ этажѣ, чтобы служить болѣзненному старику Дарину, когда онъ вздумаетъ спуститься внизъ. Цѣпи и подъ самымъ лѣпнымъ потолкомъ колесо подъемной машины лишали уютности роскошную лѣстницу и портили общее впечатлѣніе.

Верхняя площадка лѣстницы переходила въ полукруглую комнату. Здѣсь были всѣ стѣны унизаны картинами разныхъ размѣровъ въ яркихъ золоченыхъ рамахъ; картины были и на полу,—по нѣсколько штукъ приставлены были къ разнымъ угламъ, нагроможденные одна на другую. Этимъ еще не нашли мѣста въ огромной квартирѣ мецената, собирателя картинъ—Дарина; всѣ стѣны всѣхъ комнатъ уже были увѣшаны картинами. У камина—дорогіе бронзовые часы, канделябры. Въ открытую дверь виднѣлся большой залъ съ роялемъ, съ картинами на стѣнахъ.

Лакей попросилъ Сергѣя Петровича обождать въ полукруглой комнатѣ и пошелъ съ карточкой въ маленькую одностворчатую дверь, которую сначала не замѣтилъ Сергѣй Петровичъ въ углу комнаты.

Лакей сейчасъ же вернулся и сказалъ:

— Они еще почиваютъ. Прикажете разбудить или подождете? Они скоро и сами встанутъ, должно быть...

— Подожду.

Сергѣй Петровичъ рѣшилъ посидѣть и собраться съ мыслями, пока проснется Грошевъ. Очень былъ

разстроены Сергѣй Петровичъ. Онъ сначала не зналъ, куда нести продавать „отобранные“ имъ шесть этюдовъ и рисунковъ—„посалабѣ“, однако же это были произведенія извѣстныхъ художниковъ и представляли такую цѣнность, по мнѣнію Сергѣя Петровича, что продавъ ихъ, можно было сполна покрыть долгъ Бузунову,—то бишь, теперь Кусанову, вспомнилъ онъ. Понести въ магазинъ, гдѣ торгуютъ художественными произведеніями, нельзя: если и купятъ—выставятъ на окнахъ, авторы этихъ работъ узнаютъ, что ихъ имена попали въ лавочку, — обидятся и совсѣмъ станутъ презирать его, Сергѣя Петровича. Богъ знаетъ, какъ объяснятъ они, что онъ перепродалъ купленные у нихъ „по знакомству“ дешево ихъ произведенія. Сергѣй Петровичъ рѣшилъ посоветоваться съ художникомъ Грошевымъ, котораго зналъ уже лѣтъ пять и былъ съ нимъ знакомъ домами, хотя и рѣдко видѣлись.

Сергѣй Петровичъ познакомился съ Грошевымъ, когда тотъ, женатый студентъ академіи, ютился съ женой въ одной комнатѣ въ пятомъ этажѣ, въ одной изъ отдаленныхъ линій Васильевскаго острова. Жена Грошева шила тогда на магазинъ бѣлье и просиживала ночи за шитьемъ, чтобы ея Кирюша могъ выполнить работу на конкурсъ, не заботясь пока о кускѣ хлѣба.

VII.

Грошевъ получилъ первую степень при выходѣ изъ академіи, но отказался отъ поѣздки за границу, потому что получилъ заказъ написать за очень большія деньги портретъ одного лица, занимающаго высо-

кое общественное положеніе. Блестяще выполненный этотъ заказъ сразу доставилъ Грошеву множество другихъ заказовъ среди петербургской аристократіи.

Грошевъ зажилъ въ хорошей квартирѣ, при которой была и мастерская художника,—просторная съ верхнимъ и боковымъ свѣтомъ, обставленная достаточно роскошно для того, чтобы служить для пріемовъ тѣхъ значительныхъ, богатыхъ, избалованныхъ жизнью людей, съ которыхъ писались въ этой мастерской портреты.

Несмотря на высокую цѣну, какую бралъ Грошевъ за свои портреты, скоро заказчиковъ стало такъ много, что онъ уже не могъ посвящать каждому столько времени, сколько необходимо было, чтобы написать портретъ добросовѣстно. Тогда Грошевъ сталъ дѣлать такъ: въ первый сеансъ писалъ быстрый „нашлепокъ“ съ натуры, переносилъ на полотно какъ можно вѣрнѣе лишь цвѣтъ волосъ, глазъ, кожи и совсѣмъ не заботясь о рисункѣ. Тутъ же онъ снималъ фотографію. Весь такой сеансъ продолжался не болѣе часа. Затѣмъ снятый Грошевымъ негативъ проявлялся фотографомъ, который очень быстро дѣлалъ увеличенный до натуральной величины портретъ,—одну только головку, безъ ретуши. Грошевъ, посредствомъ кальки, переводилъ контуръ головы на полотно и писалъ портретъ безъ натуры, пользуясь, какъ этюдомъ, сдѣланнымъ въ первый сеансъ „нашлепкомъ“. Черезъ недѣлю послѣ перваго сеанса „натура“ являлась на второй и послѣдній сеансъ и тутъ съ удовольствіемъ и часто съ восторгомъ видѣла свой уже законченный портретъ, съ поразительнымъ сход-

ствомъ. Оставалось только кое-гдѣ тронуть кистью, — свѣрить портретъ съ натурой въ этотъ послѣдній сеансъ. Грошевъ умѣлъ и польстить „натурѣ“ на своихъ портретахъ, если это нужно было. Въ большинствѣ же случаевъ портреты Грошева отличались большимъ сходствомъ съ натурою и своеобразной шикарной, если можно такъ выразиться, отдѣлкой.

„Натура“ оставалась еще и тѣмъ довольна, что ее не мучилъ сеансами этотъ художникъ, что не заставлялъ удѣлать на позированіе нѣсколько лишнихъ часовъ изъ ея времени, часто совершенно празднаго.

Грошевъ пріобрѣлъ себѣ имѣніе не по далеку отъ Петербурга и уѣзжалъ туда съ семьей на лѣто. У него былъ сынъ, болѣзненный мальчикъ лѣтъ семи, блѣдный, плохо развивающійся и физически, и умственно. Этотъ мальчикъ съ широко открытыми большими, какъ будто удивленными, глазами, съ полуоткрытымъ ртомъ, — производилъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Послѣднія два лѣта Грошевъ уѣзжалъ за границу, — въ деревнѣ жили только его жена и сынъ.

Въ Петербургѣ Грошевъ жилъ веселой опьяняющей жизнью. За нимъ ухаживали барыни, и онъ, женившійся по легкомыслію, — теперь чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Его зазывали въ салоны, гордились имъ, какъ молодою знаменитостью; два, три вечера въ недѣлю заканчивались ужиномъ вмѣстѣ съ извѣстными актерами, музыкантами и писателями изъ тѣхъ, которые любятъ пожить: это была жизнь, не оставляющая времени на внутреннюю, духовную работу, на культуру „духа“.

Грошевъ примкнулъ къ тому, довольно тѣсно

сплоченному, „Обществу художниковъ“, которое художники иного лагеря прозвали „Обществомъ внѣшности“.

VIII.

Сергѣй Петровичъ не любилъ и не собиралъ произведенія общества внѣшности. У Грошева онъ пріобрѣлъ прекрасный этюдъ, когда того еще не засосало это общество и онъ еще не былъ «извѣстнымъ портретистомъ». Тогда же они познакомились, Грошевъ съ женой заходилъ къ Сергѣю Петровичу и тотъ съ женой бывалъ у Грошевыхъ. Они видѣлись все рѣже. Когда у Сергѣя Петровича описали имущество, — ему пришло въ голову посоветоваться съ Грошевымъ. Оказалось, что Грошевъ уже два мѣсяца живетъ въ Москвѣ у миллионера Дарина и пишетъ портреты Дариныхъ и нѣкоторыхъ другихъ московскихъ миллионеровъ. — Чего-же лучше? — подумалъ Сергѣй Петровичъ:—въ Москвѣ удобнѣе все устроить:—меня тамъ никто не знаетъ и не такъ мнѣ стыдно будетъ... И Грошевъ какъ разъ въ средѣ московскихъ меценатовъ вращается,—ему ничего не стоитъ помочь въ моемъ дѣлѣ.

Сергѣй Петровичъ взялъ отпускъ на недѣлю и собрался въ Москву. Жена ему навязала кромѣ шести вещей, отобранныхъ имъ, «которыя меньше жалко», еще и картину Зимина:

— Богъ знаетъ, удастся ли тебѣ на эти вещи къ сроку найти покупателя... На случай крайности, возьми картину Зимина, — его всякій купитъ, въ каждую минуту... Только, вѣдь, на случай крайности возьми...

— Все равно я не продамъ эту вещь, даже и въ крайности... Я не могу продать эту картину... Она подарена мнѣ...

— Долженъ будешь продать, если другого исхода не будетъ... Лучше самому продать, чѣмъ ждать, пока ее опишутъ.

Сергѣй Петровичъ вздрогнулъ, вспомнивъ Кусанова и его оцѣнку... И привезъ въ Москву такъ же и картину Зимина, — «на случай крайности».

— Пожалуйте-съ, Кириллъ Даниловичъ зовутъ васъ, я имъ передалъ карточку... Въ постели они еще...

Вслѣдъ за лакеемъ Сергѣй Петровичъ пошелъ въ маленькую дверь. Они прошли двѣ комнаты съ весьма скромной обстановкой, и съ неубранной кроватью. Это были комнаты лакея,—дальше были роскошно отдѣланныя комнаты старшаго сына Дарина, —Виссаріона. Въ этихъ комнатахъ всѣ стѣны были увѣшаны картинами въ золоченыхъ рамахъ. Въ спальнѣ на кровати подъ шелковымъ на пуху одѣяломъ еще нѣжился Грошевъ.

— Вы невзыщите, что я васъ такъ принимаю...

Грошевъ протянулъ изъ подъ одѣяла руку.

Сергѣй Петровичъ пожалъ неумытую руку Грошева.

— Это я долженъ извиняться, что не во время беспокою васъ...

— Ну, мы старые знакомцы... Потому я и принимаю васъ, чтобы вамъ не ждать, пока я одѣнусь... Какими судьбами въ Москву попали?

Сергѣй Петровичъ разсказалъ Грошеву о своей

нуждѣ, о томъ, что нужно разстаться хотя кое съ чѣмъ изъ собранныхъ картинъ и этюдовъ, что онъ уже привезъ сюда нѣсколько штукъ и разсчитываетъ, что Кириллъ Данилычъ поможетъ ему устроить это дѣло.

Грошевъ лежалъ и слушалъ, заложивъ руки за голову и глядя въ потолокъ. На его довольно красивомъ лицѣ, подернутомъ здоровымъ румянцемъ, не отразилось никакого удивленія; онъ только спросилъ:

— А какія именно вещи вы привезли?

Всю коллекцію Воронина зналъ Грошевъ очень хорошо и помнилъ каждую вещь. Въ душѣ Грошевъ давно уже относился къ Воронину враждебно, за то, что тотъ, очевидно, не интересовался произведеніями «Общества внѣшности» и собиралъ только вещи художниковъ другого типа. Когда случалось молодому, но знаменитому портретисту вспоминать о бѣдномъ меценатѣ Воронинѣ, онъ каждый разъ думалъ: «Буржуй... Зазнался! Зиминъ и К° къ нему благосклонны... Наши работы аристократія раскупаетъ, а онъ... зазнался»... Теперь Грошевъ обрадовался случаю показать этому «зазнавшемуся» нищему меценату,—чего могутъ иногда стоить произведенія «Зимины и К°».

Сергѣй Петровичъ назвалъ шесть вещей, которыя онъ привезъ. О картинѣ Зимины не упомянулъ.

— Все это хламъ вы привезли, рѣшилъ Грошевъ: здѣсь этого и показывать, пожалуй, не стоитъ... За это пустяки дадутъ. Если вамъ деньги такъ экстренно

понадобились,—вы бы картину Зимина привезли: за нее сразу деньги возьмете...

Сергѣй Петровичъ тяжело вздохнулъ:

— Я и Зимина привезъ... Оставилъ у себя въ номерѣ гостиницы, а къ вамъ взялъ только шесть маленькихъ вещей...

— Отлично сдѣлали, что Зимина привезли: съ деньгами будете. Впрочемъ, и вашу мелочь пока можно будетъ показать...

Сергѣй Петровичъ поднялъ голову и отшатнулся отъ изумленія: передъ нимъ, за изголовьемъ кровати Грошева, стоялъ высокій, сухой старикъ съ длинной сѣдой бородой, въ сѣрой пиджачной парѣ, безъ галстука; въ мягкой утренней сорочкѣ, въ мягкихъ туфляхъ. Не слышно было какъ онъ подошелъ по толстымъ коврамъ.

Сергѣй Петровичъ поднялся и поклонился.

Старикъ пріятливо улыбнулся, поклонился и протянулъ руку:

— Даринъ...

IX.

— Давайте вмѣстѣ будить художника, совсѣмъ разнѣжился нашъ Кириллъ Даниловичъ,—сказалъ Даринъ ласково:

— Что-же это вы гостей принимаете въ постели, Кириллъ Даниловичъ?

— Это мой старый пріятель... Петербуржецъ... Сю минуту встану.

Грошевъ взялся за кнопку звонка, Даринъ и Воронинъ вышли въ сосѣдную комнату, — кабинетъ Виссаріона, съ рѣзнымъ массивнымъ письменнымъ

столомъ, съ венеціанской мебелью. Лакей прошелъ въ спальню Грошева, тамъ слышался плескъ воды: художникъ умывался.

— Давно въ Москву пожаловали? спросилъ Даринъ, показывая Сергѣю Петровичу на кресло, рядомъ съ тѣмъ, на которомъ самъ сѣлъ.

Сергѣй Петровичъ отодвинулъ кресло и тоже сѣлъ.

— Вчера вечеромъ я пріѣхалъ... По дѣлу... Давно въ Москвѣ не былъ,—а люблю Москву: какъ-то душевнѣй здѣсь люди, радушнѣй... и небо здѣсь чище,—и погода не такъ переменчива... Про Петербургъ же сказалъ какой то иностранецъ... очень мѣтко, что это городъ, въ которомъ всегда мокры улицы, сердца же у людей всегда... сухи.

Старикъ засмѣялся и показалъ великолѣпные искусственные зубы:

— Всякіе люди вездѣ живутъ... Это большая ошибка считать одинъ городъ населеннымъ добрыми людьми, а другой недобрыми.

„Умный и симпатичный старикъ“, подумалъ Сергѣй Петровичъ, „этакій милліонеръ,—десятки тысячъ на его фабрикахъ кормятся... а какой не гордый... любезный. И, видно, очень добрый... И меценатъ... онъ оцѣнитъ, какъ слѣдуетъ тѣ вещи, которыя я привезъ... Можетъ быть еще и Зимины спасу отъ продажи“.

— Это конечно, всякіе люди вездѣ живутъ,—согласился Сергѣй Петровичъ,—а все-таки...

Грошевъ, умывшійся, но еще не совсѣмъ одѣтый, сказалъ изъ-за двери:

— Арсеній Кондратьевичъ, — а вѣдь Сергѣй Петровичъ — тоже меценатъ... У него интересное собраніе картинъ, этюдовъ.

— Очень радъ познакомиться! сказалъ старикъ. Вотъ, можетъ быть, и мою коллекцію посмотрите... Пріятно показать знатоку.

— У васъ такъ много картинъ, Арсеній Кондратьевичъ, — мнѣ будетъ большое удовольствіе посмотреть... А меня въ шутку называетъ Кириллъ Даниловичъ меценатомъ: всего нѣсколько этюдовъ, да двѣ-три картины у меня.

Грошевъ вышелъ одѣтый щегольски, гладко причесанный безъ пробора, съ надушенными и завитыми въ колечки усами; носилъ онъ маленькую бородку, щеки брилъ; блондинъ съ румянымъ лицомъ, онъ казался моложе своихъ тридцати двухъ лѣтъ.

Художникъ пожалъ руку Дарину и Воронину и улыбнулся:

— Вотъ и я совсѣмъ...

— Прошу, господа, пить кофе, всталъ Даринъ.

— Пойдемте, Сергѣй Петровичъ, кофе пить позвалъ и Грошевъ. Художникъ чувствовалъ себя здѣсь какъ дома; — его баловали, занимъ ухаживали и, онъ зналъ, — Дарины гордились тѣмъ, что у нихъ гоститъ извѣстный художникъ Грошевъ.

Всѣ отправились пить кофе. Старикъ шелъ впереди, засунувъ руки въ карманы пиджака и, должно быть, по привычкѣ на ходу окидывая взглядомъ картины на стѣнахъ.

Прошли три комнаты Виссаріона Дарина, прошли небольшой роскошный кабинетъ самого Арсенія

Кондратьевича, прошли залъ и вошли въ столовую. Это была огромная комната, въ два свѣта;—въ кадкахъ стояли такія большія пальмы и драцены, что столовая казалась зимнимъ садомъ. Бѣлыя съ барельефами и позолотой стѣны и потолокъ, бѣлые рѣзные съ золотомъ буфетный шкафъ и стулья. Двѣ большія люстры висѣли надъ столомъ и сверкали хрустальными украшеніями. У буфетнаго шкафа стояла большая клѣтка. Попугай сидѣлъ на свободѣ, на жѣрдоchkѣ съ точенымъ пьедесталомъ.

— С-с-д-гасте, с-с-д-гасте... закричалъ попугай.

— Здравстуй, попка, отвѣтилъ Грошевъ.

За пальмами, въ клѣткахъ пѣли двѣ канарейки.

Конецъ длиннаго обѣденнаго стола былъ накрытъ скатертью. Стояли сливки, масло и простой бѣлый хлѣбъ и маленькій самоваръ.

Даринъ самъ наливалъ кофе въ большія чашки. Первую чашку онъ протянулъ Воронину, потомъ налилъ вторую и протянулъ Грошеву, потомъ налилъ себѣ.

Старикъ спрашивалъ художника, хорошо ли онъ спалъ, поздно ли окончился вчера винтъ у Ротовыхъ, вмѣстѣ ли съ Виссаріономъ онъ уѣхалъ отъ Ротовыхъ, много ли тамъ было гостей и досталъ ли Кириллъ Даниловичъ билеты на концертъ Гофмана, и въ первомъ ли ряду.

Въ столовую вошла молоденькая дѣвушка—красавица, съ манерами институтки, въ черной атласной кофточкѣ; къ спрятаннымъ за поясомъ часамъ, спускалась отъ шейки двойная цѣпь.

— Привѣтъ барышнѣ... сказалъ Грошевъ вставая, и расшаркиваясь.

Воронинъ также всталъ, барышня и ему подала руку, какъ знакомому,—Воронинъ себя назвалъ. Барышня ничего не сказала.

Она подошла къ старику и обняла его.

„Дочь“, подумалъ Сергѣй Петровичъ.

Арсеній Кондратьевичъ взялъ руку дѣвушки, сталъ нѣжно гладить ее въ своихъ морщинистыхъ рукахъ и сказалъ:

— Билеты достали, барышня, — въ концертъ ѣдемъ... Довольны?

— Mersi.

Сергѣй Петровичъ взглянулъ на барышню: ея лицо ничего не выражало, кромѣ нѣкоторой скуки.

„Нѣтъ, не дочь, а воспитанница... избалованная“... подумалъ Воронинъ.

Х.

— Всю жизнь собиралъ картины Сергѣй Петровичъ,—а теперь продавать приходится, сказалъ Грошевъ: деньги ему вотъ какъ понадобились.

Онъ провелъ пальцемъ по горлу:

— До зарѣзу,—добавилъ Грошевъ,

— Д-д-да, бываетъ... сдержанно замѣтилъ Арсеній Кондратьевичъ: я обѣщалъ показать картины... не потрудитесь ли вы показать, Кириллъ Даниловичъ?..

— Съ удовольствіемъ. Пойдемте, Сергѣй Петровичъ.

Грошевъ и Воронинъ пошли вдвоемъ осматривать комнаты и картины.

Въ столовой и гостиной паркетъ былъ такъ выложенъ, что въ немъ отражалась мебель, какъ въ зеркалѣ. Во всѣхъ остальныхъ комнатахъ полы затянута коврами. Комнатъ было очень много, со всѣмъ ненужныхъ, роскошно обставленныхъ. Драгоцѣнные сервскія и саксонскія вазы съ живописью.

— Смотрите: живопись самого Ватто,—десять тысячъ эта ваза стоитъ,—объяснялъ Грошевъ.

Бронза, мозаика на столахъ, мраморъ на пьедесталахъ.

— Это мраморъ — Кановы... Огромныхъ денегъ стоитъ, говорилъ Грошевъ. Почти все, что вы здѣсь видите, досталось Арсенію Кондратьевичу по наслѣдству отъ его тестя—Грудова. Самъ Арсеній Кондратьевичъ прикупалъ только картины. Теперь онъ самъ уже ничего не покупаетъ; старшій сынъ его, Виссаріонъ покупаетъ теперь...

Во всѣхъ комнатахъ стѣны были увѣшаны картинами такъ густо, что уже невозможно было больше помѣстить никуда ни одной картины. И почти всѣ картины были... произведенія „Общества внѣшности“. Эффектныя большія полотна, въ массивныхъ золоченыхъ рамахъ; онѣ служили прекрасной декорацией, ласкали глазъ на нѣсколько минутъ и сейчасъ же забывались; осматрѣвъ это множество картинъ, можно было представить себѣ только двѣ три вещи, но и тѣ были попавшія сюда, пріобрѣтенныя по случаю, картины корифеевъ живописи; авторамъ этихъ картинъ, можетъ быть, грустно было знать, что ихъ вещи смѣшались въ этомъ домѣ съ множествомъ произведеній Общества внѣшности.

У одной изъ такихъ, случайно попавшихъ сюда картинъ, Сергѣй Петровичъ простоялъ минуты три и вслухъ восторгался этой картиной:

— Да, это дорогая вещь,—послышался за его спиной голосъ Арсенія Кондратьевича.

Воронинъ опять не слышалъ, какъ подошелъ старикъ и подумалъ, что Арсеній Кондратьевичъ любитъ подходить незамѣтно, можетъ быть,—чтобы подслушать, что говорятъ о немъ или о его сокровищахъ, которыми онъ, видимо, очень гордился.

— Кто эта барышня, съ которой я познакомился? спросилъ Сергѣй Петровичъ, когда они удалились отъ старика. Грошевъ немножко замялся:

— Институтка одна... недавно окончила... безъ мѣста. Арсеній Кондратьевичъ состоитъ попечителемъ въ одномъ институтѣ и бѣднымъ, окончившимъ институткамъ, приискиваетъ мѣста. Къ нему обращаются... Иныя у него остаются на нѣкоторое время.— Много такихъ у него, усмѣхнулся Грошевъ.

Когда они опять проходили залъ, тамъ стоялъ Арсеній Кондратьевичъ и къ нему прижалась барышня; старикъ держалъ ее за талію,—головка барышни лежала на плечѣ высокаго старика. Они такъ и остались стоять, въ такомъ же положеніи. Арсеній Кондратьевичъ сказалъ Грошеву:

— Виссаріонъ по телефону далъ знать,—черезъ полчаса будетъ здѣсь.

Художникъ и Воронинъ прошли въ кабинетъ старика. Здѣсь кромѣ картинъ „Общества внѣшности“, висѣлъ надъ письменнымъ столомъ большой масляными красками портретъ покойной жены Арсенія

Кондратьевича. Она была дочь миллионера Грудова, — знатока и собирателя античных вещей. На портретъ была изображена довольно красивая дама неопредѣленныхъ лѣтъ, съ немножко неестественной окраской лица, съ жизнерадостнымъ взглядомъ блестящихъ, быть можетъ, подведенныхъ глазъ. Виртуозно были написаны ткани ея великолѣпнаго платья. Это была работа извѣстнаго портретиста изъ „Общества вѣшности“, не умѣвшего передать типъ и душу оригинала, но виртуозно писавшаго ткани и аксесуары.

Изъ кабинета Арсенія Кондратьевича прошли въ комнаты Виссаріона Арсеньевича.

Здѣсь не только всѣ стѣны были увѣшаны картинами, но и на полу стояли груды картинъ. Всѣ эти картины носили уже другой характеръ, чѣмъ тѣ, — въ аппаратахъ старика. Оттуда, изъ тѣхъ аппаратовъ, Сергѣй Петровичъ вынесъ такое впечатлѣніе, какое онъ испытывалъ только однажды, въ дѣтствѣ, когда ему привелось до отвалу объѣсться сладкимъ блюдомъ. На долго потомъ опротивѣло ему это сладкое. И теперь его угостили такимъ множествомъ чего то приторнаго... Впечатлѣніе пресыщенія, излишества, крайняго излишества, въ общемъ тягостное, непріятное впечатлѣніе вынесъ Сергѣй Петровичъ изъ аппаратовъ стараго Дарина.

Въ комнатахъ Виссаріона почти каждая картина приковывала къ себѣ вниманіе зрителя или глубоко прочувствованнымъ настроеніемъ или тонко подмѣченными и талантливо изображенными характерами и типами. Всего больше было здѣсь картинъ, изо-

бравшихъ нужду, людскія страданія, жизнь пролетаріата. Все это были произведенія молодыхъ, еще не сдѣлавшихъ себѣ имени художниковъ;—это были ихъ первыя, можетъ быть, самыя звучныя, самыя искреннія пѣсни.

„Какъ этотъ Виссаріонъ глубоко и хорошо чувствуетъ, должно быть, разъ онъ сумѣлъ собрать такія вещи“, подумалъ Сергѣй Петровичъ.

Если бы Воронинъ зналъ, какъ пріобрѣтались эти вещи, онъ смотрѣлъ бы на нихъ съ особенной грустью.

ХІ.

Молодые художники, не желающіе примыкать къ „дѣлающему хорошія дѣла Обществу внѣшности“ и не заслужившіе еще доступа на выставку корифеевъ,—устраиваютъ отдѣльной группой свои собственныя выставки. Между покупателями картинъ на выставкахъ талантливой молодежи извѣстны особаго типа меценаты — „гробовщики“. Имъ эту кличку мѣтко влѣпили художники. Когда выставка закрывается, — въ ея послѣдній день, даже въ послѣдній ея часъ, являются „гробовщики“. И внимательно осматриваютъ тѣ картины, подъ которыми нѣтъ ярлычка „продано“. Всегда въ этотъ послѣдній часъ выставки являются и молодые художники— авторы выставленныхъ и не проданныхъ картинъ. Они приходятъ хоронить свои надежды. Надежды на то, что ихъ картины,—результатъ ихъ таланта, работы, мечты, душевныхъ мукъ, творчества,—попадутъ, быть можетъ, въ галерею... Надежды—прожить безъ большой нужды до слѣдующей выставки. Почему-

жъ не мечтать, почему-жъ не надѣяться до послѣдняго дня выставки? Но тутъ, когда выставка закрывается, всѣмъ надеждамъ—смерть, конецъ. И вотъ въ такой то часъ, когда надежды умерли,—являются „гробовщики“. Ихъ отлично знаютъ художники въ лицо, какъ и они знаютъ художниковъ. И вступаютъ въ разговоръ „гробовщики“ съ художниками:

— А у васъ недурно эта вещица написана...

- Не продалась, однако...

— Очень высокую цѣну вы назначили... Вѣдь имени у васъ еще нѣтъ... За имена деньги платятъ... А вещица недурна... Я бы не пожалѣлъ за нее...

И гробовщикъ называетъ четверть той и безъ того скромной цѣны, которую назначилъ молодой художникъ за свою вещь.

Начинается торгъ. Художникъ нуждается, очень нуждается въ деньгахъ и проситъ хоть прибавить что нибудь. Гробовщикъ увѣряетъ, что больше онъ не можетъ прибавить ни рубля,—что и эту то сумму, которую онъ назначилъ, онъ только потому предлагаетъ, что ужъ очень ему вещица приглянулась. Художникъ вспоминаетъ, что у гробовщика большое собраніе картинъ, которыми интересуются многіе, ѣздятъ осматривать... значитъ и его вещь будутъ многіе видѣть; вспоминаетъ, что гробовщикъ не прибавляетъ почти никогда къ той суммѣ, которую разъ самъ назначаетъ,—и уступаетъ художникъ свое дѣтище—картину гробовщику.

Милліонеръ Виссаріонъ Арсеньевичъ Даринъ при-

надлежалъ именно къ числу меценатовъ—гробовщиковъ и покупалъ картины за безцѣнокъ.

Онъ пріобрѣталъ картины не только на выставкахъ и не только непосредственно у художниковъ; ходили слухи о немъ, какъ о меценатѣ и богатомъ человѣкѣ и къ нему приносили художественныя произведенія, попавшія по наслѣдству или по иному случаю къ людямъ нуждающимся въ деньгахъ и въ то же время иногда не знающимъ стоимости художественныхъ произведеній. И Виссаріонъ Арсеньевичъ всегда радъ былъ случаю пріобрѣсти хорошую картину за ничтожную сумму.

ХІІ.

Въ апартаментахъ Виссаріона увидѣлъ Воронинъ нѣсколько этюдовъ и картинъ замѣчательныхъ художниковъ, занявшихъ видное мѣсто въ исторіи искусствъ. Все это были вещи, пріобрѣтенныя случайно и очень дешево.

— Виссаріонъ является только гостемъ сюда, объяснилъ Грошевъ: это его холостыя комнаты. Живетъ онъ съ семьей въ своемъ отдѣльномъ домѣ... И тамъ у него много картинъ... Да еще нѣсколько квартиръ у него на сторонѣ,—и въ Петербургѣ даже есть у него квартиры. И вездѣ онъ любитъ хорошую обстановку и картины. Другіе два брата тоже въ своихъ домахъ живутъ. Но они картинъ не покупаютъ: одинъ лошадей любитъ, а другой... кажется, ничего не любитъ... способствуетъ наращенію капитала.

Сергѣй Петровичъ замѣтилъ лежавшую на полу

подъ диваномъ картину и вытащилъ посмотреть. Это оказался портретъ молодой женщины съ очень интереснымъ лицомъ. Немножко неправильныя черты были какъ то своеобразно миловидны,—симпатичны и въ тоже время что то страдальческое передалъ художникъ въ большихъ выразительныхъ глазахъ женщины и въ чуть-чуть горькой усмѣшкѣ губъ.

— Это жена Виссаріона... сказалъ Грошевъ: недавно онъ съ ней разошелся... женится на Виландье.

-- На знаменитой Виландье? На опереточной пѣвицѣ? Удивился Воронинъ.

— На ней самой,—хладнокровно подтвердилъ Грошевъ и положилъ портретъ жены Виссаріона опять подъ диванъ.

— Отчего въ этомъ огромномъ собраніи картинъ, мы не встрѣтили ни одной вещи Зимины?

— А вотъ же портретъ жены Виссаріона—работы Зимины... Пять тысячъ было заплачено за этотъ портретъ.

— Я не обратилъ вниманіе ни на технику, ни на подпись... Меня заинтересовало самое лицо и выраженіе... И больше нѣтъ произведеній Зимины?

— Дорожится онъ слишкомъ... Богатъ... А Дарины не любятъ зря деньги бросать...

„А какъ же всѣ эти квартиры на сторонѣ?“ подумалъ Сергѣй Петровичъ, но ничего не сказалъ.

Прошли въ спальню, гдѣ Грошевъ въ постели принималъ Сергѣя Петровича. И въ этой комнатѣ всѣ стѣны были увѣшаны картинами.

Здѣсь на полу уже лежалъ свертокъ картинъ,

привезенныхъ Воронинымъ; лакей принесъ этотъ свертокъ сюда. Грошевъ посмотрѣлъ каждую вещь и сказалъ:

— Можетъ быть, мнѣ удастся устроить, что онъ и эти купить... Но за комиссію мнѣ десять процентовъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ Сергѣй Петровичъ, и отвѣтилъ искренно:

„По крайней мѣрѣ не обязываться ему“, подумалъ Воронинъ.

Пошли назадъ, Сергѣй Петровичъ бѣгло осматривалъ наиболѣе понравившіяся ему картины.

Когда они проходили опять черезъ кабинетъ старика Дарина, Сергѣй Петровичъ остановился на минутку и сказалъ:

— Вотъ Кириллъ Даниловичъ, эффектное мѣстечко для этюда въ салонномъ вкусѣ...

Изъ кабинета была видна вся амфилада комнатъ, потому что всѣ двери были на одной линіи. Разные отѣнки ковровъ на полу, драпировокъ на дверяхъ, мелькавшіе кое-гдѣ уголки фарфора и бронзы...

— Не правда ли это очень красиво? спросилъ Сергѣй Петровичъ.

— Вы находите, что это красиво? раздался за спиной Воронина голосъ Арсенія Кондратьевича.

Старикъ прошелъ въ кабинетъ неожиданно, черезъ комнаты Виссаріона.

— Да, мнѣ кажется, что это красивый фонъ для портрета.

— А мы съ вами примемъ это къ свѣдѣнію, Кириллъ Даниловичъ.

— Что-жъ... можно, — согласился художникъ.

XIII.

— Есть у меня альбомчикъ автографовъ, сказалъ Воронину Арсеній Кондратьевичъ, — не угодно ли взглянуть?..

Старикъ присѣлъ на кресло къ письменному столу, отомкнулъ и выдвинулъ ящикъ, досталъ альбомъ и сталъ перелистывать. Страницы изъ дорогого бристоля, съ золотымъ обрѣзомъ были украшены виньетками и на каждой страницѣ былъ напечатанъ стишекъ; Арсеній Кондратьевичъ одинъ стишекъ прочелъ такъ трогательно, что, казалось, брызнетъ слеза изъ глазъ старика:

«И черезъ много лѣтъ, взглянувъ на надпись эту,
Уплотишь дань мечтой своей поэту...
И разговоръ нашъ, другъ мой, вспомнишь ты,
Надежды наши, лучшія мечты»...

«Плохіе чьи-то стихи», подумалъ Сергѣй Петровичъ: «и ничего въ нихъ трогательнаго нѣтъ... экій сантиментальный старикъ»...

— Здѣсь у меня есть автографы...

Арсеній Кондратьевичъ назвалъ рядъ знаменитыхъ пѣвцовъ, музыкантовъ, нѣсколько извѣстныхъ художниковъ изъ «Общества внѣшности», нѣсколько извѣстныхъ актеровъ.

— Есть у меня здѣсь и автографы простыхъ смертныхъ, которые почему либо симпатичны мнѣ... Просилъ бы и васъ, Сергѣй Петровичъ, написать чтонибудь...

— Очень, очень благодаренъ... за честь... но какой же интересъ можетъ представлять мой авто-

графъ?... Я просто маленькій человѣкъ... ничѣмъ не замѣчательный человѣкъ...

— Напрасно скромничаете: вы личность не заурядная, Сергѣй Петровичъ... Къ вамъ благосклонно относятся знаменитые художники... Мнѣ будетъ пріятно, если останется у меня слѣдъ вашего посѣщенія.

Сергѣй Петровичъ долженъ былъ написать въ альбомъ старика Дарина свое имя, отчество и фамилію, а такъ же годъ, мѣсяцъ и число.

Въ кабинетъ пришла барышня, старикъ сейчасъ же взялъ ее за руку и они стояли рядомъ, пока писалъ Сергѣй Петровичъ.

Въ залѣ послышались быстрые энергичные шаги.

— Виссаріонъ идетъ,—сказалъ старикъ.

Сергѣй Петровичъ увидѣлъ джентельмена, красиваго на первый взглядъ брюнета; его короткіе, блестящіе, напомаженные волосы были тщательно расчесаны на косою проборъ, борода острижена клиномъ, усы закручены кверху дугою. Можетъ быть ему было лѣтъ тридцать пять, можетъ быть, больше. Онъ немножко началъ полнѣть.

Прежде всего Виссаріонъ подошелъ къ барышнѣ. Она подставила ему лобикъ. Онъ медленно приблизилъ губы къ ея лбу и поцѣловалъ съ такой осторожностью, какъ будто не кожею былъ покрытъ лобикъ барышни, а тончайшей тканью изъ паутины и онъ очень боялся, какъ бы не попортить эту ткань прикосновеньемъ губъ.

Затѣмъ Виссаріонъ поцѣловался съ отцомъ и пожалъ руку Грошеву.

— Мой старый знакомый петербуржецъ, — представилъ Сергѣя Петровича Грошевъ.

Виссаріонъ пожалъ руку Воронину.

— Вотъ потѣха! сказалъ Виссаріонъ: представьте, господа: еле вырвался!.. Осаждала мою переднюю какая то дама... „Не уйду, говоритъ, пока не повидаю Виссаріона Арсеньевича!“ Умоляла швейцара, чтобы онъ ко мнѣ допустилъ ее, что просьба у ней ко мнѣ... Видите ли, кто то почему то съ голоду помираетъ... Спрашивается: почему же именно ко мнѣ лѣзутъ съ этимъ?.. Есть же тамъ... разные... комитеты... Какое же мнѣ то дѣло?.. Ну, я велѣлъ какъ нибудь выпроводить... а самому пришлось съ черного хода удирать... А то еще у подъѣзда будетъ дожидаться... Пожалуй цѣлую драму на улицѣ разыграетъ, если меня увидить... Вотъ и пришлось... съ черного хода...

Художникъ спросилъ:

— Не хочешь ли, Виссаріонъ, покажу тебѣ нѣсколько хорошенькихъ этюдовъ разныхъ художниковъ? Привезъ вотъ Сергѣй Петровичъ, — лишніе для него,—хочетъ продать... Этюды здѣсь.

— Съ удовольствіемъ посмотрю.

— Виссаріонъ, ты будешь съ нами обѣдать? спросилъ старикъ.

— Да.

Арсеній Кондратьевичъ, сопровождаемый барышней, пошелъ прогуливаться въ залъ и другіе апартаменты, заполняя бездѣлье свое созерцаніемъ окружающей роскоши и близостью красивой дѣвушки.

XIV.

Вытащивъ свертокъ Воронина, изъ спальни Виссаріона въ сосѣдную, болѣе свѣтлую комнату, Грошевъ сталъ показывать этюды одинъ за другимъ.

Даринъ внимательно смотрѣлъ на каждый этюдъ и вблизи, и на разстояніи. Сергѣй Петровичъ замѣтилъ, что у Виссаріона большія некрасивыя уши, — почти острия кверху, что придавало его смазливому лицу какой то свиной характеръ.

— Ты мнѣ совѣтуешь, Кириллъ, купить все это?

— Конечно, совѣтую... Видишь, недурныя всѣ вещи.

— Какую цѣну вы за нихъ назначили? спросилъ Виссаріонъ.

— Пятьсотъ рублей.

— Сколько?.. опять спросилъ Виссаріонъ, уже насмѣшливо.

— Пятьсотъ.

Грошевъ пожалъ плечами и отвернулся.

— Я такъ дорого не могу дать.

— Развѣ это дорого?... Въ такомъ случаѣ вы сдѣлайте расцѣнку сами.

— Нѣтъ ужъ,—послѣ вашей цѣны мнѣ неловко свою назначить. Разница получилась бы огромная.

— Вѣдь я и самъ не знаю настоящей цѣны этимъ этюдамъ,—я платилъ, сколько могъ... Очень трудно цѣнить художественное произведеніе, которое нравится... Мнѣ казалось, что пятьсотъ рублей за эти вещи не дорого... Пожалуйста, не стѣсняйтесь сказать, сколько не жаль вамъ заплатить за эти этюды.

— Извольте, скажу вамъ: вотъ этотъ—двадцать рублей, больше не стоитъ... Этотъ, пожалуй—пятьдесятъ... Эти по двадцати пяти,—слѣдовательно, за всѣ выходитъ: сто семьдесятъ рублей.

— И больше вамъ, Сергѣй Петровичъ, никто не дастъ, сказалъ Грошевъ. Это—оцѣнка хорошая. Отдавайте...

Воронинъ растерялся:

— Больше... никто не дастъ? Ну тогда... возьмите,—все это возьмите за сто семьдесятъ рублей.

Виссаріонъ досталъ кошелекъ, вынулъ оттуда семьдесятъ рублей золотомъ и передалъ Сергѣю Петровичу. Потомъ вынулъ бумажникъ, выдернулъ изъ пачки сторублевокъ одну бумажку, быстрымъ движеніемъ пальцевъ сложилъ ее вдоль такъ, что вышла длинная полоска, отчего сторублевка получила видъ какого-то пустяковаго ярлычка и небрежно подалъ эту бумажку Сергѣю Петровичу.

— Покончили? раздался голосъ Арсенія Кондратьевича. Онъ уже стоялъ здѣсь.

— Покончили, папаша. Возьми себѣ любую вещь, подарю тебѣ... Какая тебѣ нравится?..

— Вотъ эта...

Старикъ указалъ на лучшій этюдъ.

Виссаріонъ поднялъ этюдъ съ пола и отдалъ отцу. Старикъ быстро, какъ-то жадно схватилъ эту вещь обѣими руками и поспѣшно ушелъ въ свои апартаменты.

— Помнишь ты, Виссаріонъ, года три назадъ была на выставкѣ картина Зимина „Тоска“?..

— Еще бы... Помню.

— Эту вещь Зиминъ подарилъ Сергѣю Петровичу, а онъ вынужденъ теперь продать... Привезъ ее въ Москву...

— Интересно-бы посмотрѣть эту картину, давно ее не видалъ, сказалъ Виссаріонъ.

— Она у меня въ номерѣ гостинницы.

— Можетъ быть, вы будете любезны привезти къ намъ? И папаша посмотритъ съ удовольствіемъ... А, можетъ быть, и въ цѣнѣ сойдемся...

— Извольте, привезу...

— Вотъ пріѣзжайте къ намъ обѣдать... И папаша будетъ васъ просить... Кстати, картину привезете... въ четыре часа... Хорошо? Я сейчасъ папашѣ скажу, что вы у насъ обѣдаете.

И не слушая возраженій Воронина объ обѣдѣ, Виссаріонъ быстро ушелъ.

— Кириллъ Даниловичъ, я продалъ этюды за сто семьдесятъ рублей,—десять процентовъ,—семнадцать рублей,—извольте получить...

— Вѣрно, сказалъ Грошевъ, взялъ семнадцать рублей и положилъ эти деньги въ карманъ жилета.

Виссаріонъ вернулся вмѣстѣ со старикомъ и оба они стали звать Сергѣя Петровича къ обѣду.

Воронинъ поблагодарилъ за радушіе, обѣщалъ быть къ обѣду вмѣстѣ съ картиной, простился и ушелъ.

Вернувшись въ номеръ гостинницы, Сергѣй Петровичъ написалъ письмо женѣ. Между прочимъ онъ писалъ:

«Продалъ шесть этюдовъ за сто семьдесятъ рублей. Самъ я уплатилъ за нихъ больше, — все это

вещи купленные, и совѣсть меня не мучить, что въ нуждѣ они проданы. Но прежде чѣмъ рѣшиться продать подаренную мнѣ Зиминымъ картину, я пришелъ еще къ одному рѣшенію, отъ котораго не отступлю ни въ какомъ случаѣ. Зиминъ не продалъ эту картину потому, что цѣнилъ въ три тысячи, а давали ему только двѣ. Навѣрно больше двухъ тысячъ рублей и этотъ выжига Даринъ не дастъ за эту картину. Но я надѣюсь, что Зиминъ великодушно проститъ мнѣ продажу его картины при такой нуждѣ и согласится принять отъ меня только двѣ тысячи рублей въ полную уплату за его проданную картину. Даже и двухъ тысячъ сразу, какъ ты знаешь, не изъ чего будетъ отдать Зимину; за погашеніемъ долга Кусанову, — не хватитъ рублей трехсотъ съ лишнимъ. Эти деньги, навѣрное, согласится Зиминъ обожждать. Больше я не куплю ни одного мазка, не позволю себѣ ни малѣйшей роскоши до тѣхъ поръ, пока никому не останется долга ни копейки. Съ нашей 8-ой линіи мы переѣдемъ въ Гавань, займемъ квартирку маленькую, — лишь бы помѣститься. Ты можешь мнѣ, я увѣренъ, моя дорогая, и въ остальномъ сократить наши расходы, насколько только возможно. Я выпрошу себѣ на службѣ вечернія работы; каждый свободный часъ буду работать на мебельщика, и, можетъ быть, еще для какого-нибудь магазина. И, дастъ Богъ, мы скоро никому не будемъ должны, и тогда заживемъ безъ нужды, не зная страха, что вотъ-вотъ нагло ворвется въ твою квартиру какой-нибудь паукъ, чтобы тянуть изъ тебя соки, позорить, глумиться надъ тобой. Страшно по-

думать: вѣдь можетъ случиться, что Даринъ и двухъ тысячъ не дастъ за картину Зимина, — и придется уступить дешевле... Тогда я далъ себѣ слово сказать Зимину, что продалъ его картину за двѣ тысячи рублей, сколько ему и давали, и что столько-то ушло на уплату моихъ долговъ... Отдамъ ему все, что останется, а остальную сумму, до двухъ тысячъ, попрошу его подождать. Но тогда ужъ подольше затянется и уплата остальной суммы Зимину, и остальныхъ долговъ и наше дальнѣйшее житье, полное лишеній... Боже, если бъ я могъ предположить, что мое пониманіе художественныхъ произведеній, моя страсть къ нимъ, приведетъ семью мою къ лишеніямъ на долго... о, какъ я виноватъ... Но ты простишь, вѣдь, меня, родная моя, простишь, любя?..“

XV.

За обѣдомъ у Дариныхъ сидѣла еще одна барышня, лѣтъ на пять постарше той, съ которой познакомился утромъ Сергѣй Петровичъ. Замѣтно было, что эта старшая барышня больше привыкла держать себя свободно въ этомъ домѣ, чѣмъ барышня младшая. Иногда старшая барышня посматривала на младшую нѣсколько недоброжелательно и тогда младшая чувствовала себя какъ будто немножко неловко, но немедленно оправлялась и бросала на старшую быстрый вызывающій взглядъ; одно мгновеніе — и глазки младшей барышни скромно опускались, — она старательно рѣзала рябчика и маленькими кусочками кушала.

Старикъ относился къ обѣимъ барышнямъ оди-

наково внимательно и одинаково сдержанно за обѣдомъ.

Лакей подносилъ блюдо къ старику и ставилъ на столъ; Арсеній Кондратьевичъ самъ раскладывалъ куски всѣмъ на тарелки.

Грошевъ сидѣлъ рядомъ съ младшей барышней и ухаживалъ за ней, какъ будто въ шутку.

Попугай молчалъ, сидя на жердочкѣ, внѣ клѣтки. Канарейки пѣли.

Виссаріонъ рассказывалъ, какъ онъ сегодня былъ у тети Глаши и видѣлъ новую обстановку въ ея новомъ домѣ.

— Какіе чудные гобелены на лѣстницѣ!.. Какъ все выиграло въ этомъ домѣ съ этими гобеленами!.. Вотъ я и говорю тетѣ въ шутку: «Когда вы, тетя, все отдѣлаете, обставите какъ слѣдуетъ,—тогда этотъ домъ, вмѣстѣ съ обстановкой, подарите мнѣ. И знаешь, папаша, что она мнѣ отвѣтила?..»

— Что?

Виссаріонъ сказалъ многозначительно:

— Она отвѣтила: «я подумаю»...

— Да, она такъ и сказала: «я подумаю»... повторилъ Виссаріонъ. Еще тетя сказала, что она хочетъ съ тобой, папаша, посоветоваться... узнать,—можетъ быть ты пожелаешь принять участіе въ ея затѣѣ: больницу какую-то она хочетъ устроить... благотворительную.

— Ты бы ей напомнилъ, что я никогда благотворительностью не занимался...

Сергѣй Петровичъ сказалъ:

— Я увѣренъ Арсеній Кондратьевичъ, что вы много добра дѣлаете...

— Ошибаетесь... Я слишкомъ эгоистъ, отвѣтилъ старикъ просто безъ рисовки: я никому никогда никакого добра не дѣлалъ...

— Начиная съ того, что на вашихъ фабрикахъ тысячи людей кормятся —возражалъ Сергій Петровичъ.

— А вы, батенька, подите къ нимъ да спросите, кто кого кормить; они меня или я ихъ... И считаютъ ли они меня благодѣтелемъ?.. «Кровопивцемъ» они меня считаютъ. И они, разумѣется, правы.

Что это: горечь, обида... или цинизмъ? подумалъ Сергій Петровичъ и не могъ рѣшить: старикъ говорилъ совершенно спокойно, какъ о чемъ то самомъ естественномъ, простомъ, обыкновенномъ, о чемъ то такомъ, что иначе и быть не можетъ...

— Видѣлъ я доктора Сивцова,—завтра, папаша, онъ хочетъ къ тебѣ заѣхать...

Старикъ поморщился:

— Надоѣдаютъ они мнѣ,—доктора... И безъ нихъ знаю, что скоро помру.

— Будетъ вамъ на себя это напускать,—сказалъ Грошевъ,—поживете еще долго... Вамъ жить надо...

— Нѣтъ ужъ, моя жизнь прожита,—сказалъ старикъ; все я сдѣлалъ, что полагается человѣку: воспиталъ своихъ дѣтей, обезпечилъ ихъ—проживутъ безбѣдно... Могутъ и безъ меня обойтись.

Мрачный разговоръ о смерти постаралась замѣять старшая барышня: она стала рассказывать, какую видѣла смѣшную сцену на улицѣ: извозчикъ зацѣ-

пилъ санями за чью то карету,—сани обернулись,—хорошо, что извозчикъ никого не везъ... прибѣжалъ городской, собрались зѣваки, повели извозчика въ участокъ...

XVI.

Послѣ обѣда Виссаріонъ пригласилъ Воронина и Грошева въ свои комнаты; Сергѣй Петровичъ показалъ картину Зимина.

— Недурно передано настроеніе... тоска... рѣшилъ благосклонно Грошевъ.

„Шарлатанъ!..“ подумалъ Сергѣй Петровичъ: какъ онъ относится къ Зимину, у котораго и ремня то не достоинъ развязать на ногѣ... Недурно передано!..

— Д-да... Ничего себѣ... раздался голосъ Арсенія Кондратьевича; онъ стоялъ здѣсь, у картины и разсматривалъ, прищуривъ глазъ, а къ другому приставивъ кулакъ въ видѣ трубочки.

Лакей вошелъ торопливо:

— Глафира Михайловна пріѣхали...

— Тетя Глаша!.. воскликнулъ Виссаріонъ съ отѣнкомъ удовольствія и нѣкотораго почтенія.

Арсеній Кондратьевичъ быстро пошелъ встрѣчать свояченицу.

— Папаша, я сейчасъ приду... крикнулъ Виссаріонъ.

— Хотя... эта картина на выставкѣ какъ-то сильнѣе впечатлѣніе производила... заговорилъ Грошевъ: не прошелся ли потомъ Зиминъ кистью по ней, не испортилъ ли? Это съ нимъ бываетъ...

— Сколько возьмете за картину? спросилъ Виссаріонъ.

— Двѣ тысячи рублей. На выставкѣ она стояла за три. Двѣ тысячи Зимину давали.

— Я ничего не могу рѣшить сейчасъ,—сказаль Виссаріонъ... вы когда ѣдете?..

— Хотѣлось бы скорѣе уѣхать...

— Давайте увидимся вечеромъ сегодня же.. И рѣшимъ...

— Пожалуйста...

— Около двѣнадцати вечера пріѣзжайте... Виссаріонъ назвалъ одинъ шикарный московскій ресторанъ.

— Спросите мой кабинетъ... Вамъ укажутъ. Картину пока можно здѣсь оставить?

— Конечно. А если не сойдемся, — тогда завтра и возьму.

Виссаріонъ и Грошевъ пошли проводить Сергѣя Петровича. Въ залѣ Арсеній Кондратьевичъ говорилъ со свояченицей,—они стояли.

Тетя Глаша была еще не старая женщина, со слѣдами красоты; она была въ черномъ платьѣ и въ шляпкѣ, отдѣланной мѣхомъ.

Виссаріонъ поцѣловалъ у ней руку, она поцѣловала его въ лобъ и провела рукой по его волосамъ. Грошевъ такъ же поцѣловалъ у ней руку и она поцѣловала его въ лобъ, но по головѣ не погладила. Сергѣй Петровичъ поклонился ей и получилъ въ отвѣтъ добродушный кивокъ головой; онъ остался стоять на почтительномъ разстояніи, чтобы проститься со старикомъ, который провожалъ Глафиру Михайловну—она уже уѣзжала. Арсеній Кондратьевичъ

уговаривалъ свояченицу остаться посидѣть. Она прощалась.

— Я такъ спѣшу... такъ спѣшу... Заѣхала только взглянуть на тебя, старика: какъ ты себя чувствуешь, мой дорогой? Вѣдь ты еще не выѣзжаешь?

Столько заботливости, вниманія было въ искреннемъ тонѣ этой женщины.

— Берегусь пока еще... Не совсѣмъ оправился... Спасибо тебѣ, родная, что не забываешь.

И въ тонѣ Арсенія Кондратьевича была какая то особенная ласковость. Онъ казался растроганнымъ.

— Береги себя, милый!.. береги... упрасивала нѣжно Глафира Михайловна и плавно направилась къ выходу. Всѣ ее проводили. Грошевъ ушелъ вслѣдъ за ней. Старикъ остался на верхней площадкѣ лѣстницы. Тетю Глашу спустили по подъемной машинѣ. Виссаріонъ и Воронинъ сбѣжали по лѣстницѣ въ переднюю, въ нижній этажъ и тамъ еще разъ простились съ Глафирой Михайловной, при чемъ она опять погладила Виссаріона по головѣ.

Выходя на улицу отъ Дариныхъ, Сергѣй Петровичъ видѣлъ быстро мчавшуюся карету тети Глаши. Кучеръ грубо кричалъ „эй“ на извозчиковъ и тѣ поспѣшно сторонились.

XVII.

Когда Сергѣй Петровичъ сказалъ: „проведите меня въ кабинетъ г. Дарина“,—одинъ изъ лакеевъ ресторана почтительно отвѣтилъ:

— Вы г. Воронинъ?.. Васъ ждутъ.

И повелъ Сергѣя Петровича черезъ ярко освѣщенный электрическими люстрами залъ, въ которомъ за столиками, на бархатныхъ диванахъ и стульяхъ сидѣли и угощались много народу, и мужчинъ и дамъ. Оркестріонъ игралъ застольную пѣсню изъ Травіаты.

Изъ этого зала прошли черезъ корридоръ съ дверями направо и налево. У одной изъ дверей лакей постучалъ.

— Можно... раздался голосъ Виссаріона.

Сергѣй Петровичъ вошелъ.

Кромѣ Виссаріона и Грошева за столомъ, установленнымъ бутылками, фруктами и разными гастрономическими шедеврами, сидѣла знаменитая опереточная дива, m-lle Виландье. Воронинъ сразу узналъ ее, хотя только одинъ разъ видѣлъ въ петербургской опереткѣ. Сергѣй Петровичъ раньше не бывалъ въ опереткѣ и пошелъ одинъ разъ вмѣстѣ съ женой, только для того, чтобы видѣть эту знаменитую Виландье.

Теперь Сергѣя Петровича съ нею познакомили, усадили за однимъ столомъ, и нужно было чокаться съ нею шампанскимъ.

„Зачѣмъ меня позвали именно сюда, когда здѣсь эта дива? Думалъ Сергѣй Петровичъ: ей ли хотѣли показать меня, какъ нѣчто, можетъ быть, курьезное: нищій меценатъ... Или мнѣ хотѣли похвастаться близостью съ этой знаменитой, хорошенькой, блестящей женщиной? И какой же теперь разговоръ о куплѣ-продажѣ?..

Виссаріонъ сидѣлъ противъ Грошева, Воронинъ противъ Виландье,—ее звали Марья Карловна.

Грошевъ сейчасъ же доливалъ шампанское, какъ

только всѣ отпивали по нѣсколько глотковъ; Виссаріонъ выпивалъ сразу цѣлый стаканъ.

— Пожалуйста, мнѣ больше не доливайте,—просилъ Сергѣй Петровичъ: мнѣ больше не хочется...

— Ну, вотъ еще, стаканъ выпили,—и пасуете,—возразилъ Виссаріонъ. Это же—квасъ... Я свободно выпиваю три бутылки... Не вѣрите? Мы недавно пари держали съ Ивинымъ. И я выпилъ три бутылки шампанскаго... Одинъ...

Какъ онъ этимъ гордится... подумалъ Сергѣй Петровичъ. Должно быть то же подумали Виландье и художникъ: они переглянулись. Но Грошевъ мгновенно придалъ своему лицу почтительно-удивленное выраженіе и сказалъ:

— Ого!.. Молодчина...

Виландье взглянула на Виссаріона съ нѣкоторымъ страхомъ,—не замѣтилъ ли онъ, какъ она переглянулась съ Грошевымъ. Виссаріонъ не замѣтилъ,—онъ былъ упоенъ сознаніемъ своего превосходства; онъ сказалъ Грошеву:

— Ты, вѣдь, Кириллъ знаешь, что я могу выпить больше всѣхъ.

Въ это время дива смотрѣла на своего жениха серьезнымъ и напряженнымъ взглядомъ, — какимъ смотреть рыболовъ на поддѣтаго тонкой удочкой пискаря,—котораго еще не успѣлъ вытащить: какъ-бы не сорвался...

Виссаріонъ обернулся къ ней и она взглянула на него привѣтливо, радостно, съ обворожительной улыбкой.

Сергѣй Петровичъ съ любопытствомъ смотрѣлъ

на брилліанты дивы: они сверкали, отливая разными цвѣтами и въ ушахъ, и въ волосахъ, и на шеѣ, и на пальцахъ—великолѣпные, крупные. Самый крупный брилліантъ сверкалъ отдѣльно на серединѣ кружевного шарфика.

— Какая у васъ красивая эта пуговочка, сказалъ Сергѣй Петровичъ, послѣ третьяго стакана шампанскаго.

— Вотъ такъ пуговочка... обидѣлся Виссаріонъ: шесть тысячъ стоитъ,—а вы,—пуговочка...

И онъ безцеремонно, какъ свою собственность, снялъ съ шарфика дивы брилліантъ и передалъ Грошеву:

— На-те-ка, посмотрите... Тридцать каратовъ... А игра то какая!.. Сергѣй Петровичъ взялъ брилліантъ и сталъ его разсматривать.

Шесть тысячъ, думалъ онъ: капиталъ... И за что? Развѣ это искусствомъ создано? Развѣ это говоритъ что-нибудь сердцу, уму? За камень—цѣлое состояніе...

Онъ осторожно передалъ дивѣ ея брилліантъ.

— Хорошо?—спросилъ Виссаріонъ.

— Я ничего не понимаю въ брилліантахъ,—сказалъ Воронинъ.

Виландье расхохоталась:

— Такъ отчего же вы такъ внимательно разсматривали?..

— Я старался понять, — почему камень, бездушный камень стоитъ такъ дорого...

— Для того... такъ дорого,—сказала дива, чтобы не каждый могъ имѣть такіе камни.

Она лукаво взглянула на Грошева, — онъ при-

творно вздохнулъ; Виссаріонъ побѣдоносно смотрѣлъ на этого бѣднаго Сергѣя Петровича, который даже не видѣлъ хорошихъ брилліантовъ.

— А я имѣлъ удовольствіе слышать васъ однажды въ опереткѣ, Марья Карловна... Въ Петербургѣ... Вы пѣли Гейшу... Никогда мнѣ не забыть, въ особенности одного мѣста... До того у васъ это дивно выходило...

Сергѣй Петровичъ слабенькимъ голоскомъ, но вѣрно напомнилъ мотивъ:

— Та-та, та-та-та, та-та-ата...

— Ахъ, это вотъ что...

И Виландье въ полголоса пропѣла:

Но нѣтъ, я не вѣрила въ грезу:

Сегодня я буду твоя,

А завтра ты бросишь Мимозу...

«Н-ну... скорѣй ты его бросишь,—подумалъ Сергѣй Петровичъ, а прежде женишь на себѣ»...

— Прелестъ, дивно!..—воскликнулъ Грошевъ.

Виссаріонъ торжествовалъ.

Виландье встала.

— Виссаріонъ Арсеньевичъ, проводите меня до кареты.

— Я васъ провожу до квартиры?..

— Я поѣду одна, настойчиво сказала она. Господа, онъ къ вамъ сейчасъ вернется.

На прощанье она крѣпко пожала руку Сергѣю Петровичу; Грошевъ ея руку почтительно поцѣловалъ; она взглянула на художника немножко прищуривъ глаза, не то насмѣшливо, не то... поощрительно.

XVIII.

Грошевъ долилъ шампанскимъ стаканъ Воронина и свой. Они чокнулись.

— Огромную сумму вы заломили за картину Зимина.

— Огромную? Если онъ заплатилъ за пуговочку шесть тысячъ, то за картину великаго художника долженъ заплатить шестьдесятъ. А я спросилъ двѣ тысячи...

— Каждая вещь имѣетъ свою цѣну. И каждый художникъ имѣетъ свою, рыночную цѣну. Просить вы можете хоть миллионъ... Только никто вамъ больше трехсотъ рублей за Зимина не дастъ. А Виссаріонъ, пожалуй, даже пятьсотъ дастъ. А вы пользуйтесь пока онъ не раздумалъ... Если вамъ нужно продать... А не нужно—оставьте у себя и тогда цѣните во что угодно...

— Да что вы, Кириллъ Даниловичъ, серьезно это мнѣ говорите? За пятьсотъ отдать картину Зимина?..

— Вполнѣ серьезно говорю и отъ души совѣтую.

— Зимину двѣ тысячи давали.

— На выставкѣ давали... да и то денегъ не вынимали. А послѣ выставки картинѣ всегда другая цѣна бываетъ... Триста рублей вамъ за нее теперь дадутъ, не больше, повторилъ Грошевъ: а Виссаріонъ ужъ очень хочетъ купить эту картину,—пятьсотъ не пожалѣетъ.

— Позвольте... Или я уже охмелѣлъ... Никакъ

не могу съ мыслями собраться... Почему жъ онъ тому же Зимину за портретъ жены пять тысячъ заплатилъ?.. Картина же болѣе общій интересъ представляетъ.

— Заплатилъ потому, что Зиминъ меньше не бралъ, а пришла тогда шальная мысль заказать портретъ именно Зимину... А теперь онъ этотъ портретъ за триста отдастъ, не угодно ли купить?

— Купилъ бы съ восторгомъ... Денегъ нѣтъ...

— Гм-да... пять тысячъ заплатилъ, а за триста отдастъ...

— Ручаюсь... А теперь сообразите: если Зимину пріятно было доставить вамъ удовольствіе своей картиной,—тѣмъ пріятнѣе будетъ ему знать, что эта картина вамъ принесла огромную пользу, выручила изъ тяжелаго положенія...

Сергѣй Петровичъ задумался: сколько же онъ задолжаетъ Зимину? Изъ пятисотъ рублей нужно отдать десять процентовъ, пятьдесятъ рублей, этому комиссіонеру,—Грошеву... Остается четыреста пятьдесятъ... Да за проданныя уже Дарину шесть вещей онъ получилъ, за уплатой комиссіонныхъ, сто пятьдесятъ три рубля... Всего останется шестьсотъ три рубля. Расходовъ на поѣздку рублей около тридцати... Кусанову четыреста пятьдесятъ... Останется для Зимина только около ста двадцати рублей... Значитъ, нужно будетъ ему уплатить еще почти тысячу девятьсотъ рублей... Вѣдь это года три лишнихъ придется жить въ Гавани, надрываться въ работѣ безъ отдыха... Боже, неужели этотъ милліонеръ

не дастъ больше за картину Зимина,—хоть тысячу... Въдь она же стоитъ гораздо больше...

Вошелъ Виссаріонъ. Всѣ чокнулись шампанскимъ.

— Вы пошутили, Сергѣй Петровичъ, когда за картину Зимина двѣ тысячи спросили? Это цѣна невозможная.

— А сколько же, по вашему, стоитъ эта картина?

— Я вамъ за нее могу дать пятьсотъ рублей и ни копейки больше.

Что же мнѣ дѣлать? подумалъ Сергѣй Петровичъ,—допустить до аукціона? Пусть за безцѣнокъ растащатъ все, что сколочено годами... И почему я знаю, кто дастъ больше за картину Зимина, теперь, немедленно...

— Извольте, я согласенъ.

Грошевъ даже подпрыгнулъ на креслѣ отъ удовольствія. Виссаріонъ такъ же не сдержался и громко щелкнулъ пальцами правой руки о ладонь, затѣмъ вынувъ пять сотенныхъ, отдалъ Сергѣю Петровичу и весело воскликнулъ:

— А теперь, спрыснемъ... Кирилль Данилычъ,—долей шампанскаго...

— Нѣтъ, я не буду больше пить... сказалъ Сергѣй Петровичъ твердо, —и совсѣмъ никогда не буду... я и до сихъ поръ только при случаѣ, въ компаніи пилъ... И на завтра мнѣ скверно бываетъ... А теперь больше пить никогда не буду... Кирилль Даниловичъ, за мной оставалось пятьдесятъ рублей... позвольте передать вамъ этотъ долгъ.

Грошевъ взялъ пятьдесятъ рублей и сконфуженно

взглянулъ на Виссаріона: тотъ улыбнулся: онъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Кириллъ, голубчикъ, — сказалъ Виссаріонъ: завтра идетъ Гейша... Ты мнѣ напомни,—я попрошу тебя поѣхать заказать букетъ... и чтобы цвѣты подобрать по красивѣе...

Искушеніе.

I.

Было десять часовъ вечера. Черезъ два часа наступитъ Новый годъ. Подпоручикъ Синелевъ оглядывалъ пустой вагонъ второго класса, и брала его досада, что поѣздъ опоздалъ на полчаса и онъ еле-еле поспѣетъ пріѣхать ко встрѣчѣ новаго года. Его ждетъ старуха мать, съ которой онъ полгода не видался, ждетъ его еще та, которую мать давно считаетъ его невѣстой и на которой онъ давно женился бы съ восторгомъ, если бы не бѣдность... Нужно было внести реверсъ нѣсколько тысячъ,—а ихъ не было... А потомъ страхъ за положеніе въ обществѣ,—за то, что онъ не въ силахъ будетъ жить въ полку женатый, по семейному, прилично, чтобы нужда не бросалась въ глаза.

О, бѣдность, проклятая бѣдность!

Онъ прислушивался къ мягкому громыханью поѣзда и смотрѣлъ въ окно, какъ черную тьму прорѣзали огненные нити,—искры отъ паровоза.

— Какъ трудно самому бороться съ жизнью, когда не поддерживаетъ судьба,—думалъ Синелевъ: вотъ онъ въ полку на самомъ лучшемъ счету,—безукоризненный офицеръ, — хорошій товарищъ, — безусловно порядочный человѣкъ. Но что же есть у него?.. Потертый мундиръ, который вѣчно заставляетъ ломать голову какъ его вычистить, какъ перемѣнить погоны, чтобъ не казался мундиръ старымъ, и долги,—уже довольно много долговъ. А чѣмъ ихъ платить?..

Онъ могъ жениться, выгодно жениться... Но онъ не былъ подлецомъ и не переставалъ любить ту дѣвушку, круглую сироту, которая, окончивъ институтъ, живетъ около его матери, и которую онъ любитъ съ первой встрѣчи, когда онъ только что кончилъ гимназію и еще раздумывалъ, куда ему итти, — въ университетъ или въ военное училище.

Она, любимая дѣвушка, уговаривала его итти въ университетъ, — но онъ не послушалъ. Какъ онъ теперь жалѣетъ, объ этомъ... Та дорога, которую онъ выбралъ, слишкомъ трудна для бѣдняковъ...

II.

Милая бѣлокурая головка съ ясными глазами вспоминается Синелеву... Какая чудная и вмѣстѣ странная дѣвушка... Энергичная... Съ нею поговорить, такъ выходитъ, что все на свѣтѣ превосходно, чудно устроено и что мы только не хотимъ видѣть, въ чемъ наше благополучіе... Какіе смѣшные проекты она совѣтуетъ иногда: „Вы, говоритъ, способный, вы всему научиться можете... Научитесь шить сапоги, самые лучшіе сапоги... Ваши товарищи всѣ станутъ

вамъ заказывать, а платятъ они дорого всегда... Вы даже можете съ нихъ дешевле брать, чѣмъ другіе мастера... И въ свободное время работайте... Времени свободнаго, вѣдь, много у васъ?.. Не правда-ли, вѣдь лучше же посвящать свободное время работѣ, чѣмъ билліарду, какъ это принято у васъ?“

Потомъ она говорила, краснѣя: „Вотъ и могли бы мы жить, не нуждаясь... Я тоже работала бы... Я, вѣдь, все умѣю... Хотя насъ мало чему въ институтѣ учили, но я сама догадалась, что трудъ — это не что-то низменное, а, напротивъ, трудъ возвышаетъ человѣка надъ всѣмъ... И развѣ трудъ мѣшаетъ читать, думать, говорить съ умными людьми, развѣ трудъ мѣшаетъ любить?.. Синелевъ помнить почти слово въ слово ея милыя, такія наивныя рѣчи...

Какъ она прелестна, когда говоритъ свои смѣшныя проекты... Вотъ потѣха!.. Что если бы и въправду... потерпѣли бы офицеры въ полку такого товарища?.. Конечно, они на перебой одинъ передъ другимъ стали бы заказывать ему сапоги, чтобы сказать: „А вотъ, когда Синелевъ снималъ мѣрку съ моей ноги, я нечаянно ткнулъ ему ногой въ морду“!.. Кто бы ему подалъ руку? Или на балу: какая дама пошла бы съ нимъ въ мазуркѣ? Онъ былъ бы ходячимъ анекдотомъ... На него бы всѣ пальцемъ показывали...

— Ого, — сказалъ себѣ Синелевъ, — однако я, кажется, чуть не въ серьезъ обсуждаю иногда эти курьезные совѣты... Не до курьезовъ, когда жизнь гладитъ противъ шерсти... Другимъ вотъ везетъ... У Брыкина дядя богатый умеръ... Теперь онъ весь полкъ шампанскимъ поить... Рысаковъ какихъ завелъ!.. И

уже никто не зоветъ Брыкина Пустозвонскимъ... Всѣ въ немъ заискиваютъ, у него занимаютъ... И, вѣдь, достается же этакая прорва денегъ такому дураку... Все равно ихъ спустить. А если бы ему, Синелеву досталось... Хотя бы тысячъ десять. Онъ заплатилъ бы долги и какъ бы счастливо устроили они свое гнѣздышко... Но не откуда ждать наслѣдства, не откуда ждать поддержки... тяжелымъ гнетомъ начинаетъ казаться и молодая жизнь... На сердцѣ скверно... Злоба какая-то нахлынула... И тоска... И уже хочется, чтобы не такъ скоро пріѣхать туда, гдѣ заглянуть въ сумрачную душу свѣтлые, чистые глаза...

III.

Поездъ сталъ замедлять ходъ и остановился у маленькой станціи. Минуты черезъ три опять поездъ тронулся, и въ вагонъ вошелъ человѣкъ съ сѣдовой бородкой и въ картузѣ, съ большой кожаной сумкой черезъ плечо. Онъ съ тревогой осмотрѣлъ пустой вагонъ, и успокоился, увидѣвъ офицера, единственнаго пассажира.

Подсѣвъ поближе, человѣкъ съ сумкой сказалъ:

— Жуть беретъ, ваше благородіе, нашему брату, артельщику, подъ большіе праздники ѣздить, или, какъ вотъ теперь, подъ Новый годъ... Пассажировъ почти никого, какъ разъ лихой человѣкъ тѣмъ случаемъ попользуется, да вздумаетъ прикончить... Денегъ-то много набираемъ по станціямъ...

— А бываютъ лихіе случаи?.. — заинтересовался Синелевъ.

— Бываютъ, какъ не бывать? Все изъ-за денегъ, самый проклятый металл...

Артельщикъ вынулъ изъ кармана нѣсколько рублей и какіе-то документы, которые онъ не успѣлъ на станціи положить на мѣсто и открылъ сумку. Пока онъ клалъ въ одно отдѣленіе документы, а въ другое деньги, Синелевъ увидѣлъ пачки сотенныхъ бумажекъ, свертки серебра и золота.

— И по многу вамъ собирать приходится?

— Тысячъ до сорока, а то и больше... Самая непріятная наша обязанность... И то еще опасно: часто приходится слѣзать на ходу и садиться на ходу... Спаси Богъ, оступишься...

Какая-то ужасная мысль, которая, какъ молнія, мелькнула въ головѣ Синелева... Мысль эта не успѣла сложиться, оформиться, но онъ почувствовалъ такой ужасъ и такая слабость вдругъ появилась у него въ рукахъ и ногахъ, что онъ думалъ, не умираетъ-ли онъ отъ разрыва сердца.

Поѣздъ сталъ замедлять ходъ, приближаясь къ станціи. Артельщикъ сталъ собираться выходить, чтобы получить еще деньги и еще документы. Онъ замкнулъ сумку на ключъ и сказалъ:

— Позвольте, ваше благородіе, около васъ оставить сумку: ужъ очень тяжело таскать.

Синелевъ пролепеталъ.

— Пожалуйста... какъ хотите...

Раздался глухой свистокъ паровоза, сигналъ приближенія къ станціи. Артельщикъ вышелъ на тормозную площадку вагона.

IV.

Едва онъ захлоннулъ за собой дверь вагона, Синелевъ хотѣлъ броситься вслѣдъ за нимъ, чтобы заставить его взять съ собой свою проклятую сумку. Но не двигались ноги, не было силъ шевельнуться, словно загипнотизированный чѣмъ-то, Синелевъ погрузился въ страшный сонъ... Что-то въ немъ раздѣлилось пополамъ, и стало два Синелева: одинъ не могъ двигаться и только смотрѣлъ, какъ живетъ, какъ дѣйствуетъ другой Синелевъ.

Нужно скорѣе отдать сумку, пока еще не остановился поѣздъ, пока еще артельщикъ не сошелъ на станціи... Вѣдь, это сатана, навѣрное, онъ внушилъ артельщику такую шальную мысль: довѣрить сумку человѣку, нуждающемуся въ деньгахъ... О, какъ бы хорошо было съ этими деньгами! Но нѣтъ, скорѣе, скорѣе... возвратить... отдать...

Синелевъ идетъ. Открывъ дверь на площадку вагона, онъ видитъ артельщика: тотъ стоитъ у открытой выходной двери и держится за скобку, обтянутую сукномъ, чтобы не морозила рукъ, и, перегнувшись впередъ, смотритъ на приближающуюся станцію. Поѣздъ еще идетъ довольно быстро.

Синелевъ вспоминаетъ ту первую ужасную мысль, вспоминаетъ какъ нѣчто такое, что онъ долженъ выполнить непременно, во что бы то ни стало, и вдругъ изо всей силы толкаетъ артельщика...

Тотъ срывается и летитъ... Раздается долгій, раздирающій душу крикъ...

Синелевъ бросается въ вагонъ, захлопываетъ обѣ двери, въ одну минуту разрѣзаетъ саквояжъ, и на-

бываетъ карманы золотомъ и свертками кредитныхъ билетовъ...

Поѣздъ остановился.

Синелевъ бросаетъ подъ диванъ еще не совсѣмъ опорожненный саквояжъ и выбѣгаетъ изъ вагона въ дверь, противоположную станціи. Вотъ, онъ уже на рельсахъ, по близости ни души. Но по ту сторону поѣзда идетъ суетня, слышится громкій разговоръ...

Доносятся фразы:

— Живъ... въ снѣгъ упалъ... офицеръ вытолкнулъ... сумка... скрылся...

— Значить, ищутъ, спрятаться негдѣ... форма выдастъ... Найдутъ,—сейчасъ найдутъ.

— Такъ вотъ же вамъ!..

И Синелевъ выбрасываетъ изъ кармана все, что онъ нагребилъ изъ сумки; потомъ вывертываетъ карманы,—тамъ ничего не осталось.

„Мертвые сраму не имутъ“ — вспоминаетъ Синелевъ и вынимаетъ шашку. Эфесъ упираетъ въ землю, становится на колѣни, сгибается; кончикъ лезвія шпаги касается горла.

Люди ищутъ его; вотъ они приближаются, мелькаютъ въ ихъ рукахъ фонари... Они громко говорятъ. Спѣшатъ къ нему...

— Такъ вотъ же вамъ—повторяетъ Синелевъ...

V.

— Ваше благородіе, эй, ваше благородіе!.. Охъ, и уснули же вы крѣпко! Ваше благородіе, да что вы такъ смотрите?.. Крѣпко, говорю, вы уснули!.. Насилу васъ растолкалъ... Стонали шибко... А въ

сумку вцѣпились какъ!.. Бережете чужое добро... Покорнѣйше благодаримъ... Вотъ сейчасъ и къ вашей станціи подъѣдемъ... Выходить вамъ...

Синелевъ оглядываетъ вагонъ, артельщика, который беретъ свою сумку и добродушно улыбается, Синелевъ смотритъ въ окно на темную ночь и на летящія огненные нити, крѣпко третъ лобъ...

— Такъ это сонъ!.. О-о-о-о!..

Тяжелый вздохъ со стономъ вырвался изъ груди Синелева.

Онъ поднялся блѣдный и не помнилъ, какъ вышелъ на станцію, какъ вынесли его вещи, какъ онъ поздоровался съ начальникомъ станціи, который поздравилъ его съ пріѣздомъ и сказалъ: „Вотъ когда повинтимъ!“

Синелеву казалось, что онъ постарѣлъ на много лѣтъ и сталъ другимъ, совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

— Здравствуйте, ваше благородіе!

Это Захаръ, крестьянинъ, который у матери Синелева служить и за кузнеца, и за работника пахаря.

Захаръ улыбается радостно, какъ улыбался каждый разъ, пріѣзжая на барыниной лошаdkѣ за молодымъ бариномъ, когда тотъ былъ еще гимназистомъ и потомъ юнкеромъ, а потомъ офицеромъ... Въ такихъ случаяхъ Синелевъ покровительственно говорилъ Захару:

— Здравствуй, братецъ,—какъ поживаешь?

А теперь Синелевъ, снявъ перчатку, протянулъ руку и тѣмъ до того удивилъ Захара, что тотъ оторопѣлъ...

— Что же ты Захаръ, не даешь мнѣ руки?..

Захаръ, сконфуженно улыбаясь, протягиваетъ барину заскорузлую руку и тотъ ее жметъ крѣпко своей красивой, нѣжной рукой.

— Барышня хотѣли ѣхать со мной васъ встрѣчать, а барыня ихъ не пустила, — какъ бы не простудились... Холода завернули дюжіе...

Ночь была темная. Когда выѣхали въ поле, — вѣтеръ сталъ осыпать мелкой снѣжной пылью. Захаръ не видѣлъ дороги и отпустилъ возжи, умная лошадь сама бѣжала рысью по знакомому пути; колокольчикъ неторопливо звенѣлъ у дуги. Синелевъ едва различалъ спину Захара и въ эту темную ночь. Хорошо было у него на сердцѣ, словно онъ избавился отъ какой-то опасности, отъ страшной бѣды. Жизнь казалась прекрасной и вѣрилось ему въ свои силы и въ то, что онъ хорошо устроится и будетъ счастливъ. И радостно вспоминалъ онъ о невѣстѣ, которая ждетъ его, которую онъ увидитъ черезъ нѣсколько минутъ и уже не страшно было ему, что въ самую глубину его души заглянуть чистыя очи молодой дѣвушки.

Показались огни. Захаръ смѣло дернулъ за возжу; лошадь повернула къ знакомымъ воротамъ.

— То-то будетъ радости!.. — сказалъ Захаръ.

Синелевъ не хотѣлъ ждать, пока лошадь остановится и готовился на ходу выпрыгнуть изъ саней.

Подъ открытымъ небомъ.

И сказалъ Богъ: «Да будетъ свѣтъ»
Библия.

— Бѣдный Мордухъ!.. Ой-вай-вай!.. Бѣдный, бѣдный Мордухъ!..

Онъ бѣжалъ, еле переводя духъ, вслухъ жалуясь и причитая, и отъ этого ему становилось какъ будто немного легче на душѣ. Городъ, проклятый городъ, гдѣ властвовали теперь насиліе и ужасъ, и разореніе, и смерть позорная и мучительная,—городъ остался назади. Мордухъ бѣжалъ теперь въ полѣ. Его никто не слышалъ, какъ онъ причиталъ. Пейсы его тряслись; длинный изношенный сюртукъ развѣвался фалдами по вѣтру. Онъ бѣжалъ, беспорядочно махая руками; картузь его былъ сдвинутъ на затылокъ; его исхудалыя щеки сводила по временамъ судорога; изъ глазъ рѣдкія слезинки выбѣгали и скатывались на усы и на бороду. Онъ бѣжалъ, пока ноги стали подкашиваться. Тогда онъ легъ на землю въ растяжку и такъ, не двигаясь, пролежалъ нѣсколько часовъ.

Не было дремоты, ни сна, но было оцѣпенѣніе.

Онъ не сознавалъ, что лежалъ долго, цѣлые часы; не сознавалъ и того, когда и зачѣмъ онъ поднялся и сѣлъ,—онъ сдѣлалъ это машинально.

Подъ нимъ была трава—душистая, сочная; надъ головою—вечернее небо—прозрачное, чистое; блѣдный мѣсяцъ серебрится; надъ сосѣднимъ лѣскомъ поднялась яркая звѣзда; коростель кричитъ вдали. Тишиной, величіемъ и миромъ вѣяло въ природѣ.

Но Мордухъ ничего кругомъ не замѣчалъ: его душу надрывали нестерпимыя муки.

— Будьте вы прокляты!... О-о-о-о!.. Будьте вы прокляты!..

Потрясъ онъ кулаками по направленію къ городу.

Если бы Мордухъ былъ сильный человѣкъ, если бы подъ властью его были полки воиновъ, — онъ въ этотъ часъ, можетъ быть, приказалъ бы истребить ненавистный городъ; велѣлъ бы грабить, ломать, щепать, громить имущество; велѣлъ бы на глазахъ у родителей взять двумъ воинамъ ребенка за обѣ ножки и разорвать дитя пополамъ, и выбросить еще трепещущіе кровавые куски въ окно; онъ велѣлъ бы насиловать дочерей и женъ, а потомъ распарывать имъ животы и вырвавъ кишки, набивать животы пухомъ изъ подушекъ... И хохотать въ это время, непременно хохотать, дьявольски хохотать!.. Онъ велѣлъ бы убивать мужчинъ, прибивать гвоздями къ стѣнѣ за руки и за ноги...

Око за око, зубъ за зубъ!..

Но Мордухъ былъ безсиленъ и могъ только проклинять и жаловаться.

Ему слышались чьи то шаги. Мордухъ оглянулся и увидѣлъ подходившаго къ нему пана Тычинскаго, ботаника, учителя; его Мордухъ зналъ, потому что занимался ремесломъ лудильщика; побывалъ у него въ рукахъ и самоваръ пана Тычинскаго. Кромѣ того, слышалъ объ этомъ панѣ Мордухъ, что онъ хорошій, честный и добрый человѣкъ. Въ другое время Мордухъ поклонился бы пану Тычинскому, а теперь отвернулся.

Тычинскій, полный человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, подошелъ тихо къ Мордуху, сѣлъ возлѣ него и осторожно положилъ около себя собранныя растенія для гербарія.

— Здравствуй Мордухъ!.. Ты мнѣ не отвѣчаешь?.. За что же ты на меня—то сердишься... или обижаешься?..

Мордухъ молчалъ.

— Вѣдь я тебѣ никакого зла не дѣлалъ?..

— Ваши дѣлали!.. съ ненавистью воскликнулъ Мордухъ.

— Наши?.. Ну, братъ, — право же я не принадлежу ни къ вашимъ, ни къ нашимъ.

Мордухъ взглянулъ на пана Тычинскаго съ удивленіемъ.

— Я самъ по себѣ,—пояснилъ ботаникъ—и могу я отвѣчать только за свои собственные поступки... А я ничего дурного тебѣ не дѣлалъ... И даже... хотя мнѣ непріятно въ этомъ признаваться, — но я долженъ сказать тебѣ, что пытался я и помѣшать злодѣйствамъ, какъ могъ... Но можно уговорить одного человѣка... А развѣ толпу, озвѣрѣвшую, уговоришь?..

Звѣрь-толпа,—это самое ужасное, самое отвратительное на свѣтѣ!..

Панъ Тычинскій взялся за голову.

— Очень дешево я отдѣлался... Однако, ты, Мордухъ, если хочешь, можешь посмотрѣть на моемъ тѣлѣ здоровенные синяки... Объ этомъ я для того тебѣ говорю, чтобы ты почувствовалъ ко мнѣ нѣкоторое довѣріе...

— Ну-ну... и зачѣмъ вамъ довѣріе бѣднаго, несчастнаго еврея?

— Чтобы мы съ тобой могли разговаривать по человѣчески. Слушай. Я ушелъ оттуда, отъ тѣхъ ужасовъ только тогда, когда пришли солдаты... Я ушелъ тогда изъ города и сталъ искать въ полѣ растений для моего дѣла. Не спорилось у меня сегодня; видишь, какъ мало набралъ... Вотъ — полынь... Знаешь ты это растеніе?..

— Я вижу, вы добрый панъ и хотите развлечь мои мысли... Зачѣмъ мнѣ знать вашу полынь?.. Если бы я былъ корова, — я бы ее сожралъ и былъ бы сытъ... Но я человѣкъ, несчастный человѣкъ, и мнѣ бесполезна ваша полынь...

— Коровы то не очень ее любятъ: она горька... Но это полезное растеніе: лекарство изъ него дѣлаютъ... Такъ то все въ природѣ разумно устроено...

— О-о-о!.. Будь они прокляты!.. простоналъ опять Мордухъ.

Панъ Тычинскій вздохнулъ:

— Когда Христось былъ распятъ на крестѣ, — онъ молился... Знаешь ли ты, какъ Онъ молился?

— Ну-ну... И что мнѣ за дѣло? пожалъ плечами Мордухъ.

— А вотъ послушай: Онъ молился такъ: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлають“.

— Ай-вай!.. Не знаютъ!.. воскликнулъ Мордухъ съ ужасомъ:—а и знаете ли вы, панъ Тычинскій, что они сдѣлали съ моею семьей, со всѣмъ моимъ имуществомъ?.. И что они сдѣлали со мною?..

— Да, я знаю... Но отвѣчай мнѣ, Мордухъ, пожалуйста, отвѣчай: знаешь ли ты, кто это сдѣлалъ?..

— Ну-ну... Толпа...

— Какая толпа?.. Знаешь ли ты, какая?.. Это были все темные, непросвѣщенные люди... И, можетъ быть, даже имъ простится, потому что они не знаютъ, что дѣлають... Не они виноваты: невѣжество, тьма виновата!.. Давай, Мордухъ, молиться Богу, чтобы скорѣе прошла у насъ тьма, чтобы наука широко разлилась по землѣ... чтобы просвѣтились всѣ... всѣ!..

Мордухъ не все слышалъ и не все понялъ изъ того, что говорилъ ему теперь панъ Тычинскій. Мордухъ опять весь поглощенъ былъ своимъ личнымъ горемъ. Но онъ почувствовалъ, какъ убѣдительно просилъ его панъ: „Давай, Мордухъ, молиться“,—и поднималъ Мордухъ къ небу глаза, полные слезъ.

Взглянулъ на небо и панъ Тычинскій.

И оба они, — еврей и христіанинъ творили молитву Тому единому Богу, Котораго каждый изъ нихъ искалъ мыслью на этомъ вѣчно прекрасномъ небѣ, среди мерцавшихъ звѣздъ.

А небо, это безпредѣльное пространство съ непостижимымъ множествомъ міровъ,—небо смотрѣло на крошечную песчинку—землю; видѣло ли оно на этой песчинкѣ двухъ молившихся о чемъ то людей?..

Илья.

— Ну, ты, ковурий, пошевеливай!.. Ишь, лѣшій!..

Илья взмахнулъ кнутомъ и слегка стегнулъ лѣвую пристяжную, тройка пошла веселѣе.

— Эхъ, виноходцы!.. Благодать, баринъ, -- погода!.. Зелень то пошла какова!.. И дорога просохла... О сию пору тутъ грязь бываетъ непролазная...

Зеленей я уже не видѣлъ. Все было погружено въ сумракъ; на небѣ прорѣзались звѣзды, а близко къ горизонту сіялъ молодой мѣсяцъ. Мѣсяцъ летѣлъ вмѣстѣ съ нашей тройкой навстрѣчу молодой рошѣ и вдругъ, казалось, мѣсяцъ сталъ подпрыгивать и задѣвать за силуэты обнаженныхъ березъ. Роша пролетѣла, потянулось болото--и мѣсяцъ сталъ неподвиженъ; только прыгало черезъ кочки въ водѣ болота его серебристое отраженіе.

Сыростью и легкой прохладой несло съ болота.

— Самыя охотницкія мѣста, — пояснилъ разговорчивый Илья; тутъ мнѣ все извѣстно... Потому — здѣсь возросъ... А послѣ былъ въ военной службѣ, да пять лѣтъ въ Москвѣ извозчикомъ ѣздилъ... легковымъ... А вотъ и опять на родной сторонѣ живу...

Ш-а-али!.. Стегнулъ Илья правую пристяжную: чортъ ее знаетъ,—бѣжить, бѣжить,—какъ хватить нога о ногу!.. Тогда скачетъ на трехъ ногахъ...

— Служилъ я подъ Варшавой,—у насъ въ эскадронѣ такая то лошадь была... Ко мнѣ ее вахмистръ приспособилъ, опосля того, какъ я про него шутку сшутилъ... Дождался я отъ него отместки: думаю—какую то сдѣлаетъ меланхолію? Ну, и нашелъ онъ, чѣмъ досадить... Злоехидный былъ человѣкъ... На-терпѣлся я черезъ того коня!..

— Люблю, когда баринъ не сердить, да не понукаетъ... Самъ тогда стараюсь... А то бывало, когда легковымъ ѣздили... въ Москвѣ-то... За питіалтынный посадишь, а онъ понукаетъ: живо поѣзжай!.. Что вы, молъ, господинъ: ѣду я постепенно,—какъ, значить за питіалтынный... Ишь она,—ишь она!..

И онъ два раза стегнулъ правую, которая опять было побѣжала на трехъ ногахъ.

Коренной бѣжалъ добросовѣстно и такъ хорошо, что Илья ни разу его не стегнулъ, только чуть пошевеливалъ возжами.

— А то еще вахмистръ было вздумалъ мнѣ на-солить, — зазнобу хотѣлъ отбить... Подозрительный былъ человѣкъ... А она то краля была... Глаза у ней были подманчиватые,—такъ и смотрятъ... Вахмистръ ей про меня отбивныя письма писалъ... А то разъ меня не было, какъ она пришла,—вахмистръ ей про меня наговаривать началъ... „Развѣ, говорить, вы геометрію эту не знаете, что откеда онъ, да какой онъ?“ А она меня больно любила,—никому вѣры не давала... Вахмистръ-то говорить, а она—смѣется, хохочетъ, легко-

мысленно принимаетъ, — будто-бы, какъ вѣтеръ въ болотѣ... Ниглижа...

— Вахмистръ былъ щеголь... всегда передъ зеркаломъ находился и ужъ такой злющій: сказать ничего не смѣй: сейчасъ изображаетъ какую-то физиономію... а то—драться...

— Илья, откуда ты этикія слова знаешь: „Ниглижа“... „Геометрію“...

— А какъ же, баринъ,—неужели мы образованія не понимаемъ... Двоихъ сѣдоковъ, бывало, въ Москвѣ везешь,—какихъ-то словъ не слушаешься... Вотъ и запоминаешь... Я, вѣдь, способный, понятливый... А вотъ только не могъ я отъ господъ добиться, что такое обозначаетъ: „Милодія?..“ Такое мнѣ все неподходящее объясняли... А слышалъ я это слово въ Москвѣ, — сѣдока везъ, купца, такъ надо полагать изъ провинціи, пріѣзжій... съ нимъ ѣхала дѣвица, онъ ей рассказывалъ: „Нашъ городокъ маленький, а торговля—правтическая“. А потомъ говоритъ ей: „Что это у тебя, Лизынька, въ лицѣ за милодія какая-то?.. Даже какъ будто отвратительно смотрѣть!..“ А она ему отвѣчаетъ: „Вотъ, говоритъ, вамъ не нравится, когда я не веселая бываю, а сами уѣзжаете, оставляете меня безъ всякихъ послѣдствій...“ А купецъ сталъ ее попрекать: „Ты, говоритъ, такая-то была и этакая!..“ Эхъ вы, милыя, виноходцы!..

Тяжелымъ гнетомъ ложилось на душу это множество наносныхъ, искаженныхъ словъ въ рѣчи простаго русскаго человѣка. Я понялъ, что Илья имѣетъ пристрастіе къ мудренымъ словамъ, которыя съ завистью ловить и старается запомнить, искажая и по-

нимая ихъ по своему и очень гордится тѣмъ, что онъ знаетъ мудреныя слова. Бѣдный Илья!..—думалось мнѣ: что, еслибы его любознательность была направлена по хорошему руслу?

Бѣхали нѣсколько минутъ молча. Дорога шла по-лемъ.

— А вона деревня моя, — огоньки-то свѣтятся!.. Пожаръ былъ у насъ недавно,—ужасти какой!.. Въ одной избѣ, у Митрія-кузнеца чуть двое ребятъ не сгорѣли... Совсѣмъ изба-то кругомъ въ огнѣ была... А то еще у насъ въ полку была исторія...

— Подожди... Какъ же дѣтей-то спасли... изъ огня?..

— Богъ помогъ,—я водой окатился, да кинулся, и вынесъ обоихъ...

— Ты?.. Въ огонь кинулся?.. Обжегся?..

— Говорю: Богъ помогъ... Только волоса подгорѣли... Такъ вотъ, баринъ,—была у насъ въ полку исторія... Захотѣлось нашему генералу на высшую должность... Дѣла!.. Въ какихъ чинахъ—и то какая перегордія одолѣла!.. Зависть-то!.. Сдѣлали сюжетъ... Чтобы на образецъ былъ полкъ!.. Такія строгости пошли,—никакихъ не стало возможностей...

— Т-пр-ру!..

Осадилъ вдругъ Илья лошадей:

— А вѣдь мы, баринъ, пріѣхали!..

Неразлучники.

Въ губернскомъ городѣ Ронскѣ всѣ ихъ знали:
— Неразлучники!

Такъ прозвали Рѣчныхъ, почтмейстера и его жену.

Они гуляли каждый день, въ одинъ и тотъ же часъ, подъ руку, по главной Московской улицѣ. Онъ велъ ее любовно, осторожно, сіяя улыбкой, полной достоинства, и сознанія своего счастья и превосходства надъ гулявшими другими людьми, которые не умѣли быть счастливыми.

Она, супруга почтмейстера, прижималась къ мужу, склонивъ головку къ его плечу и, прищуривъ немножко глаза, смотрѣла на всѣхъ не то покровительственно, не то иронически, — и въ то же время на ея губахъ неизмѣнно была чуть замѣтная улыбка существа довольнаго собою и счастливаго.

Эта парочка была немолодыхъ лѣтъ: ему подъ шестьдесятъ, а ей подъ пятьдесятъ. Оба они казались гораздо моложе: онъ, потому что брилъ бороду

и красилъ усы, она — потому что была вообще молоджава, а въ частности — тайкомъ прибѣгала къ хорошимъ косметикамъ, но только чуть-чуть, чтобы совсѣмъ даже не было замѣтно. Они это дѣлали для того, чтобы нравиться другъ другу и чтобы каждому изъ нихъ было пріятнѣе на самого себя посмотреть лишній разъ въ зеркало.

У нихъ были дѣти: дочь, замужемъ за военнымъ капельмейстеромъ, имѣвшая въ теченіи семи лѣтъ супружества восемь дѣтей и сынъ, молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти, женатый, но разставшійся съ женой, которая ушла отъ него съ адвокатомъ. Сынъ почтмейстера также былъ прежде на почтовой службѣ, но когда жена ушла, онъ запилъ, опустился до „золотой роты“—и потерялъ службу. Родители извлекли его изъ этого состоянія, вырезвили, нарядили и онъ жилъ у нихъ скромнымъ и порядочнымъ человекомъ, но безъ дѣла; отецъ пріискивалъ для него новую службу.

Мнѣ привелось познакомиться съ семьею почтмейстера Александра Сергѣевича Рѣчнова. Нѣсколько разъ, когда Рѣчновъ видѣлъ меня на почтѣ получающимъ корреспонденцію—онъ звалъ къ себѣ,—„на стаканъ кофе“,—и нельзя было отказаться отъ любезнаго приглашенія этого милаго человека. Супруга Рѣчнова, Дарья Ильинишна, радушно усаживала меня за столъ, накрытый свѣжей узорчатой скатертью, на которой красовались великолѣпныя китайскія чашки и ярко начищенный кофейникъ, и сама наливала вкуснаго кофе со сливками. При этомъ Александръ Сергѣевичъ спѣшилъ похва-

стать, что кофе—это почти единственная хозяйственная забота его жены—отъ остальныхъ онъ ее избавилъ: самъ ходитъ на базаръ за провизіей, въ лавки за закусками и всякими покупками, самъ присматриваетъ на кухнѣ, и такъ—съ перваго дня ихъ свадьбы. Впрочемъ, есть еще у Дарьи Ильинишны заботы: Рѣчновъ указывалъ на цвѣты въ глиняныхъ банкахъ и на подвѣшанныя къ окнамъ красивыя клѣтки съ канарейками; желтенькія птички прыгали съ жердочки на жердочку, пили изъ стаканчика въ углу клѣтки воду и клевали сѣмя; иное сѣмячко, по неосторожности птички, вылетало изъ клѣтки и падало на блестящій, выложенный полъ.

— Канарейки, кофе и цвѣты, — больше, слава Богу, у моей жены нѣтъ заботъ... повторялъ счастливый почтмейстеръ.

Избалованная Дарья Ильинишна мило улыбалась мужу, немножко прищутивъ глаза,—а сынъ Рѣчновыхъ,—Викторъ Александровичъ—красивый молодой человѣкъ, въ пенсне, съ черненькими усиками,—любезно подвигалъ ко мнѣ разнообразное печенье. Этотъ молодой человѣкъ былъ скромень и даже застѣнчивъ.

Какъ то разъ почтмейстеръ предложилъ мнѣ послушать, какъ играетъ механическая цитра, которую онъ недавно приобрѣлъ. И подсѣвъ къ небольшому лакированному ящику, онъ сталъ бережно вертѣть ручку, съ видомъ удовольствія на лицѣ, слушая механическую музыку и поглядывая на меня съ гордостью обладателя такого прелестнаго инструмента.

Иногда милая, пустая, безсодержательная, благо-

душная бесѣда за кофе у Рѣчныхъ прерывалась появленіемъ состоявшаго при особѣ почтмейстера старшаго почталіона Филева, съ докладомъ о томъ, что: „Митяевъ не явился на службу, — кѣмъ прикажете замѣстить?“... Или: „Кособоковъ еще крыши не докрасилъ, а уже просить, чтобы счетъ подписать“... Филевъ обращался съ докладомъ не къ Александру Сергѣевичу, а къ Дарьѣ Ильинишнѣ и въ то время, какъ мужъ задумывался и смотрѣлъ на нее вопросительно, — она сейчасъ же ориентировалась въ подобныхъ служебныхъ вопросахъ и тутъ же производила резолюцію: „Пусть Митяеву напишутъ въ канцеляріи, — чтобы онъ бросилъ свое безобразіе, — а то объ его поведеніи начальнику округа будетъ сообщено“...

— Помилуйте, — каждый мѣсяцъ человѣкъ запиваетъ, — обращалась Дарья Ильинишна уже ко мнѣ, какъ бы для того, чтобы я не осудилъ ее за такую строгость.

— Кособокову скажите, чтобы докрасилъ сначала крышу, — да еще водосточный чанъ пусть выкрасить — а потомъ и счетъ подпишутъ...

Замѣтивъ, что все уже рѣшено, какъ нельзя лучше, Александръ Сергѣевичъ поднималъ голову, — смотрѣлъ строго на старшаго почталіона Филева и говорилъ внушительно:

— Да, да... Такъ и сдѣлать: Митяеву написать, какъ приказано... и Кособокову... объявить!..

Филевъ уходилъ и благодушная бесѣда за кофе продолжалась. Говорили о городскихъ сплетняхъ; Дарья Ильинишна, какъ бы по секрету, въ полго-

лоса, сообщала мнѣ, что Александръ Сергѣевичъ встрѣтилъ вчера въ колоніальномъ магазинѣ дочь губернатора,—она покупала сыръ,—и, представьте:— всего только одинъ фунтъ!.. Тутъ же Александръ Сергѣевичъ сообщалъ, уже больше относясь къ женѣ,—что новаго вычиталъ въ почтово-телеграфномъ журналѣ, говорилъ о новыхъ циркулярахъ и распоряженіяхъ по службѣ, и также о всѣхъ новыхъ изобрѣтеніяхъ по электротехникѣ, которыя описывались въ томъ же самомъ журналѣ. Онъ видимо не прочь былъ показать, какъ добросовѣстно и внимательно читаетъ свой служебный журналъ, но сейчасъ же признавался:

— Читаю, стараюсь запоминать, но потомъ скоро и забуду все... А вотъ Дарья Ильинишна моя, никогда нашъ журналъ сама не читаетъ: „нашелъ, говоритъ,—романъ какой...“ А только послушаетъ, что я вычиталъ,—и сейчасъ же запомнить, да такъ ужъ и помнить постоянно... Прекраснѣйшая у ней память!..

Дарья Ильинишна скромно улыбалась, чуть-чуть прищуривъ глаза съ темными рѣсницами, такъ осторожно подкрашенными, что это было почти незаметно и смотрѣла на клѣтки съ канарейками, какъ будто ее больше въ эту минуту занимало пѣніе желтыхъ птичекъ, чѣмъ комплименты мужа.

Дарья Ильинишна доставляло большое удовольствіе рассказывать о ея дочери. Она приносила альбомъ и показывала карточки своей дочери Анны Александровны, красивой молоденькой дамы съ невѣроятной прической. Также показывала и карточки ея мужа, Павла Павловича, военного капельмейстера.

Какъ-то я попалъ къ Рѣчковымъ въ тотъ день, когда получилось письмо отъ ихъ дочери. Дарья Ильинишна читала мнѣ выдержки изъ этого письма. Тамъ описывала Анна Александровна, какой успѣхъ имѣла на балу. Она была одѣта съ такимъ вкусомъ, что всѣ ею интересовались, — офицеры за нею ухаживали, она много танцевала.

— Прехорошенькая вѣдь она, — вставила свое замѣчаніе Дарья Ильинишна.

Затѣмъ Анна Александровна писала, что даже самъ губернаторъ пожелалъ, чтобы она ему была представлена и очень любезно съ ней разговаривалъ. Наговорилъ комплиментовъ не только ей собственно, а даже и по адресу мужа: его превосходительству понравилось, какъ игралъ оркестръ: „Прекрасный капельмейстеръ“... — сказалъ его превосходительство.

И старики Рѣчновы были счастливы вниманіемъ губернатора къ ихъ дочери и ея мужу.

Въ новый годъ около полудня вышелъ я на мою обыкновенную прогулку. Вернувшись домой, я нашелъ карточки Александра Сергѣевича и Виктора Александровича Рѣчновыхъ. Пришлось отправиться къ Рѣчковымъ. У нихъ на этотъ разъ я встрѣтился съ ихъ дочерью и зятемъ, которые пріѣхали погостить. Почтмейстера и его сына не было дома, — они все еще ѣздили съ визитами. Дарья Ильинишна принимала. Она познакомила меня съ дочерью Анной Александровной маленькой, красивой дамочкой съ большими черными глазами и зятемъ Павломъ Павловичемъ, въ формѣ военнаго капельмейстера, румянымъ господиномъ съ такимъ юношескимъ лицомъ,

что на немъ казались странными усы и бородка. Анна Александровна курила и это къ ней не шло. Павелъ Павловичъ тоже курилъ и это дѣлало его болѣе солиднымъ. Онъ говорилъ громко, съ преувеличенной самоувѣренностью; иногда въ разговорѣ наивно затрогивалъ онъ такія обстоятельства семейной жизни, отъ которыхъ дамы краснѣли. Анна Александровна серьезно и многозначительно взглядывала на мужа каждый разъ, когда онъ „завирался“. Павелъ Павловичъ, поймавъ такой взглядъ жены, немного конфузился и начиналъ говорить, обдумывая и съ осторожностью. Но скоро онъ опять болталъ, не смущаясь. Павелъ Павловичъ, въ отсутствіе тестя, долгомъ своимъ считалъ играть роль хозяина: онъ угошалъ всѣхъ и со всѣми чокался. Только одинъ приходскій священникъ, отецъ Іона, долго отказывался отъ угощенія у стола съ закусками и виномъ и довольствовался стаканомъ кофе. Отецъ Іона, благообразный старичекъ съ ласковымъ взглядомъ и тоненькимъ голоскомъ, бесѣдовалъ съ Дарьей Ильинишной о томъ, какъ посчастливилось ему въ консисторіи изболѣвать лжесвидѣтелей по бракоразводному дѣлу. Дарья Ильинишна приходила въ ужасъ отъ того, что бываютъ люди, которые дурно живутъ въ супружествѣ.

Съ Павломъ Павловичемъ, то и дѣло, чокался великолѣпный капитанъ Пышкинъ съ грудью колесомъ, украшенной нѣсколькими орденами, съ широкой лысиной, съ длинными усами и окладистой бородою. Веселое выраженіе лица капитана Пышкина говорило, главнымъ образомъ, о довольствѣ этого человѣка

самимъ собою и о его высокомъ мнѣніи относительно своего достоинства. Два діакона стояли съ рюмками тутъ же и старались больше напирать на закуску, дабы не охмелѣть. Старый діаконъ, худощавый Иванъ Евлампіевичъ, уже нѣсколько былъ навеселѣ и радостно прищуривъ блестящіе глаза, старался выбрать удобную минуту, чтобы произнести пожеланіе всего наилучшаго дому сему. Второй діаконъ, среднихъ лѣтъ, съ важнымъ видомъ и съ брюшкомъ, Игнатій Филипповичъ, поставивъ рюмку, намазывалъ икру на бѣлый хлѣбъ и внимательно прислушивался къ разсказу капитана Пышкина о томъ, какъ благодарилъ командиръ полка за образцовый порядокъ въ ротѣ. Два почтовые чиновника явились поздравить начальство и, приглашенные къ столу, скромно пользовались этой честью,—при чемъ одинъ изъ нихъ, чиновникъ Митяевъ, замухрышка, бритый, съ жиденькими усами, наливалъ себѣ рюмку не въ очередь, такъ какъ увлеченная разговоромъ компанія медлила выпивать. Другой же чиновникъ, Розовъ, стройный, красивый молодой человѣкъ, щеголеватой внѣшности, пилъ не водку, какъ всѣ, а вино и только притрогивался губами къ рюмкѣ. Павлу Павловичу удалось таки привлечь къ угощенію у стола отца Іону и тотъ сталъ чокаться и закусывать. Дарья Ильинишна смотрѣла на всѣхъ особенно привѣтливо и жизнерадостно; все въ этой комнатѣ казалось ей сегодня торжественнымъ и праздничнымъ; и даже канарейки въ клѣткахъ и чисто вымытые цвѣты, и сверкавшіе узоры мороза на окнахъ,—все было сегодня какое-то особенное, не такое, какъ всегда. Гости, послѣ

закуски, подходили благодарить Дарью Ильинишну, она благосклонно улыбалась, немножко прищуривъ, по привычкѣ, красивые, чуть подведенные глаза, потомъ благодарили Анну Александровну и Павла Павловича, прощались и уходили.

Въ передней, уходя, встрѣтился я съ новыми визитерами: докторомъ почтовой конторы Парфеновымъ, пожилымъ господиномъ коротко остриженнымъ, въ очкахъ на розовомъ носу и съ добродушной улыбкой на губахъ и помощникомъ почтмейстера Вилинымъ, высокимъ и плечистымъ брюнетомъ въ мундирѣ, съ нѣсколькими орденами. Мы тутъ же въ передней, поздравили другъ друга съ новымъ годомъ и они пошли въ парадныя комнаты Рѣчныхъ, а я отправился домой.

Однажды, пригласивъ меня къ себѣ въ гости, Рѣчныя подѣлились со мною большой радостью: имъ удалось пристроить сына своего на приличную должность съ хорошимъ жалованьемъ. Онъ будетъ служить въ этомъ же городѣ и жить у родителей, но онъ уѣхалъ въ Москву представиться высшему начальству. Его ждали со дня на день.

Вскорѣ затѣмъ Рѣчныя перестали показываться на Московской улицѣ въ тотъ часъ, когда они обыкновенно прогуливались. У знакомыхъ, гдѣ сплетничали, какъ почти въ каждомъ провинціальномъ домѣ, услышалъ я, что сынъ Рѣчныхъ въ Москвѣ запыль, потерялъ мѣсто, не успѣвъ начать службу и его нигдѣ не могутъ найти, что старшій почталіонъ Филевъ былъ отправленъ въ Москву отыскивать заблудшаго сына Рѣчныхъ, но вернулся ни съ

чѣмъ, что Дарья Ильинишна заболѣла отъ горя и слегла и Александръ Сергѣевичъ за ней ухаживаетъ и не выходитъ даже на службу.

Цѣлый мѣсяцъ не появлялись Неразлучники на Московской улицѣ. Потомъ ихъ увидѣли опять. Александръ Сергѣевичъ нѣсколько осунувшись, осторожно поддерживалъ жену, она крѣпче цѣплялась за его руку и на ея губахъ уже не было улыбки довольства и счастья.

Я уѣзжалъ изъ Ронска на полгода. По возвращеніи, я встрѣтилъ Неразлучниковъ на Московской улицѣ. Они мнѣ обрадовались и позвали къ себѣ. Когда я снова попалъ къ Рѣчновымъ, Дарья Ильинишна такъ же мило и граціозно, какъ и прежде, наливала кофе, такъ же энергично и дѣльно передавала старшему почталіону Филеву служебныя распоряженія, которыя такъ же охотно, съ восхищеніемъ передъ находчивостью жены, спѣшилъ подтвердить ея мужъ, начальникъ конторы. И бесѣда, милая, пустая, вертѣвшаяся въ узенькомъ кругу интересовъ Рѣчновыхъ, была по прежнему непринужденна и оживлена. Только уже не было за столомъ заблудшаго сына,—о немъ не было никакихъ вѣстей. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ привыкъ я видѣть его за столомъ, теперь сидѣла пожилая вдова, худая съ грубой желтоватой кожей, когда-то можетъ быть красиваго лица, — владѣтельница большой мастерской дамскихъ платьевъ, Глафира Максимовна Чаева. Онѣ были друзья съ Дарьей Ильинишной и Чаева очень гордилась дружбой съ такой видной дамой въ городѣ, какъ почтмейстерша. Меня пред-

ставили Глафирѣ Максимовнѣ, которая любезно мнѣ улыбнулась, показавъ дурные зубы и сказала что-то пріятное. Въ присутствіи Глафиры Максимовны у Рѣчныхъ нѣсколько больше сплетничали и перемывали косточки ближнимъ уже не такъ добродушно и незлобиво: Глафира Максимовна любила поязвить и позлословить. Только по прежнему пріятно пѣли канарейки и по прежнему красивы и чисты были цвѣты на окнахъ.

Потомъ разнесся слухъ, что супруга Рѣчнова, Дарья Ильинишна заболѣла: она стала очень мало говорить и часто забывала слова, названія предметовъ... Это случилось, какъ говорили въ городѣ,— потому, что Рѣчновы наконецъ получили извѣстіе о сынѣ, котораго считали умершимъ: молодой человекъ работалъ съ партіей маляровъ, упалъ съ третьяго этажа дома на улицѣ и попалъ въ больницу. Филевъ былъ командированъ въ Москву съ тайнымъ порученіемъ навѣстить въ больницѣ Виктора Александровича, передать ему бѣлье, костюмъ и денегъ и сказать, что родители готовы помогать ему жить безъ нужды и пріискать себѣ еще разъ службу, если онъ пожелаетъ, но просятъ его не „срамить“ ихъ больше и не пріѣзжать къ нимъ въ Ронскъ до тѣхъ поръ, пока онъ устроитъ себя „прилично“. Вскорѣ ихъ сынъ выздоровѣлъ, вышелъ изъ больницы, пропилъ деньги и одежду, и опять пропалъ, такъ что о немъ не было „ни слуху, ни духу“.

Рѣчновы въ опредѣленный часъ ежедневно стали появляться на Московской улицѣ, онъ велъ ее бе-

режно и любовно, она опиралась на его руку, склонивъ головку къ его плечу, но уже не казались Рѣчновы счастливой четой: на ихъ лицахъ можно было подмѣтить отпечатокъ заботы и горя, а Дарья Ильинишна казалась еще не совсѣмъ-то здоровой. Она многимъ не отвѣчала на поклоны: не узнавала.

И вдругъ, Неразлучники опять скрылись съ Московской улицы. Болѣзнь Дарьи Ильинишны обострилась. Она даже совсѣмъ перестала говорить и могла только жестами объясняться. Она очень капризничала,—ея мужъ, Александръ Сергѣевичъ, — почти неотлучно за ней ухаживалъ и мало показывался на службѣ. Дарья Ильинишна требовала, чтобы ни въ чемъ не нарушали порядокъ ихъ домашней жизни, она оживлялась, когда ее навѣщали знакомые и только не терпѣла сожалѣній.

Увидѣвъ меня въ конторѣ получающимъ корреспонденцію, Рѣчновъ сталъ просить зайти къ нему на чашку кофе.

— Только пожалуйста, не показывайте вида моей Дарьѣ Ильинишнѣ, что она жалка.

И на глазахъ у почтмейстера были слезы.

Дарья Ильинишна улыбнулась мнѣ привѣтливо и нѣсколько дрожавшими руками стала наливать мнѣ кофе. Столъ по прежнему былъ великолѣпно сервированъ, за то на окнахъ уже не было канареекъ: ихъ пѣнія не могла выносить Дарья Ильинишна съ тѣхъ поръ, какъ заболѣла тяжело; желтыхъ птичекъ вмѣстѣ съ клѣтками раздарили знакомымъ. Цвѣты уже не казались такими яркими и жизнерадостными: за ними плохо теперь ухаживали. На Дарью Ильи-

нишну произвело пріятное впечатлѣніе, что я велъ разговоръ, который не требовалъ ея прямыхъ отвѣтовъ и она могла проявлять свое участіе въ разговорѣ просто улыбкою. Пришелъ съ докладомъ Филевъ. Александръ Сергѣевичъ спокойно задвигался на стулѣ. Дарья Ильинишна строго взглянула на мужа.

— Такъ что: продававшій марки чиновникъ Гусевъ просчитался,—началъ Филевъ, — тридцать копеекъ не хватило,—свои деньги вложилъ...

Это сообщеніе не требовало никакой резолюціи и потому Александръ Сергѣевичъ съ облегченіемъ крикнулъ и вопросительно взглянулъ на жену. Она улыбнулась.

— Новые почталіоны Ивановъ и Моложевъ вродѣ какъ бунтовать стали: такъ что, говорятъ, не станемъ, въ начальниковой квартирѣ половъ натирать... Это, говорятъ, не наша обязанность... Пушай полоторовъ нанимають...

Александръ Сергѣевичъ безпомощно развелъ руками, Дарья Ильинишна нахмурилась и сначала взглянула на Филева, потомъ на мужа.

— Н-нда... ужъ эти мнѣ новые... вздохнулъ Александръ Сергѣевичъ.—Ну, хорошо... Я съ ними самъ... поговорю.

Филевъ ушелъ.

Разговоръ послѣ этого какъ-то не клеился и я простился съ Рѣчновыми, при чемъ Дарья Ильинишна хотѣла улыбнуться на прощанье, но у ней вышла только печальная, горькая усмѣшка.

Черезъ нѣсколько дней встрѣтился я съ докто-

ромъ Парфеновымъ. Добродушно улыбаясь, онъ рассказалъ мнѣ, что у Дарьи Ильинишны развивается быстро прогрессивный параличъ, она уже плохо сознаетъ окружающее и скоро умретъ. Еще черезъ нѣсколько дней получилъ я траурный билетъ, въ которомъ Александръ Сергѣевичъ Рѣчновъ съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщалъ о кончинѣ любезнѣйшей супруги своей Дарьи Ильинишны и приглашалъ пожаловать на выносъ тѣла и на отпѣваніе въ церкви св. Іліи пророка, а послѣ погребенія—въ квартиру свою на поминальный обѣдъ.

Въ день похоронъ почтмейстерши съ трудомъ пробрался я въ квартиру Рѣчнова. На улицѣ, у почтовой конторы, ждала большая толпа народа; провинціалы очень любятъ глазѣть на всякаго рода процессіи, не исключая и похоронъ. И эта ожидавшая выноса гроба оживленная толпа производила довольно веселое впечатлѣніе подъ яркими, теплыми лучами майскаго солнца. Черезъ каменный заборъ сосѣдняго дома радостно смотрѣла молодая зелень деревь. Голуби ютились и ворковали на карнизѣ, подъ самой крышей почтовой конторы.

На лѣстницѣ и въ передней, и въ самой квартирѣ у гроба, также была толпа. У входа въ квартиру стояла у стѣны обитая серебрянной парчей крышка гроба. Въ квартирѣ были почти все только приглашенные или родственники.

Покойница лежала въ самой большой комнатѣ въ залѣ, гдѣ теперь были затянута бѣлымъ коленкоромъ зеркало и двѣ большія олеографіи. Окна были открыты.

Великолѣпный капитанъ Пышкинъ съ грудью колесомъ и при орденахъ стоялъ впереди всѣхъ съ серьезнымъ лицомъ. У стѣны на стулѣ сидѣлъ Александръ Сергѣевичъ, осунувшійся, согбенный. Около него стояли сестра милосердія съ пузырькомъ нашатырнаго спирта и вдова Чаева съ желтымъ лицомъ, въ глубокомъ траурѣ. Помощникъ почтмейстера стоялъ тутъ же вмѣстѣ съ пріятелемъ докторомъ Парфеновымъ, который добродушно улыбался, искоса посматривая на покойницу сквозь пенсне на розовомъ носу. Изящный чиновникъ Розовъ скромно стоялъ въ уголкѣ. Митяевъ въ старенькомъ и нечистоплотномъ мундирѣ старался держать себя съ достоинствомъ и стоялъ въ важной позѣ, заложивъ большой палецъ правой руки за пуговицу. Нѣсколько другихъ чиновниковъ толпились у входа. Всѣ ждали панихиды съ особенно серьезными лицами. Только одинъ докторъ Парфеновъ не терялъ своей вѣчной добродушной усмѣшки. Въ сосѣдней комнатѣ уже облачалось духовенство. Тамъ же сидѣла въ траурѣ плачущая Анна Александровна; ея мужъ, капельмейстеръ, уговаривалъ ее, чтобы не плакала. Старшій почталіонъ Филевъ раздувалъ кадило.

Осанистый діаконъ Игнатій Филипповичъ облачился первый, взялъ кадило и съ важнымъ и грустнымъ видомъ вступилъ въ комнату, гдѣ лежала покойница. За нимъ вышелъ въ ризѣ отецъ Іона спокойный и равнодушный. Старшій діаконъ Иванъ Евлампіевичъ суетливо шелъ за отцемъ Іономъ и сталъ поспѣшно раздавать всѣмъ присутствовавшимъ во-

сковыя свѣчи. Явились пѣвчіе и протѣснились къ самому гробу.

Панихида началась. Запѣли пѣвчіе. Капитанъ Пышкинъ подтягивалъ баскомъ, поднимая голову кверху.

Анна Александровна помѣстилась ближе къ отцу, ее поддерживалъ мужъ, чтобъ не упала. Александръ Сергѣевичъ всталъ, когда началась панихида, но, по-видимому, еле держался на ногахъ; его поддерживали сестра милосердія и вдова Чаева. Иногда онъ присаживался на минутку; сестра милосердія давала ему нюхать нашатырный спиртъ.

Передъ выносомъ тѣла Александръ Сергѣевичъ впалъ въ обморокъ. Вдова Чаева терла ему виски. Анна Александровна рыдала громко. Гробъ несли капитанъ Пышкинъ, помощникъ почтмейстера и еще какія то важныя лица въ мундирахъ съ орденами. Мелкіе чиновники съ завистью посматривали на важныхъ лицъ несшихъ гробъ и каждый надѣялся подоспѣть на смѣну тому, кто устанетъ или не пожелаетъ больше нести. Не по безкорыстному усердію они желали нести гробъ, а потому, что на нихъ тогда будетъ глазѣть на улицѣ толпа. Они будутъ объектомъ общаго вниманія, это имъ будетъ пріятно; кромѣ того въ толпѣ найдутся знакомые, которые увидятъ ихъ несущими гробъ начальницы и, можетъ быть, подумаютъ, что они въ хорошихъ отношеніяхъ къ семьѣ начальника; а это подыметъ ихъ во мнѣніи знакомыхъ.

Розовъ замѣтилъ, что одно изъ важныхъ лицъ уже собирается уступить кому нибудь свое мѣсто у гроба и уже было сдѣлалъ движеніе, чтобы занять

это мѣсто, но Розова неожиданно отстранилъ Митяевъ и смѣнилъ важное лицо.

За гробомъ, низко опустивъ голову и покачиваясь, шелъ готовый упасть подъ гнетомъ горя Александръ Сергѣевичъ. Два чиновника вели его подъ руки. Тутъ же шла Анна Александровна, ее поддерживалъ мужъ. Въ толпѣ появился бѣдно одѣтый съ изможденнымъ лицомъ Викторъ Александровичъ. Онъ шелъ за гробомъ матери, не рѣшаясь показаться ни отцу, ни сестрѣ.

Въ открытыя окна домовъ глазѣли обыватели на похоронную процессію и на пеструю густую толпу.

Въ церкви собралось много народу.

Храмъ былъ большой и заканчивался аркою, по бокамъ которой было два придѣла. Посрединѣ арки поставили гробъ. У стѣны арки, на стулѣ сидѣлъ совсѣмъ ослабѣвшій Александръ Сергѣевичъ. За его спиной помѣстился Викторъ Александровичъ и вдова Чаева. Александръ Сергѣевичъ увидѣлъ сына и ни слова ему не сказалъ, только ниже опустилъ голову. Хоръ пѣвчихъ стройно пѣлъ печальные мотивы похоронной службы. Въ толпѣ, собравшейся въ церкви изъ любопытства, посмотрѣть на покойника и на плачущихъ родственниковъ, кое кто полушопотомъ обмѣнивался замѣчаніями относительно того, все ли, по ихъ мнѣнію, было на похоронахъ „какъ слѣдуетъ“. Помощникъ почтмейстера Вилинъ широко перекрестился, прикладывая персты ко лбу, груди и плечамъ, вздохнулъ и нагнулся къ капитану Пышкину, который осѣнялъ себя маленькимъ крестомъ, водя перстами на груди около орденовъ.

— Оадей Семенычъ,—шепнулъ Пышкину Вилинъ: я вамъ простить не могу вчерашняго: при такой игрѣ вы меня безъ двухъ оставили...

— Я же извинялся, отвѣтилъ Пышкинъ шопотомъ: экій вы... Не хотите-ли съ кладбища на поминальный обѣдъ вмѣстѣ поѣдемъ, у меня извозчикъ.

— Нѣтъ; мы съ докторомъ условились, я съ нимъ поѣду.

Діаконъ Иванъ Евлампіевичъ возглашалъ ектенію. Кадило раскачивалось и позвякивало въ его рукахъ, выбрасывая клубы дыма отъ ароматнаго ладана.

Александръ Сергѣевичъ приподнимался со стула, чтобы молиться стоя, но сейчасъ же садился.

— Ишь, бѣдный, какъ убивается, говорили въ толпѣ: стоять не можетъ.

— Шутка-ли: столько лѣтъ вмѣстѣ прожили, да въ этакое счастье-то, словно два голубя...

Вдова Чаева отошла на минутку отъ Александра Сергѣевича и поманила къ себѣ чиновника Митяева. Тотъ подошелъ.

— Господинъ Митяевъ, съѣздите узнайте, хорошо ли тамъ Филевъ распоряжается?..—Все ли отъ кухмистра принесли?.. Прикажите почталіонамъ Иванову и Моложеву, чтобы официантамъ помогли. Пусть Филевъ смотритъ, чтобы столъ накрыли какъ слѣдуетъ, и сейчасъ же оттуда возвращайтесь скажите мнѣ, все ли хорошо...

Хоръ минорными аккордами пѣлъ:

„Житейское море“...

— Вы пойдете на кладбище?—спрашивалъ Пышкинъ Вилина.

— Придется... Неловко иначе... Да и все равно некуда время дѣвать, пока все это кончится.

Отецъ Іона тоненькимъ дребезжащимъ голосомъ читалъ:

«Елика аще разрѣшите на земли,—будетъ разрѣшена и на небеси...»

Анна Александровна громко рыдала, припавъ къ гробу матери. Александръ Сергѣевичъ плакалъ и еле держался на ногахъ, сынъ его поддерживалъ.

— Теперь будетъ прощаніе съ тѣломъ и выносъ на кладбище:—сказалъ Розовъ Гусеву.—Пойдемъ-ка изъ церкви: душно здѣсь.

Хоръ пѣлъ:

„Идѣ-же нѣсть болѣзнь ни печаль, ни воздыханія“.

На поминальный обѣдъ много собралось знакомыхъ и едва знакомыхъ. Въ передней Ивановъ и Моложевъ и два другіе почталіона съ ногъ сбились, принимая верхнюю одежду входившихъ и сваливая въ углу на сундукъ, такъ какъ на вѣшалкѣ не было уже мѣста.

Въ той самой комнатѣ, гдѣ часа три назадъ лежала въ гробу хозяйка этой квартиры, теперь уже были сервированы длинные столы со множествомъ бутылокъ. Зеркало и двѣ олеографіи уже были освобождены отъ бѣлаго коленкора. Въ углу на кругломъ столѣ была накрыта закуска съ водкой и винами. Около этого стола собралась толпа мужчинъ и всѣ спѣшили выпить и закусить. Потомъ стали размѣщаться за столами. По срединѣ за почетнымъ столомъ сѣлъ вдовецъ Александръ Сергѣевичъ. Онъ

прибодрился и старался быть радушнымъ хозяиномъ. Около Александра Сергѣевича помѣстилось духовенство; за тѣмъ же почетнымъ столомъ сѣли капитанъ Пышкинъ, докторъ Парфеновъ, нѣсколько старшихъ чиновниковъ съ орденами, Анна Александровна, вдова Чаева и еще нѣсколько дамъ въ траурѣ. За боковыми столами въ этой комнатѣ, а также за сервированнымъ столомъ въ сосѣдней комнатѣ, помѣстились остальные гости. У мужчинъ, уже выпившихъ и закусившихъ, лица приняли почти веселое выраженіе. Завязывались разговоры. Въ комнатахъ стоялъ гулъ отъ голосовъ. Офиціанты во фракахъ разносили блюда. Бутылки съ винами постепенно опорожнялись и разговоры становились оживленнѣе. Совсѣмъ почти не говорили о покойницѣ, каждый говорилъ о томъ, что ему интересно. Къ концу обѣда передъ сладкимъ, общее настроеніе было жизнерадостное и только Александръ Сергѣевичъ и Анна Александровна сидѣли съ печальными лицами. Вдова Чаева старалась казаться печальной. Многіе говорили не слушая и не заботясь о томъ, чтобъ ихъ слушали. Докторъ Парфеновъ уже порядочно подвыпившій пытался объяснить сосѣду своему капитану Пышкину:

— Обыкновенно я пью для поправленія психомоторныхъ центровъ, а вотъ такое опьяненіе—это уже состояніе повышеннаго самочувствія...

Капельмейстеръ Павелъ Павловичъ за сосѣднимъ столомъ громко говорилъ, никого не слушая:

— Пока моя жена кормитъ ребенка, ей бываетъ не до баловъ, а вотъ когда оставляетъ кормить...

Изъ общаго гула можно было разслышать только отдѣльныя фразы:

— Извините пожалуйста: у меня борзыхъ щенковъ не бываетъ лишнихъ, я зря не раздаю...

— А когда человѣкъ напивается, — наступаетъ разстройство координаціи движеній...

— И вдругъ зоветъ меня: Митяевъ, говоритъ, покажите мнѣ книгу № 2...

— Отецъ діаконъ, подвиньте-ка мнѣ вонъ ту бутылочку съ краснымъ ярлычкомъ... благодарю васъ...

— А нашъ полковникъ можетъ подрядъ два чайныхъ стакана водки выпить и никакого этого самочувствія...

— Совѣмъ вы дома теперь не бываете, Графира Максимовна. Два раза я къ вамъ заѣзжала мѣрку снять, а безъ васъ все не то...

Докторъ Парфеновъ говорилъ:

— Это все растительная, бессмысленная жизнь. Если молодой человѣкъ падаетъ,—надо поддержать... Отсутствіе разумаго воспитанія, отсутствіе определенныхъ ясныхъ идеаловъ, отсутствіе...

— Изъ за пѣтуха три года судиться, кто это можетъ, кто этому повѣрить?..

— А у насъ въ консисторіи...

— Михалъ Палычъ, вы мнѣ этого не говорите... я самъ не хуже васъ знаю!..

Вдругъ задвигали стульями, обѣдъ окончился. Стали всѣ подходить къ Александру Сергѣевичу благодарить. Рѣчновъ всѣмъ пожималъ руку и говорилъ:

— Извините.

Потомъ подходили благодарили дочь Рѣчнова, Анну Александровну. Сынъ Рѣчнова, Викторъ Александровичъ—въ сосѣдней комнатѣ допивалъ свой бокалъ вина. Стали креститься, когда духовенство совершало краткое богослуженіе. Во время богослуженія офиціанты разносили на подносахъ стаканы съ медомъ. Каждый присутствовавшій долженъ былъ взять себѣ стаканъ съ медомъ, котораго совсѣмъ не хотѣлось послѣ вкуснаго обѣда и вкуснаго вина; но таковъ обычай: похоронный обѣдъ запивать медомъ.

Молились, держа въ лѣвой рукѣ стаканъ съ медомъ, а правой крестясь.

Діаконъ Игнатій Филипповичъ провозгласилъ вѣчную память. Всѣ заплѣли. Александръ Сергѣевичъ и Анна Александровна заплакали. Капитанъ Пышкинъ, раскраснѣвшійся отъ вина, съ грудью колесомъ, украшенной орденами и со стаканомъ меда въ рукѣ, закидывалъ голову кверху и плѣлъ громче всѣхъ; его щеки лоснились. Въ общемъ импровизированный хоръ получился довольно стройный. Всѣ, по обычаю, стали пить медъ.

Офиціанты гремѣли посудой и уносили бутылки.

Прошло около года. Я рѣдко встрѣчалъ Рѣчнова; онъ казался сумрачнымъ и задумчивымъ. Говорили, что онъ цѣлые дни проводитъ у вдовы Чаевой, потому-что дома ему невыносимо скучно. Говорили, что вдова Чаева, зная всѣ привычки Рѣчнова, умѣетъ ему во всемъ угождать. Не смотря на эти слухи, я былъ очень удивленъ, когда получилъ отъ Рѣчнова приглашенный билетъ на бракосочетаніе его съ Глафирой Максимовной Чаевой, имѣющее быть въ церкви св.

пророка Иліи, а послѣ вѣнчанія—въ квартиру Глафиры Максимовны на обѣдъ.

Въ церковь я нѣсколько опоздалъ и явился когда уже новобрачные стояли передъ аналоемъ и надъ ихъ головами держали вѣнцы. Александръ Сергѣевичъ былъ въ своемъ парадномъ мундирѣ съ орденами. На серебряномъ шитьѣ его воротника вспыхивали блесточки, отражая свѣтъ паникадила. Усы его, вычерненные, были закручены кверху, это придавало Александру Сергѣевичу молодцоватый видъ. Однако онъ казался нѣсколько сконфуженнымъ, какъ будто неловко ему было теперь въ качествѣ новобрачнаго стоять на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ полгода назадъ стоялъ гробъ его первой жены. За то Глафира Максимовна, казалось, ликовала въ своемъ бѣломъ подвѣчномъ нарядѣ. Ея сухія непріятныя черты были теперь озарены выраженіемъ полнѣйшаго довольства. Хоръ пѣвчихъ торжественно гремѣлъ радостныя свадебныя пѣснопѣнія.

Въ церкви было много народу. Въ толпѣ я замѣтилъ много знакомыхъ лицъ и между ними доктора Парфенова, капитана Пышкина и другихъ, которыхъ видѣлъ я здѣсь же, когда хоронили Дарью Ильинишну. Но не увидѣлъ я дочери Рѣчнова, Анны Александровны, ни ея мужа капельмейстера: они не пріѣхали на свадьбу отца. Не было въ церкви также и сына Рѣчнова, Виктора Александровича, этотъ молодой человекъ, послѣ похоронъ матери опять запылъ и скрылся куда-то изъ Ронска. Кто мнѣ подошелъ докторъ Парфеновъ и, добродушно улыбаясь, предложилъ:

— Поѣдѣте вмѣстѣ пировать на свадьбу.

— Къ сожалѣнію, не могу, отвѣтилъ я: поздравлю новобрачныхъ въ церкви и сейчасъ-же уѣду.

Послѣ вѣнчанія былъ молебенъ о здравіи и благоденствіи новобрачныхъ. Діаконъ Игнатій Филипповичъ басомъ провозгласилъ:

— Болярину Александру Сергѣевичу и супругѣ его Глафирѣ Максимовнѣ—многая лѣта!

И пѣвчіе грянули, трижды:

— Многая лѣта!

Я протѣснился изъ церкви на улицу. Ясный весенній день клонился къ вечеру. Церковь стояла на высокому берегу рѣки. Теперь былъ широкій разливъ, покрывшій нижніе луга и казалось, что это не рѣка, а цѣлое огромное озеро и только торчавшія кое гдѣ изъ воды верхушки кустарниковъ и деревья напоминали о томъ, что опять уйдетъ вода съ этихъ мѣстъ, рѣка войдетъ въ свое русло, луга опять зазеленѣютъ, покроются злаками и травой, и полевыми цвѣтами.

Всего только два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ я вѣнчаніе Рѣчнова съ его новой женой. Отъ Ронска уѣхалъ я далеко и ничто кругомъ не напоминало мнѣ ни этого города, ни его жителей. Я любовался нѣжной лазурью Неаполитанскаго залива, отдыхая подъ жаркимъ, яснымъ небомъ и слушалъ, какъ вѣчно веселые, не смотря ни на какую нужду, жители Сорренто пѣли свои, итальянскія пѣсни. И вдругъ меня окликнули по русски и называли мое имя.

Ко мнѣ стремилась подъ руку съ мужчиной тол-

стая дама,—богатая помѣщица изъ Ронска. Я былъ немножко знакомъ съ нею и съ ея мужемъ, но никогда не видѣлъ этого ея кавалера, красиваго брюнета. Дама познакомила меня съ нимъ: это былъ итальянскій артистъ—пѣвецъ. Заговорили мы съ дамой прежде всего о Ронскѣ.

— Ахъ, представте,—сказала дама: Рѣчновъ-то—Александръ Сергѣевичъ,—черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы померъ!.. Покушалъ сыру какого-то несвѣжаго... Получился какой-то гнилистый ядъ—и нельзя было спасти... А вдовушка его, представьте,—разыскала его сына, вытрезвила, нарядила и, говорятъ съ нимъ живеть,—представьте... На Московской улицѣ каждый день гуляетъ,—подъ ручку!.. Представьте!.. Мы собираемся на Везувій... Вы тамъ были?.. Что-это вѣдь нисколько не опасно?..

Случай.

— Вы не вѣрите въ предопредѣленіе?.. Очень хорошо-съ!.. Но тогда я попрошу васъ объяснить мнѣ слѣдующее... происшествіе.

Начальникъ маленькой желѣзнодорожной станціи, Петръ Ивановичъ Булыгинъ, обвелъ компанію испытующимъ окомъ и остановилъ взглядъ на „скептикъ“, сельскомъ учителѣ Загряцкомъ.

— Въ сотнѣ саженой отъ станціи есть переѣздъ, а у переѣзда — будка. А въ будкѣ этой жила лѣтъ двадцать цѣлая семья сторожа Вахряка. Онъ былъ мужикъ работающій и скопидомъ; лѣтомъ полоску землицы запашеть, а зимой починкой сапогъ занимается; и жена тоже была ему помощница, —за него къ переѣзду съ флячкомъ выбѣгала, и опять же по хозяйству... Прикопили они деньжонокъ, сына вырастили,—вышелъ тоже работникъ прилежный. Сынъ женился, дѣтьми обзавелся, но не уходилъ отъ отца: всѣ помѣщались въ одной комнатѣ, которую у насъ именуютъ будкой.

Когда накопилось у Вахряка деньжонокъ поря-

дочно, попуталъ его лукавый—въ ростъ деньги отдавать по мелочи. Пошла про его деньги молва. И вышелъ съ нимъ такой случай.

Ночь выдалась лѣтомъ темная, душная -- гроза собиралась. Постучались въ будку, чтобы переѣздъ открыли, проѣхать.

И вотъ, замѣьте, господа: лѣтомъ всегда выходилъ Вахрякъ въ одной рубахѣ, а на сей разъ, въ теплую ночь, онъ и самъ не знаетъ почему, полушубокъ надѣлъ.

Только что старикъ дверь открылъ, — его обухомъ оглушили,—свалился онъ, захрипѣлъ; еще нѣсколько разъ его топоромъ рубанули, для вѣрности... Семья услышала: разбойники! совсѣмъ обезумѣла: подъ лавки прятаться начали, какъ будто не найдутъ. Молодой Вахрякъ на печку бросился... Вломились въ будку. Первымъ дѣломъ изъ ружья на печку въ молодого Вахряка цѣлый зарядъ выпустили...

А тѣмъ временемъ, пока еще дверь выламывали, старикъ-то опомнился: благодаря темнотѣ да толстому полушубку, его не насмерть зарубили; въ силахъ себя почувствовалъ ползти, да на дорогу и выползъ. И заоралъ благимъ матомъ:

— Караулъ!.. Спасите!..

А тутъ какъ разъ сосѣдніе мужики проѣзжали, Вахряку голосъ подали, лошадей къ будкѣ свернули.

Услыхали разбойники голоса снаружи, бросились вонъ, да верхомъ на своихъ лошадей, и ускакали. Ничего взять не успѣли.

Мѣсяца четыре вылежали въ больницѣ Вахряки, отецъ и сынъ, и таки совсѣмъ поправились. Послѣ

того старикъ Вахрякъ нисколько не побоялся опять въ будкѣ служить и лѣтъ пять прослужилъ. Сынъ трусилъ и отца отговаривалъ: „Опять, молъ, нападутъ“. А старикъ ему отвѣчалъ: „Эхъ, сынокъ, коли Богъ не помилуетъ,—нигдѣ не спасешься“...

Такъ оно и вышло. Шелъ какъ-то молодой Вахрякъ домой въ праздникъ, подъ хмелькомъ, и шелъ по самому полотну. Налетѣлъ на него поѣздъ — и какъ не бывало человѣка... Выдали его женѣ тысячи полторы... Непутевая стала бабенка...

А старый-то Вахрякъ и по-сейчасъ здравствуетъ, хотя будку и бросилъ. Богато живетъ...

— Какъ вы это объясните?—повторилъ рассказчикъ свой вопросъ.

— Какое же объясненіе?..—пожалъ плечами учитель Загряцкій.—Это просто... случай...

Нужда.

I.

— Не тоскуй, Васюта, голубчикъ!.. Ободришь... Знаешь пословицу: „Тоской города не возьмешь“... Вотъ я поставила самоварчикъ, съ хлѣбомъ напьемся чаю,—будемъ сыты... И дѣти будутъ сыты... Подумай, какое счастье, что они теперь здоровы... А помнишь—утро нашей любви? Сколько было надеждъ!.. Васюта,—неужели ничто не сбудется?.. Вѣдь мы же по прежнему любимъ другъ-друга... Помнишь, какъ мы каждый вечеръ приходили къ старой ветлѣ, у пруда?..

Молодая женщина съ блѣднымъ красивымъ лицомъ старалась заглянуть въ глаза мужа. На него всегда хорошо, ободряюще дѣйствовали подобныя ей рѣчи. Но онъ теперь только ниже опустилъ голову. Она неслышно вздохнула, позвала рѣзвившихся оборванныхъ двухъ дѣтишекъ, ушла съ ними въ кухню и тихо закрыла дверь.

— Ему нужно подумать одному,—все его раздражаетъ... А чрезъ нѣсколько минутъ успокоится, позоветъ меня, приласкаетъ... И будемъ горевать

вмѣстѣ... Можетъ быть, что нибудь и придумаемъ... Господи!..

Солнечные лучи ударили въ маленькое окошко мансарды и радостными бликами заиграли на грубомъ полу и убогой мебели, и на пустомъ, безъ холста, мольбертѣ, испачканномъ красками.

Василій Ивановичъ Петровъ, художникъ, сидѣлъ на табуретѣ, положивъ локти на столъ, крѣпко сжавъ виски руками и думалъ о томъ, какъ бы и гдѣ бы ему заработать на пищу семьѣ.

Нужда... Это что то хищное, жестокое, и мерзкое, и страшно могучее, властное. Горе человѣку тому, кого побѣдитъ нужда!.. Онъ беспощадно бьется, какъ муха въ паутинѣ, а нужда, какъ паукъ высасываетъ всѣ жизненные соки. Или вотъ, какъ сверчокъ съ оборванными крыльями, ужъ не подняться ему, не взлетѣть надъ землей...—А у меня отрастутъ, непременно отрастутъ крылья!.. Я поднимусь... Но гдѣ выходъ,—въ чемъ?!.. Долженъ же быть какой нибудь выходъ?

Василій Ивановичъ былъ въ этомъ увѣренъ и оттого еще не приходилъ въ отчаяніе, и все искалъ.

II.

Художнику Петрову не везло.

Окончивъ высшее художественное училище, онъ мечталъ „не запрягаясь въ службу“, свободнымъ трудомъ пробить себѣ дорогу. Онъ былъ увѣренъ, что его трудъ дастъ ему имя и обезпечить безбѣдно существованіе для его семьи. Но первая картина его, о которой съ большой похвалой отозва-

лась критика, стояла непроданной до послѣдняго дня выставки. Только передъ закрытіемъ выставки удалось ему продать свою картину за ничтожную сумму, которой какъ разъ хватило, чтобы заплатить въ лавку долгъ, да еще мѣсяцъ прожить, не нуждаясь.

Чтобы какъ нибудь перебиваться, пришлось брать заказы на портреты съ фотографій; хорошихъ заказовъ не было: не искали его таланта, умѣнія прекрасно работать,—для хорошихъ заказовъ искали художниковъ съ именами извѣстными или даже громкими.

Василій Ивановичъ работалъ на магазинъ, получая за свой трудъ очень мало, а магазинъ бралъ за работы Петрова довольно дорого. Но Василій Ивановичъ не зналъ, для кого онъ дѣлалъ тотъ или иной портретъ и не могъ достать непосредственно работы, которая хорошо оплатилась бы. Чтобы не голодать съ семьей, Василій Ивановичъ долженъ былъ очень много работать на магазинъ. Некогда было написать этюдъ для себя,—о картинѣ же на выставку и думать было нечего...

Такъ пропали у художника четыре года, въ этой „поденщинѣ“, какъ называлъ онъ свою работу.

III.

Откуда то узналъ адресъ Петрова одинъ очень богатый меценатъ, Даринъ, у котораго была великолѣпная картинная галлерей,—и пригласилъ Василія Ивановича письмомъ къ себѣ.

Обрадовался и побѣждалъ бѣдный художникъ къ знаменитому меценату.

Предварительно онъ одѣлъ старую, но чистую тщательно заштопанную женой крахмальную сорочку и порывѣвшій сюртукъ, пригладилъ слегка свои густые длинные волосы, а жена подвинтила ему пальцами усы и расправила бороду, какъ ей нравилось и казалось красивымъ.

День былъ ясный, весенній и все на улицѣ казалось Петрову жизнерадостнымъ и привѣтливымъ: и неспѣшно сновавшая публика на тротуарахъ, и катившіе на рысакахъ богачи, и тащившіяся на извозчикахъ и конкахъ люди средняго достатка. Въ каждомъ лицѣ, на которое падалъ взглядъ художника, онъ находилъ что-то доброжелательное и пріятное. Петровъ шелъ быстро и бодро.

Петрова приняли въ роскошномъ кабинетѣ и предложили написать портретъ карандашомъ съ фотографіи, снятой съ дѣвочки лѣтъ пяти, недавно умершей дочери мецената.

— Подписи мнѣ не нужно — сказалъ меценатъ, мужчина среднихъ лѣтъ, тщательно причесанный парикмахеромъ, — все равно у васъ имени нѣтъ... А работаете вы недурно... Дорого я не заплачу. Скажите, сколько можете взять за этотъ портретъ?..

Василій Ивановичъ подумалъ и сказалъ:

— Двадцать пять рублей.

— А съ магазина вы берете по десяти рублей... Иногда, кажется, и дешевле... Я потому васъ и пригласилъ, чтобы мнѣ магазину не переплачивать... Десять рублей вы можете и съ меня взять... И будете еще отъ меня получать работы.

Василій Ивановичъ согласился.

Когда художникъ шелъ домой отъ мецената, онъ очень медленно шагаль по улицамъ, низко опустивъ голову и ничего не видѣлъ передъ собою.

Дарину очень понравился портретъ, но онъ заплатилъ только десять рублей и больше не вспоминалъ о Петровѣ: должно быть не было подходящей для того работы.

Заболѣли у Петрова дѣти. Онъ нѣсколько дней не работалъ, помогая женѣ ухаживать за дѣтьми, дежурия ночами у маленькихъ кроватокъ. Днем пробовалъ онъ работать, но руки дрожали отъ волненія и онъ портилъ бумагу, — ничего не выходило. Пришлось заложить все, что было можно, чтобы заплатить докторамъ и въ аптеку.

Изъ магазина присылали нѣсколько разъ за срочнымъ заказомъ.

IV.

Наконецъ, Петровъ окончилъ заказъ и понесъ въ магазинъ.

У огромныхъ оконъ магазина онъ остановился и взглянулъ на выставленныя въ витринахъ вещи. Тамъ были двѣ-три картины знаменитыхъ художниковъ, попавшія въ магазинъ случайно, отъ наслѣдниковъ какихъ нибудь меценатовъ или отъ разорившихся людей, нѣсколько дорогихъ эстамповъ, фигуры изъ бронзы и терракоты и рамочки изящной работы для фотографій. Это былъ магазинъ ловкаго итальянца Пиччикато, который не совсѣмъ чисто говорилъ по русски, но въ совершенствѣ изучилъ вкусы той русской публики, которая посѣщала его магазинъ.

Петровъ смотрѣлъ на вещи въ витринахъ и думалъ:

— Либо громкая подпись, имя, которымъ можно хвастнуть,—либо ужъ репродукція... Работамъ нашего брата, художника безъ имени — мѣста нѣтъ... Значить,—что же дѣлать?.. Издыхать съ голоду вмѣстѣ съ семьей?.. Или все работать грошевые портреты карандашомъ съ карточекъ?.. Сейчасъ и такой то работы еще получить бы... Да авансомъ хоть рубля три...

И художникъ вошелъ въ магазинъ.

Пиччикато, очень красивый брюнетъ, остриженный бобрикомъ, съ остренькой бородкой, усами кверху и свѣжимъ, розовымъ цвѣтомъ лица, одѣтый по послѣдней модѣ, показывалъ покупателю дорогую бронзу; итальянецъ то почтительно изгибался передъ покупателемъ, то вдругъ откидывался и съ дѣланнымъ восторгомъ и восхищеніемъ смотрѣлъ на вещь, которую онъ продавалъ, и говорилъ о томъ, съ какимъ вкусомъ и талантомъ сдѣлана эта вещь. Приказчики, красивые, элегантные молодые люди продавали другимъ покупателямъ кто — альбомъ, кто — рамочки. Жена Пиччикато, красавица блондинка съ широкими плечами и туго перетянутой таліей оживленно вполголоса говорила о чемъ то съ гвардейскимъ офицеромъ.

Когда Петровъ открылъ дверь магазина, Пиччикато взглянулъ, кто входилъ,—и не отвѣтивъ на поклонъ бѣднаго художника, уже больше не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Только когда покупатель ушелъ и вслѣдъ за нимъ унесли бронзу,—Пиччикато—подошелъ къ Петрову.

— Такъ безобразно задерживать заказъ нельзя. Магазинъ не можетъ конфузить себя передъ заказчиками. Вотъ что значить уплатить деньги сполна авансомъ. Это я сдѣлалъ противно моимъ правиламъ,—вы уговорили меня нуждою для вашей семьи. Больше этого не будетъ. Теперь мы квиты. Больше работъ сейчасъ нѣтъ,—все отдано Ивикову,—онъ не хуже работаетъ и беретъ дешевле. Но если будетъ еще работа, пожалуй, можете еще рассчитывать,—мы пришлемъ за вами...

Василій Ивановичъ вспомнилъ о Даринѣ:

„Пойду къ нему, попрошу работы. Откровенно объясню положеніе... Если у него ничего нѣтъ, порекомендуетъ кому нибудь“...

Но уже не въ чемъ было къ Дарину пойти: сюртукъ и пиджакъ были заложены.

„А въ блузѣ къ этому миллионеру, въ его роскошное палаццо—невозможно показаться“... наивно думалъ Василій Ивановичъ.

Между тѣмъ пришлось заложить и пальто: иначе не чѣмъ было заплатить за квартиру, а хозяинъ не соглашался ждать.

V.

Василій Ивановичъ долго сидѣлъ, не двигаясь.

Его жена Елена Михайловна вынесла изъ кухни самоваръ...

Дѣти выбѣжали вслѣдъ за нею, играя въ лошадки.

— Лина, что же дѣлать?!

— Работать, Вася!.. бодро отвѣтила Елена Ми-

хайловна, — и не унывать... Попроси работы у Дарина письмомъ...

— Не отвѣтитъ... Зря на марку деньги истратимъ... Два фунта хлѣба можно купить, вмѣсто марки...

— Можно такъ убѣдительно написать, что непременно отвѣтитъ, если онъ человѣкъ, а не камень... Напиши искренно... понимаешь: искренно, ничего не скрывая... Отвѣтитъ...

— Значитъ, милостыню просить?..

— Работы, а не милостыню... Нужно еще и займы попросить у него денегъ, чтобы одежду купить... Навѣрное, онъ много добра дѣлаетъ... Помогаетъ деньгами и никогда тѣ деньги къ нему не вернутся. А мы возвратимъ... Милліонеръ, вѣдь, онъ. — Отчего ему займы намъ не дать?.. Навѣрное радъ будетъ помочь...

Василій Ивановичъ рѣшилъ написать Дарину письмо.

·VI.

Въ одной изъ многочисленныхъ гостиныхъ своего дома, Виссаріонъ Арсеньевичъ Даринъ велъ разговоръ съ гостемъ, растрепаннымъ господиномъ въ поношенной пиджачной парѣ, преподавателемъ физики въ двухъ гимназіяхъ, Мурашкинымъ.

Дмитрій Николаевичъ Мурашкинъ любилъ искусство и былъ тонкимъ знатокомъ въ произведеніяхъ живописи. Мурашкинъ не имѣлъ семьи, жилъ одиноко; довольно много зарабатывалъ и могъ бы самъ приобрѣтать себѣ картины, хоть изрѣдка, но считалъ себя не въ правѣ тратить деньги „на предметы роскоши“. За то онъ „позволялъ себѣ“ въ свободное

время полюбоваться картинами въ галлерейхъ и на выставкахъ. Ему охотно показывали свои галлерей почти всѣ меценаты,—они дорожили его мнѣніемъ о каждой новой прибрѣтенной художественной вещи и старались съ нимъ водить дружбу.

Жиль Мурашкинъ очень скромно, тратилъ на себя едва четверть заработка,—остальными деньгами онъ помогалъ тѣмъ, кто нуждался въ помощи, чтобы „стать на ноги“,—главнымъ образомъ учащейся молодежи.

Рѣдко знали тѣ, кому помогалъ Мурашкинъ, кто сдѣлалъ имъ добро,—онъ умѣлъ скрываться, когда не былъ увѣренъ, что ему смогутъ возратить деньги, которыми онъ помогаетъ. Онъ никогда не требовалъ долга, но въ тѣхъ, увы, рѣдкихъ случаяхъ, когда ему уплачивали долгъ, — радъ бывалъ получить обратно деньги: на нихъ онъ могъ другимъ помочь и въ каждомъ такомъ случаѣ, когда возвращали ему долгъ, видѣлъ какъ бы доказательство того, что онъ дѣйствительно помогъ человѣку стать на ноги и что однимъ честнымъ человѣкомъ больше на свѣтѣ.

Даринъ только что прочелъ Мурашкину вслухъ письмо художника Петрова, прочелъ какъ нѣчто забавное, уморительно подчеркивая жалобнымъ тономъ тѣ фразы письма, которыми Петровъ описывалъ свою нужду.

Когда читалъ Даринъ адресъ квартиры Петрова, — Мурашкинъ вынулъ записную книжку и что-то отмѣтилъ.

— Удивительно нахальны люди!.. воскликнулъ съ негодованіемъ Даринъ: одинъ разъ я далъ этому

человѣку работу, и поэтому онъ считаетъ себя въ правѣ требовать отъ меня всякой помощи... Этакій нахаль! Навѣрное пьяница, потерянный человѣкъ!.. А вѣдь не безъ таланта... До чѣго опускаются люди!..

VII.

Дмитрій Николаевичъ Мурашкинъ долго ходилъ по двору, застроенному домами въ одномъ изъ глухихъ переулковъ и наконецъ нашелъ квартирку художника Петрова.

Дмитрій Николаевичъ попалъ въ мансарду; къ нему подбѣжали дѣти художника. Самъ Петровъ поднялся съ табурета и вопросительно взглянулъ на Мурашкина.

— Я узналъ отъ Дарина, что вы нуждаетесь въ работѣ...

— Прошу покорно садиться... Спасибо за участіе... Печально улыбнулся Василій Ивановичъ.

Елена Михайловна выглянула изъ кухни и позвала туда дѣтей.

— Сейчасъ работы нѣтъ... А есть мѣсто учителя рисованія въ одномъ реальномъ училищѣ... Вы согласны въ отъѣздъ?

— Еще-бы!.. Тогда не будетъ нужды... И свободное время будетъ оставаться... Можно будетъ и для себя работать... Можетъ быть еще и написалъ бы я что нибудь хорошее... Съ удовольствіемъ бы я поѣхалъ...

Василій Ивановичъ смущенно взглянулъ на свой костюмъ.

— Вотъ, я привезъ вамъ сто пятьдесятъ рублей...

Довольно будетъ, чтобы все привести въ порядокъ и поѣхать на мѣсто?..

— Вполнѣ достаточно... Боже мой, какъ вы добры!..

Петровъ до того растерялся, что принимая деньги, не зналъ какъ ему благодарить и бормоталъ что-то несуразное.

А Дмитрій Николаевичъ, вручивъ деньги художнику, поспѣшилъ уйти.

— Завтра-же иди къ Дарину, благодари!.. сказала Елена Михайловна.

— Нѣтъ не завтра, Лина... Я поблагодарю его послѣ, когда въ силахъ буду возвратить ему эти деньги.. Ясно, что онъ не хочетъ, чтобы его благодарили: подослалъ кого-то, какъ будто это и не онъ помогаетъ...

Вмѣстѣ съ деньгами оставилъ Мурашкинъ адресъ провинціального реального училища, которое приглашало учителя рисованія. Петровъ немедленно написалъ по этому адресу, приложивъ копію своего диплома и вскорѣ получилъ отвѣтъ: его приглашали на должность преподавателя рисованія.

VIII.

Почти годъ прошелъ съ того дня, когда получилъ Виссаріонъ Арсеньевичъ Даринъ письмо отъ художника Петрова о помощи. Около часу дня, когда меценатъ уже собрался итти въ столовую къ завтраку, лакей доложилъ, что учитель рисованія изъ провинціи проситъ разрѣшенія осмотрѣть картины.

Виссаріонъ Арсеньевичъ былъ польщенъ: слава о его галлерей распространилась и по провинціи.

— Проси.

Василій Ивановичъ Петровъ въ корректной сюртучной парѣ, вошелъ и поклонился:

— Не узнаете, Виссаріонъ Арсеньевичъ?..

— Знакомое лицо.. Но извините,—не припомню...

— Художникъ Петровъ... Я когда то портретъ вашей дочери...

— Да-да-да!.. Помню!.. Такъ что же вамъ угодно?.. Мнѣ доложили, что какой то учитель изъ провинціи...

— Я самый... По вашей милости служу... Семья моя въ достаткѣ... Пишу картину на выставку... Вотъ, принесъ вамъ долгъ,—сто пятьдесятъ рублей... И вѣчно вамъ признателенъ!..

— Ничего не понимаю!.. Вы, должно быть, съ ума сошли?.. Никогда я вамъ не давалъ денегъ взаймы... И не протезировалъ...

— Не можетъ быть, чтобъ вы забыли объ этомъ, Виссаріонъ Арсеньевичъ!.. Я былъ въ крайне бѣдственномъ положеніи и обратился къ вамъ...

Виссаріонъ Арсеньевичъ сказалъ рѣзко:

— Мнѣ шутить некогда, милостивый государь... Прощайте.

Василій Ивановичъ оторопѣлъ. Онъ машинально сунулъ въ карманъ свои деньги и ушелъ.

На завтра Даринъ получилъ письмо слѣдующаго содержанія:

„М. Г. Виссаріонъ Арсеньевичъ!

Никогда не забуду, чѣмъ Вамъ обязанъ. Полто-

раста рублей, которыми вы меня спасли въ трудную минуту и отъ которыхъ теперь отказываетесь, я внесъ какъ пожертвованіе на школу. Квитанцію прилагаю.

Вѣчно Вамъ признательный

Василій Петровъ,

преподаватель рисованія въ N-скомъ реальномъ училищѣ».

— Какое то недоразумѣніе! сказалъ Виссаріонъ Арсеньевичъ, закурилъ сигару и сталъ разсматривать картину знаменитаго художника, которую ему сегодня удалось купить по случаю, очень дешево.

Кочевинны.

Ихъ было четверо: два брата и двѣ сестры. Жили они въ своемъ деревянномъ домѣ, на берегу рѣки, почти на окраинѣ городка. Домъ у нихъ былъ старинный, дѣдовскій, но еще крѣпкій и теплый.

Старшій братъ Николай, бритый, сухой, высокій, учитель городского училища, въ свободные часы дома все дѣлалъ самъ, что требовало мужской хозяйской руки: кололъ и носилъ дрова, починалъ мебель не хуже заправскаго столяра, починалъ и разныя другія деревянныя принадлежности домашняго обихода. Кромѣ того онъ умѣлъ срисовывать карандашомъ копии съ разныхъ иллюстрацій. Нѣсколько такихъ рисунковъ своихъ онъ вставилъ за стеклами въ рамочки своей же работы и украсилъ ими стѣны комнатъ, оклеенныя дешевенькими обоями. Среди этихъ рисунковъ на стѣнахъ особенно выдѣлялся молящійся колѣнопреклоненный младенецъ съ толстенькими обнаженными рученками и ногами, тщательно вырисованный тушевальнымъ карандашомъ.

Младшій братъ Василій, по внѣшности очень похожій на старшаго, только съ меньшимъ количествомъ морщинокъ на бритомъ лицѣ, служилъ писцомъ въ городской управѣ за три рубля въ мѣсяцъ.

Такое жалованье онъ получалъ воть уже лѣтъ тридцать подѣ рядъ и ему не собирались прибавить: бюджетъ маленькаго городка постоянно страдалъ не-
дохватками, а писецъ Кочевиновъ былъ вполне доволенъ тѣмъ, что получалъ. Подъ нимъ перемѣнились уже два стула; „за ветхостью“, а онъ все занималъ одно и тоже мѣсто, на правомъ концѣ большаго стола, покрытаго грубымъ зеленымъ сукномъ. Работавшіе за тѣмъ же столомъ двое писцовъ были молодые люди, явившіеся одинъ за другимъ на смѣну старымъ писцамъ: одному умершему, — другому удалившемуся на покой. Получали молодые люди — каждый по десяти рублей въ мѣсяцъ, потому что теперь уже нигдѣ нельзя было подыскать писцовъ на меньшее жалованье.

Въ два часа младшій Кочевиновъ являлся изъ управы домой и становился уже бесполезнымъ членомъ семьи. Онъ или читалъ всегда одну и ту же книгу: Библію, въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, или прислушивался къ тому, что говорили братья и сестры. Самъ онъ не любилъ много говорить и свое участіе въ разговорѣ предпочиталъ проявлять междометіями.

Сестра Василиса, уже старуха, считала своимъ главнымъ занятіемъ по дому — „наводить чистоту“. Ежедневно мыла полы, окна и двери; на каждое пятнышко набрасывалась она съ остервенѣніемъ, терла тряпкой, мыла, скребла ножомъ. Она содержала весь домъ въ чистотѣ поразительной. Каждое утро она ходила на базаръ за провизіей; на базарѣ, закупивъ что нужно, останавливалась поговорить со знако-

мыми купчихами и мѣщанками, разузнать отъ нихъ всѣ городскія новости и сплетни и сообщить имъ то, что она успѣла узнать раньше, чѣмъ онѣ.

По возвращеніи съ базара домой, принималась Василиса стряпать на кухнѣ, занимавшей вмѣстѣ съ кладовыми нижній этажъ дома; отъ стряпни она порой отрывалась, чтобы сбѣгать „на верхъ“, попить кофейку вмѣстѣ съ младшей сестрой, тридцатилѣтней Ольгой.

Ольга шила бѣлье, штопала чулки, шила всѣмъ платье: и себѣ, и сестрѣ, и братьямъ; кромѣ того, она вязала грубыя кружева и прошивки для домашняго бѣлья, ставила самоваръ, приготавлила и разливала кофе утромъ, чай—послѣ обѣда и вечеромъ и поцвѣты, между которыми преобладали: чайная роза, герань и олеандра.

Въ три часа дня всѣ четверо обѣдали за круглымъ столомъ. Послѣ обѣда вскорѣ пили чай. За чаемъ завязывался разговоръ о новостяхъ въ городкѣ.

— Рожинъ опять загулялъ, — сообщаетъ сестра Василиса, — ѣздитъ по улицамъ на извозчикахъ, а семья безъ хлѣба сидитъ... Нину Михайловну вчера видѣли: около калитки, что въ саду у нихъ, — съ любовникомъ шушукалась... Это отъ мужа-то... И какъ стыда у людей нѣтъ?.. Васька Кошель безобразничалъ: безъ всякаго костюма по городу гулялъ, — пропился до нага. За нимъ полиція гналась, а онъ къ рѣкѣ, вошелъ въ воду по горло и побрелъ посреди рѣки... Гдѣ поглубже—проплываетъ... Народу на берегахъ собралось смотрѣть множество...

А взять его никто не можетъ... Такъ по рѣкѣ и ушелъ изъ города... И какъ такого озорника совсѣмъ не выселятъ?..

— Гм-мъ...—отвѣчаетъ братъ Василій.

— Про Нину Михайловну, можетъ быть, это и неправда?...—робко спрашиваетъ сестра Ольга,—можетъ быть, понапрасну люди позорятъ?..

— Ну, ты молода еще спорить!—строго замѣчаетъ сестра Василиса:—гласъ народа—гласъ Божій... Говорятъ, значитъ—правда.

— Удивительную запись въ штрафной журналъ сегодня сдѣлали: я даже домой принесъ журналъ... Послушайте-ка.

Братъ Николай открываетъ большую тетрадь въ переплетѣ съ кожанымъ корешкомъ, надѣваетъ очки на самый кончикъ остренькаго носа и торжественно читаетъ:

„Ученикъ Максимовъ, во время урока ариѳметики, попросившись выйти изъ класса, поймалъ на дворѣ поросенка, котораго, забравшись на крышу, опустилъ въ печную трубу...

— Эге!..—прерываетъ чтеніе братъ Василій.

— Въ трубу...—продолжаетъ братъ Николай, —отчего во время урока поднялся въ печкѣ визгъ неимоверный, заставившій прекратить урокъ...

— Мерзавцы этакіе!.. Озорники! — негодуетъ сестра Василиса.—Что жъ, его выгонять?

— Попробуй, выгони...—говоритъ братъ Николай, сердито захлопывая журналъ и снимая очки:—отецъ его—попечитель... Ко всему станеть придираться... Въ карцеръ посадили.

Николай Никифоровичъ преподавалъ ариѣметику и чистописаніе; не любили его ученики: онъ былъ и строгъ, и не ко всѣмъ справедливъ, и всегда стоялъ за то, что лучше „озорниковъ“ выгонять изъ школы, чѣмъ заботиться объ ихъ исправленіи, ибо „ложка дегтя кадку меда спортить“.

Сестра Ольга замѣчаетъ:

— Хорошо, что лѣтомъ случилось,—печи не топятся, а то живымъ сгорѣлъ бы поросенокъ... И такъ ушибся, должно быть... Откуда такая жестокость у мальчика?

— Схожу сегодня къ Нинѣ Михайловнѣ,—говорить сестра Василиса,—посидимъ вечерокъ, поговоримъ... Какъ-то она людямъ въ глаза смотреть?.. Неужли мужу ничего неизвѣстно?..

Вечеромъ сестра Василиса сидитъ у богатой купчихи Нины Михайловны за чаемъ и заискивающе-подобострастно передаетъ ей всѣ сплетни, которыя знаетъ о всѣхъ замѣтныхъ обывателяхъ городка и только не касается тѣхъ сплетенъ, которыя относятся къ самой Нинѣ Михайловнѣ. Или же Василиса Никифоровна раскладываетъ карты, гадаетъ по просьбѣ купчихи, на червоннаго короля или на трефовую даму. Василиса Никифоровна слыветъ наилучшей гадалкой.

Въ то же время братъ Николай на токарномъ станкѣ вытачиваетъ накую-нибудь замысловатую балясину, взамѣнъ состарѣвшейся, для крыльца. Братъ Василій читаетъ свою Библію, а сестра Ольга сидитъ съ рукодѣліемъ.

Когда наступаетъ вечеръ подъ праздникъ,—всѣ

четверо въ церкви, у всенощной. Домъ остается пустымъ. Въ просторныхъ комнатахъ, въ каждой, тихо мерцаетъ лампада у образовъ, въ углу. Слабый свѣтъ лампы ложится красноватыми бликами на бѣломъ выскобленномъ сосновомъ полу, на чистенькой старинной мебели, фантастичный оттѣнокъ придаетъ возлѣ оконъ растеніямъ въ глиняныхъ банкахъ и блеститъ на стеклахъ рамокъ, за которыми вставлены рисунки стараго учителя.

Однажды Василиса Никифоровна Кочевинска, закупивъ на базарѣ провизію, остановилась поговорить съ благочестивой мѣщанской старушкой Анной Александровной Буриной и сообщила той новость:

— Сестру Ольгу мы вонъ изъ дому выгнали.

Анна Александровна руками всплеснула:

— Да что вы, Василиса Никифоровна. Чего же сестрица ваша могла такого сдѣлать?.. Вѣдь, должно быть, лѣтъ подъ тридцать ей,—тихая она всегда была, смиренная.

— Въ тихомъ омутѣ, мать вы моя,—слыхали, что водится?.. Невѣдомо съ кѣмъ сестрица наша согрѣшила. Быть у ней ребеночку.

— А-а-а-ахъ, грѣхъ какой!.. Съ кѣмъ же это она?—притаивъ дыханіе, полюбопытствовала благочестивая старушка.

— Не призналась, подлая. Замѣчали мы только, что раза два она отъ всенощной, не дождавшись конца, уходила. Да еще за послѣднее время что-то ужъ очень часто въ нашъ садъ подъ вечеръ ходила,—яко-бы грушъ набрать. Принесетъ грушъ два десятка,

а сама ихъ цѣлый часъ собираетъ. Больше ничего не замѣчала.

— Ну и грѣхъ... — соболѣзновала Анна Александровна.

— Грѣхъ, — ужъ что и говорить... охала Василиса Никифоровна: выгнали мы ее, гадину.

Быстро, очень быстро слухъ о „грѣхѣ“ младшей Кочевиновой разнесся по городку. Но такъ и не могъ никто назвать того, съ кѣмъ согрѣшила тридцатилѣтняя дѣвушка. Вскорѣ послѣ того, какъ „выгнали“ Кочевиновы изъ дому сестру свою и какъ исчезла она «ни вѣсть куда»,—отказался отъ мѣста «безо всякихъ причинъ» жившій въ домѣ, сосѣднемъ съ Кочевиновскимъ, въ работникахъ красивый парень Макарка и ушелъ изъ городка, тоже «ни вѣсть куда». Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ злымъ языкамъ называть Макарку виновникомъ «грѣхопаденія» младшей Кочевиновой.

Василиса Никифоровна, послѣ изгнанія Ольги, прожила лѣтъ пятнадцать и умерла, не простивъ сестры и не зная, гдѣ она. Пока жива была Василиса Никифоровна, отъ Ольги не было никакихъ вѣстей. А затѣмъ вскорѣ братья Кочевиновы получили письмо издалека. Сестра Ольга извѣщала, что она все время честно зарабатывала свой хлѣбъ,—сначала рукодѣліемъ, а потомъ стала сельской учительницей, и на этомъ дѣлѣ находится посейчасъ. При ней живетъ ея дочь. Просить братьевъ сестра Ольга не о томъ, чтобы вернули ее въ свой домъ,—она не желаетъ разстаться со школой, которой слу-

жить,—она только просить прощенья у братьевъ за то, что причинила имъ огорченіе.

Получивши такое письмо, братъ Николай сказалъ брату Василию:

— Какова сестричка-то?.. Сестру Василису въ гробъ свела, нашу жизнь отравила... А теперь вздумала письма писать намъ...

Братъ Василій отвѣчалъ:

— Простить бы? А можетъ и пріѣхала бы?..

Николай сказалъ:

— Никогда.

Сестрѣ Ольгѣ братья ничего не отвѣтили.

Вскорѣ послѣ того братъ Николай умеръ. Передъ смертью онъ сказалъ брату Василию, что прощаетъ сестру Ольгу.

Похоронивъ старшаго брата, Василій Кочевиновъ отыскалъ письмо сестры Ольги, списалъ оттуда адресъ и написалъ такое письмо:

«Сестра Ольга. Братъ Николай, волею Божіей, скончался, простивши тебя. А мнѣ одному въ домѣ смертельно скучно,—ты бы пріѣхала съ дочкой. Ребятишекъ учить и здѣсь можешь, а мнѣ, кромѣ тебя, не кому закрыть глаза, какъ помру. Я тебя и раньше простилъ, а теперь зову: пріѣзжай».

За сочиненіемъ и перепиской этого письма набѣло Василій Никифоровичъ сидѣлъ три вечера. Старушка-кухарка, которую наняла еще сестра Василиса, когда самой не подъ силу стало возиться съ кухней,—отнесла «заказное» письмо на почту.

Старый домъ Кочевиновыхъ ожилъ, когда въ немъ снова поселилась Ольга Никифоровна. Теперь жила въ этомъ домѣ и ея дочь Софья, шестнадцатилѣтняя красавица, съ тяжелой косой, добрая и скромная дѣвушка.

Василій Никифоровичъ продолжалъ служить и получать свои три рубля ежемѣсячно въ городской управѣ. Онъ уже совсѣмъ не могъ работать, ему и давали только «для вида» переписать какую-нибудь коротенькую и ненужную бумаженку, и не лишали его удовольствія сидѣть на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ просидѣлъ онъ десятки лѣтъ, не лишали старика удовольствія думать, что онъ служить.

— Онъ потому только и не помираетъ, что ему некогда: завтра обязательно требуется на службу итти... — грубо острили молодые писцы, которымъ надоѣло видѣть неизмѣнно торчащую на своемъ мѣстѣ, согбенную надъ смѣхотворной, ненужной работой фигуру съ серьезнымъ лицомъ, ихъ стараго трехрублевого сослуживца.

Возвращаясь изъ управы домой, Василій Никифоровичъ цѣловалъ въ лобъ сестру и племянницу, обѣдалъ, читалъ библію и спалъ. Иногда Василій Никифоровичъ заставлялъ у себя дома дѣтвору: сестра и племянница учили бесплатно дѣтей бѣдняковъ и не только учили, а иногда и кормили, и одѣвали. Мало-по-малу нѣкоторыя дѣтишки-сироты совсѣмъ у нихъ прижились.

Вечеромъ, за столомъ садилась пить чай большая семья. Дѣти зовутъ Василія Никифоровича дѣдушкой, а Софью —зовутъ они тетей.

— Софьюшка, — сказала однажды Ольга Никифоровна; — вмѣстѣ съ дядей Василиемъ служить въ управѣ Ивановъ, писецъ... Молодой еще человекъ, — сирота онъ... Доучиться не на что было, — писцомъ поступилъ... Порядочное жалованье получаетъ: пятнадцать рублей въ мѣсяцъ... Такъ вотъ дядя Василій уже цѣлую недѣлю все хочетъ сообщить... По три, по четыре слова въ день передаетъ, — а самъ конфузится, никакъ докончить не можетъ... Я поняла, что Ивановъ ему нравится, и что Иванову ты нравишься, Софьюшка...

— Мама, я не знаю Иванова... Я никого не люблю, только тебя, мама, да еще добраго нашего дядю Василія, да еще вотъ этихъ бѣдныхъ дѣтишекъ... И я очень, очень счастлива... Я знаю, что мы съ тобой, мама, не даромъ живемъ, нужны мы этимъ сироткамъ... Поживемъ для нихъ, мама...

Ольга Никифоровна обняла дочь и обѣ онѣ заплакали радостными, хорошими слезами.

— А когда я полюблю кого-нибудь, — шутливо сказала дѣвушка, тогда... можетъ быть, «онъ» меня не полюбить...

Мать воскликнула:

— Пошлетъ тебѣ Богъ счастье за доброту твою, Софьюшка, пошлетъ!..

— Да вѣдь я уже счастлива!.. Вполнѣ счастлива, — искренно отвѣтила Софья.

Она понимала счастье по-своему.

У плетня.

— Жарища!..

Владиміръ Петровичъ Задоровъ, мужчина среднихъ лѣтъ въ чесунчевой парѣ, съ усами и маленькимъ брюшкомъ—сорвалъ широкій листъ лопуха и сталъ обмахиваться имъ, какъ вѣеромъ. Онъ прилегъ въ тѣни березы у самой изгороди — плетня. Сюда, авось, не пришлютъ за нимъ, чтобы звать кушать или чтобы спросить о какихъ нибудь хозяйственныхъ пустякахъ и тѣмъ оторвать его отъ размышлений. Наконецъ-то онъ кое въ чемъ разберется, обдумаетъ... Не для того, чтобы рѣшить какой-нибудь новый для міра вопросъ,—гдѣ ужъ ему, — а хотя бы для того, чтобъ сознавать себя человѣкомъ, все-таки мыслящимъ, а не растеніемъ какимъ-то...

Сквозь плетень ослѣпительно сверкаетъ рѣчка, отражая солнце; пчелы жужжатъ, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ. Скоро будутъ звонить къ завтраку. Жена и дѣти отправятся искать его въ саду. Можетъ быть даже гувернантка Эмма Карловна приметъ участіе въ этихъ поискахъ... Плутоватая нѣмочка, а прехорошенькая... И такъ она поглядываетъ на него...

Положимъ, кругомъ совсѣмъ нѣтъ интересныхъ мужчинъ, — такъ на безрыбьи и ракъ — рыба... А, впрочемъ... вѣдь онъ еще не старъ и, почему знать? — можетъ быть еще и можно въ него влюбиться... Можетъ быть, Эмма Карловна искренно любитъ слушать его игру на віолончели и, можетъ быть, съ искреннимъ удовольствіемъ аккомпанируетъ ему на рояли и, можетъ быть, искренно радуется, когда случайно остается съ нимъ вдвоемъ. Ему не приходило въ голову поухаживать за Эммой Карловной и, кажется, это ее обижаетъ... Жена... Да, онъ конечно, любитъ жену... Г-м-мъ... Конечно... Однако же, Эмма Карловна... Эхъ, если бы!..

Владиміръ Петровичъ поймалъ себя на томъ, что мысль его совсѣмъ не имѣетъ характера философскаго.

— Нѣтъ, это все... пошлость... Неужели я перестану быть человѣкомъ?.. Нѣтъ, не можетъ быть!.. «Познай самого себя»... Дѣлаю надъ собой усиліе: разъ!.. два!.. И погружаюсь въ самосозерцаніе. Да, это будетъ мнѣ не весело — заглянуть въ себя, какимъ я сталъ... Но это же нужно когда нибудь... Нужно!..

— Куда я дѣвалъ тѣ дни, которые дарила мнѣ жизнь?.. Увы, я могъ бы вспомнить лишь самую ничтожную долю прожитаго... Кажется, я не жилъ, а спалъ. Долгій — долгій былъ сонъ; онъ прерывался лишь на мгновенія, когда просыпалось сознаніе. Я спалъ и видѣлъ во снѣ, что мнѣ мѣшаютъ жить. Мѣшаетъ множество обстоятельствъ, множество мелочей. Только что начнетъ просыпаться сознаніе, —

сію же минуту гипнотизируютъ разныя обязанности, работа, забота о ничтожныхъ мелочахъ жизни... множество разныхъ атрибутовъ борьбы за существованіе. И до того я привыкъ спать, что даже тогда, когда это все хоть на нѣсколько часовъ оставляетъ меня въ покоѣ—и тогда я не просыпаюсь: мнѣ лѣнь... мнѣ не хочется... Или нѣтъ, — вѣрнѣе: я не сознаю, что сплю, забываю, что нужно проснуться. Иногда, ни вѣсть откуда, мысль о настоящей сути жизни, словно молнія, прорѣжетъ мракъ моей души... Кажется,—вотъ, вотъ,—стоитъ сосредоточиться на этой мелькнувшей мысли — и ты проснешься, поймешь многое-многое... Но какая-то тина, какая-то слякоть затягиваетъ, поглощаетъ живую мысль, — и самъ не замѣтишь, какъ уже думаешь о самыхъ пустяковыхъ злобахъ дня, а то и вовсе ни о чемъ не думаешь...

— Не думать ни о чемъ... Это состояніе поглощаетъ, кажется, особенно много времени у меня... Но, можетъ быть, это потому, что я не только не мудрецъ, а можетъ быть—просто дуракъ?.. Можетъ быть, у другихъ, умныхъ людей не бываетъ этого?.. Надо разспросить людей... искреннихъ.

— А главное,—я забываю о томъ, о чемъ думалъ нѣсколько минутъ назадъ, — хоть убейте, — не припомню!.. Какое множество забытыхъ мыслей каждый день... Сонъ... Тьма...

— А какъ свѣтло кругомъ!.. Какъ ярко свѣтитъ солнце... Рѣчка сверкаетъ... рѣжетъ глазъ сквозь плетень...

— Владиміръ Петровичъ!.. А-у-у!..

Зоветь Эмма Карловна.

— А-у!.. отвѣтилъ Владиміръ Петровичъ.

Молодая дѣвушка подошла. Стройная, въ легкомъ бѣломъ платьѣ блондинка съ раскраснѣвшимся смѣющимся личикомъ, Эмма Карловна казалась скорѣе женщиной, чѣмъ дѣвушкой: было въ ея голубыхъ глазахъ что-то вызывающее, слишкомъ смѣлое для дѣвушки.

Она сѣла на травѣ рядомъ съ Владиміромъ Петровичемъ, близко къ нему.

— Пойдемте завтракать. Васъ ждутъ. Какъ вы здѣсь не боитесь пчелъ?.. Могутъ укусить.

— Я пчелъ не боюсь... А вотъ теперь мнѣ стало страшно...

— Пчелъ?..

— Нѣтъ... Васъ.

Эмма Карловна засмѣялась и посмотрѣла на Владиміра Петровича совсѣмъ вызывающимъ взглядомъ.

Онъ вдругъ ее обнялъ и хотѣлъ поцѣловать; она вырвалась, быстро встала и захохотала.

— Какой вы смѣшной!.. Развѣ такъ можно?.. Сразу?.. Пойдемте же скорѣе завтракать!..

Эмма Карловна побѣжала. Владиміръ Петровичъ всталъ и быстро пошелъ за нею по травѣ, продираясь кое-гдѣ сквозь кустарники малины и смородины. Онъ не жалѣлъ, что помѣшали его размышленія, онъ былъ въ восторгѣ оттого, что Эмма Карловна не разсердилась, и смотрѣлъ на мелькавшее впереди ея бѣлое платье.

Жена Пентефрія.

I.

У окна гастрономическаго магазина, на Невскомъ проспектѣ, стоялъ полный, небольшого роста господинъ съ сѣдыми усами, въ весеннемъ пальто, по сезону, и въ котелкѣ; сквозь огромное зеркальное стекло смотрѣлъ онъ съ сосредоточеннымъ видомъ на выставленныя гастрономическія диковинки и выбиралъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ что купить, повернулся, чтобы войти въ магазинъ, и вдругъ увидалъ молодого человѣка, который ему поклонился, снимая мягкую плюшевую шляпу.

Господинъ съ сѣдыми усами лѣвой рукой взялся за котелокъ, а правую протянулъ молодому человѣку и сказалъ съ улыбкой:

— Куда скрылся нашъ знаменитый художникъ, почему не кажетъ онъ глазъ къ своимъ друзьямъ?

— Вы такъ заняты, Павелъ Васильевичъ: когда ни спроси—либо въ какомъ-нибудь засѣданіи, либо у министра...

— Такъ жена же дома бываетъ... Ей поневолѣ приходится скучать одной... Ее бы развлекли... Для

васъ, Борисъ Михайловичъ, всегда наши двери открыты... Да вотъ поѣдемте-ка сейчасъ къ намъ обѣдать... Вы свободны?

— Свободенъ-то я свободенъ...

— Ну, и нечего отговариваться. Только вотъ на минутку зайдёмъ въ магазинъ,—хочу женѣ сюрпризъ сдѣлать: высмотрѣлъ землянику съ Канарскихъ острововъ... Какая прелесть!..

Они зашли въ магазинъ, купили землянику, сѣли въ поджидавшій Павла Васильевича Буласова собственный экипажъ, съ бритымъ кучеромъ въ ливрѣе, и породистый рысакъ быстро помчалъ на Сергіевскую, мягко погромыхивая колесами на резиновыхъ шинахъ.

II.

— Вѣрочка, вотъ тебѣ земляника съ Канарскихъ острововъ, только что получена въ Петербургѣ, а вотъ тебѣ и нашъ знаменитый Рубаченко... Не думай, что Борисъ Михайловичъ самъ вспомнилъ про насъ: я случайно поймалъ его на Невскомъ...

Красивая брюнетка лѣтъ двадцати пяти, въ дорогомъ домашнемъ платьѣ, укоризненно взглянула на Рубаченко своими томными глазами:

— Хорошо ли забывать своихъ друзей, Борисъ Михайловичъ?..

— Повинную голову и мечъ не сѣчетъ, Вѣра Николаевна... Къ тому же я и не забывалъ, а только заработался...

За обѣдомъ, который подавали два лакея во фракахъ,—Рубаченку все не переставали журить за то, что онъ забылъ старыхъ друзей...

Послѣ обѣда Павелъ Васильевичъ сейчасъ же уѣхалъ, — онъ спѣшилъ на какое-то засѣданіе, хотя ему сильно хотѣлось полчасика уснуть.

Рубаченко порывался также уѣхать, но Павелъ Васильевичъ сказалъ, что онъ вернется очень скоро: нужно только показаться, — и сейчасъ же можно удрать, и что онъ обидится, если Борисъ Михайловичъ не посидитъ у нихъ часъ, до его возвращенія.

— А что вы безъ меня остаетесь, — какія между нами этикетки, — вы нашъ другъ... — сказалъ Павелъ Васильевичъ.

Рубаченкѣ пришлось остаться.

Вѣра Николаевна и Рубаченко перешли изъ столовой въ гостиную.

— Ну, рассказывайте, Борисъ Михайловичъ, какъ вамъ живется? — спросила Вѣра Николаевна, усаживаясь на кресло, и указала художнику другое, возлѣ себя.

— Вы можете курить, — замѣтила она взгляды гостя, брошенный на пепельницу.

Рубаченко вынулъ папиросу, закурилъ и сѣлъ на стулъ на почтительномъ разстояніи отъ хозяйки: дымъ папиросы могъ ее беспокоить.

— Живу себѣ скромненько... Работаю понемножку...

— И совсѣмъ нигдѣ не бываете?..

— Бываю въ разныхъ товарищескихъ кружкахъ... Тамъ общіе интересы... Общее дѣло...

— И, конечно, общія симпатіи!.. — добавила Вѣра Николаевна.

— Да, и общія симпатіи, — согласился Рубаченко

— Мы видимся теперь случайно, Борисъ Михайловичъ, и не скоро опять увидимся... Можетъ быть, вы и правы, что насъ избѣгаете...

— Не возражайте мнѣ пустыми свѣтскими фразами,—сказала Вѣра Николаевна искреннимъ сердечнымъ тономъ.—Я хочу воспользоваться нашей бесѣдой, чтобы сказать вамъ... Видите ли... Все чаще и чаще я вспоминаю то чудное время, какъ я была еще совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, а вы были безъ средствъ, безъ имени... И любили меня... Присили моей руки.

Рубаченко усиленно пыталъ папиросою.

— Я не понимала еще тогда, что я... любила васъ... и выбрала обезпеченное положеніе, завидное положеніе жены... Павла Васильевича... И вотъ я наказана: я поняла, что люблю васъ.

— И значитъ, вы согласны бы теперь получить отъ Павла Васильевича разводъ и выйти за меня замужъ?

Этотъ прямой вопросъ Вѣру Николаевну смущилъ, но она сейчасъ же оправилась и твердо отвѣтила:

— Нѣтъ.

— Я такъ и думалъ, и потому избѣгалъ этого объясненія. Но... разъ уже пришлось,—поговоримъ откровенно. Я васъ понимаю. Постарайтесь же понять и вы меня. Увы,—я далеко не рыцарь безъ страха и упрека, но я такъ любилъ васъ когда-то, и такъ дорого мнѣ воспоминаніе объ этой несчастной и чистой, незагрязненной любви, что я не промѣняю этого дорогого воспоминанія на удоволь-

ствіе быть однимъ изъ вашихъ любовниковъ теперь... И не хочу скрывать: я испытываю необычайно пріятное удовлетвореніе въ томъ, что въ силахъ теперь также отвернуться отъ васъ, Вѣра Николаевна, какъ вы когда-то отвернулись отъ моей первой любви,—отъ беззавѣтной моей любви... А-а-а!.. Свѣтская барыня, львица... Вамъ не довольно вашихъ поклонниковъ... не довольно, что все у вашихъ у ногъ, чего вы добивались,—вамъ нужно еще пристегнуть къ своему хвосту и того бѣднаго безумца, который когда-то всю жизнь свою готовъ былъ вамъ отдать... Вы, можетъ быть, думали и тогда, когда выходили замужъ по расчету, думали, что „этотъ-то никогда отъ меня не уйдетъ“... Но часто, Вѣра Николаевна, расчеты бываютъ ошибочны...

— Ха-ха-ха!.. — какъ-то истерически засмѣялась она.—Мстите!.. Ха-ха-ха!..

И вдругъ ея истерическій хохоть перешелъ въ громкія рыданія.

Рубаченко нажалъ кнопку звонка и, когда вошла горничная,—указалъ ей на барыню, а самъ взялъ шляпу и уѣхалъ.

III.

Жаркое солнце заливало ослѣпительнымъ свѣтомъ южный берегъ Крыма. Въ окрестностяхъ Алупки, у самага моря, примостился на откосѣ скалы Рубаченко со своимъ мольбертомъ, складнымъ стуломъ и зонтикомъ. Онъ изъ Петербурга поѣхалъ сначала въ Финляндію и, налюбовавшись вдоволь красотою сѣверной природы, перебрался въ Крымъ. Теперь онъ писалъ масляными красками этюдъ. Онъ ста-

рался изобразить набѣгавшія одна на другую зеленатыя волны и ту фіолетовую дымку, что подернула море вдаль, до самаго горизонта на заднемъ планѣ, съ лѣвой стороны—„Ай-Тодоръ“, которымъ заканчивалась выступавшая въ море полоска земли. Прозрачное свѣтлое небо, этотъ воздухъ, который нужно было передать, море, мѣнявшее свои тона при каждомъ набѣгавшемъ легкомъ облачкѣ, — все это приводило художника въ отчаяніе. Но онъ привыкъ къ упорному, настойчивому труду и работалъ, тщательно свѣряя каждый свой мазокъ съ натурой.

По временамъ онъ снималъ легкую англійскую каску изъ морской травы и вытиралъ со лба обильный потъ.

Съ разрѣшенія художника присѣлъ на камень около мольберта худенькій, бритый старичокъ въ соломенной шляпѣ; онъ такъ трогательно просилъ разрѣшить посмотри́тъ на работу художника, что послѣдній не могъ отказать.

Старикъ не называлъ себя: онъ не навязывался знакомствомъ и только вѣжливо поднялъ шляпу. Молча посидѣвъ нѣсколько минутъ возлѣ художника, старикъ освѣдомился, не можетъ ли онъ мѣшать разговоромъ и сталъ дѣлиться съ Рубаченкой своимъ житейскимъ опытомъ, вынесеннымъ изъ знакомства съ Крымомъ, при чемъ оказался довольно желчнымъ субъектомъ.

— Это по недоразумѣнію такъ называли: „Алупка“; слѣдуетъ: „Облупка“. Такія здѣсь невообразимыя цѣны на всякіе продукты существуютъ съ явнымъ намѣреніемъ облупить каждого обитателя

здѣшнихъ мѣстъ.—Да-съ... Вотъ увидите... А позволете спросить, у васъ какое первое впечатлѣніе получилось?

Художникъ, не отрываясь отъ работы, началъ говорить:

— Прекрасное впечатлѣніе... Зрѣлыя кисти винограда, прямо на лозѣ... Персики на деревѣ... Живыя изгороди изъ миртъ... Стройные кипарисы... А воздухъ, которымъ упиваешься... Да, именно, пьешь этотъ воздухъ, а не дышишь имъ. А это море! Просто голова кружится.

— А татары-проводники,—желчно воскликнулъ старичокъ,—эти татары, которыхъ такъ роскошно наряжаютъ наши богатые барыни,—какъ великолѣпны эти татары!.. Вы замѣтили?.. Что за чудные у нихъ домики... Что за роскошь внутри... Не жалѣютъ барыни денегъ на убранство,—персидскими коврами стѣны обтягиваютъ...

— Слышалъ я... Просто даже не вѣрится... А, впрочемъ, не все ли равно!..

— Гмъ, разумѣется, все равно,—сказалъ старичокъ, злобно хихикнувъ.—А все-таки вашъ крымскій пейзажъ будетъ недостаточно полонъ, если вы не изобразите на немъ татарина проводника, въ его характерномъ костюмѣ: на немъ кругленькая шапочка съ верхомъ, расшитымъ золотомъ, черные шаровары стянуты поясомъ съ массивнымъ наборомъ чеканнаго серебра... онъ съ гордой осанкой сидитъ на великолѣпной лошади, а рядомъ съ нимъ и амазонка: барыня льнетъ къ татарину,—заглядываетъ ему въ глаза ласково, по кашачьи... Какъ вѣрно все это передалъ

Рѣпинъ на своемъ рисункѣ. Вотъ и вы попробуйте изобразить что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Я только пейзажистъ,—скромно отвѣтилъ Рубаченко; но старичокъ не слушалъ, — онъ увлекся.

— И вѣдь до чего наши барыни подчиняются имъ, этимъ красивымъ дикарямъ,—не унимался старичокъ,—удивительно!.. И не какія-нибудь... а такъ называемыя интеллигентныя женщины, жены даже весьма почтенныхъ людей... Которыхъ дома эти же самыя супруги поѣдомъ ѣдятъ... Да-съ...

— Вамъ все это, можетъ быть, тяжело слышать, молодой человекъ... Когда-то и я передъ женщиной преклонялся, а теперь вотъ вполне согласенъ съ тѣмъ, что сказалъ одинъ изъ господъ поэтовъ...

И старичокъ началъ декламировать:

«... Не придавай въ мечтахъ ей облика богини,
Цвѣтами чистыхъ чувствъ не усыпай ей путь:
Она лишь женщина, миражъ земной пустыни,
Готовый путника всечасно обмануть...» *).

— Вы женаты? — какъ-то машинально спросилъ Рубаченко, быстро изображая кисточкой появлявшіяся кое-гдѣ на волнахъ бѣлыя гребенки пѣны.

— Овдовѣлъ-съ. Не посѣтуйте на старика, заболтался.

Онъ всталъ и дотронулся до шляпы:

— Прощайте, г. художникъ.

IV.

Возвращаясь „съ этюда“, Рубаченко присѣлъ отдохнуть на скамью подъ тѣнью платана. Направо и

*) Ратгаузъ.

наѣво изгибалась шоссированная дорожка, усыпанная гравіемъ.

Раздался шорохъ женскаго платья. Приближалась быстрыми шагами какая-то дама. Голова была низко опущена: она смотрѣла себѣ подъ ноги; за широкимъ навѣсомъ ея вычурной шляпки не видно было лица. Однако художникъ ее узналъ. Уже приблизившись къ скамѣ, на которой сидѣлъ Рубаченко, она подняла голову и воскликнула:

— Вы!.. зачѣмъ здѣсь?

— По праву свободнаго художника, Вѣра Николаевна... Если же мое присутствіе здѣсь васъ беспокоитъ...

— Уходите,—Бога ради скорѣе уходите...

Но было уже поздно.

Съ другой стороны приближался здоровенный дѣтина-татаринъ съ черными усами, торчавшими горизонтально... Пригнувъ голову, какъ быкъ, онъ бросалъ исподлобья свирѣпые взгляды то на Вѣру Николаевну, то на Рубаченку и пошевеливалъ игриво правою рукой, въ которой держалъ нагайку.

Вѣра Николаевна инстинктивно уцѣпилась за локоть Рубаченки, татаринъ вдругъ взмахнулъ рукой и нагайка со свистомъ упала прямо на плечи женщины. Она неистово вскрикнула...

Все помутилось въ глазахъ Рубаченки; онъ замахнулся своимъ складнымъ стульчикомъ и, можетъ быть, раздробилъ бы татарину голову, но Вѣра Николаевна крикнула:

— Стойте!.. Не смѣйте его трогать... Это я сама дала ему право... такъ со мной обращаться, — доба-

вила Вѣра Николаевна.—Онъ очень ревнивъ, и принялъ васъ за моего любовника. Пойдемъ, Ахметъ...

Рубаченко еще стоялъ, повертывая свой складной стулъ какъ-бы въ раздумьи: какъ онъ могъ пытаться эту безобидную вещь обратить въ оружіе, а Вѣра Николаевна, прежде чѣмъ скрыться за поворотомъ дорожки, вдругъ обернулась и сказала ему насмѣшливо:

— Чуть было не вышла „битва русскихъ съ кабардинцами!..“ Прощайте вы, Іосифъ Прекрасный!.. не поминайте лихомъ...

На отдыхъ.

— Эй вы, дьяволы осторожные!.. Смир-р-рно?.. Что бы ни гу-гу!.. Запорю!..

Трое людей, жавшихся къ углу бревенчатой просторной избы, сразу присмирѣли, начавшійся было между ними въ полголоса споръ оборвался. Все затихло въ канцеляріи Н-скаго каторжнаго поста; слышно было только, какъ смотритель пыхтѣлъ коротенькой трубкой, да писарь шелестнулъ бумагой, перевортывая исписанную страницу. Еще слышно было, какъ въ трубѣ тоскливо гудѣлъ осенній вѣтеръ.

Смотритель важно сидѣлъ на креслѣ, посрединѣ стола, а писецъ—въ сторонкѣ, на концѣ этого длиннаго стола, накрытаго испятнаннымъ зеленымъ сукномъ.

Одинъ изъ каторжныхъ, бывшій мясникъ, убившій купца, здоровенный рыжій мужикъ въ рубищѣ—взглянулъ на смотрителя съ ненавистью; остальные двое—хлипкій, тщедушный малый, бывшій сапожникъ, зарѣзавшій жену изъ ревности и высокій худощавый парень, бывшій фальшивый монетчикъ—

потупили головы и смотрѣли себѣ подъ ноги; на ихъ лицахъ застыло выраженіе тупой покорности судьбѣ-мачихѣ. Эти двое смотрителя боялись. Смотритель былъ жестокъ и грубъ съ каторжными.

— Ну ты, рыжій,—какъ тебя?.. Съ чѣмъ въ госпиталь просишься? Облѣнѣли, черти!.. Чтобы только отъ работы улизнуть!.. Ишь ты: въ госпиталь!..

Рыжій не успѣлъ отвѣтить, какъ открылась дверь и вошелъ еще одинъ каторжный. Одежда этого человѣка не была порвана и отличалась удивительной здѣсь опрятностью; лицо — молодое, блѣдное, изнуренное, съ довольно тонкими, хотя и неправильными чертами было по своему красиво. Онъ по привычкѣ брилъ усы и бороду и походилъ или на актера, или на ксендза. Этотъ каторжный не гнулъ спины, не опускалъ своихъ грустно смотрѣвшихъ карихъ глазъ и вошелъ къ смотрителю смѣло, какъ свободный и равный человѣкъ.

— Что вамъ?..

Смотритель задалъ вопросъ мягкимъ тономъ и на „вы“, но каторжный, повидимому, не оцѣнилъ исключительное отношеніе, какое оказывалось ему, а, можетъ быть, ему было даже досадно, что съ нимъ обращались иначе, чѣмъ съ другими. Вѣдь его преступленіе нисколько не меньше, чѣмъ преступленіе каждаго изъ этихъ каторжныхъ; ему казалось, что съ нимъ обращаются вѣжливо только потому, что онъ человѣкъ образованный, а тѣ—люди простые, темные—чего съ ними стѣсняться? Онъ отвѣтилъ просто:

— Доктора нѣтъ... Я дежурство сдалъ... Иду... на отдыхъ.

— Идите, Грудзевскій... Навѣрное вы, по обыкновенію, измучились... Желаю вамъ отдохнуть.

Смотритель опять говорилъ мягкимъ, даже полнымъ участія тономъ, который страннымъ казался въ этомъ грубомъ человѣкѣ.

Грудзевскій вышелъ. Теперь онъ былъ свободенъ до утра. Это казалось ему ужаснымъ. Остаться одному, съ своей вѣчной тоской. Безпошадная память станетъ рисовать ту мучительную картину изъ прошлаго... Сердце будетъ нестерпимо ныть и рваться на куски... Вѣдь такъ бываетъ каждый день, когда онъ остается одинъ. Онъ почти спокоенъ, когда работаетъ въ госпиталѣ, то помогая доктору и фельдшеру, то ухаживая за больными, то дѣлая всякую черную работу, какъ сторожъ. А когда нужно итти на отдыхъ,—тогда бываютъ проклятые часы...

Грудзевскій шелъ въ свою комнату медленно, шагъ за шагомъ, словно боялся притти къ себѣ домой.

Онъ вошелъ въ маленькую жалкую комнатку, взглянулъ въ окно на то мѣсто надъ высокими пальмами—оградой, гдѣ виднѣлся клочекъ сѣраго теперь, холоднаго неба, вздохнулъ и, быстро раздѣвшись, легъ на свою жесткую постель.

Онъ былъ одинъ, далеко - далеко заброшенный отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекла его молодая жизнь. Но мысль не знаетъ разстояній, — и видитъ онъ ясно, — увы, слишкомъ ясно, — тѣ далекія мѣста и тѣхъ людей, которые еще живы, видитъ онъ ту, которая умерла... И видитъ онъ себя ксендзомъ, какимъ онъ былъ до каторги.

Вотъ онъ сидитъ въ исповѣдальнѣ, сквозь окошечко шепчетъ слова утѣшенія и молитвы раскаявшемуся грѣшнику. Вотъ онъ въ праздничныхъ ризахъ совершаетъ литургію подъ торжественные аккорды органа и благословляетъ народъ. Вотъ онъ идетъ по селу въ своей широкой шляпѣ—и ему кланяются прихожане, — и дѣти, и взрослые, и старики. И вотъ онъ у постели умирающей молодой дѣвушки. Она желаетъ исповѣдаться въ своихъ грѣхахъ передъ смертью. Ей жить остается только нѣсколько часовъ еще... Но она прекрасна, обольстительно хороша. Пылаютъ лихорадочнымъ румянцемъ ея щеки, разметались по бѣлоснѣжной подушкѣ ея черные волосы, полуоткрыты ея чудныя губы, а очи горятъ послѣднимъ огнемъ, что вотъ-вотъ сожжетъ ее всю.

Они одни въ этой богатой, роскошной комнатѣ, двери наглухо заперты; открыты лишь окна; изъ цвѣтущаго сада льется мягкое благоуханіе; слышатся издали грѣховныя, какъ змѣя заползающіе въ душу звуки оркестра, который играетъ на эстрадѣ у берега моря. Эти звуки должны мѣшать исповѣди; ксендзь хочетъ закрыть окна, но больная не позволяетъ: ей нужно воздуха, какъ можно больше воздуха.

Онъ прислушивается къ исповѣди, но мало понимаетъ. Демонъ мутитъ его разумъ и его кровь превращаетъ въ кипящую лаву. Темнѣетъ у него въ глазахъ.

Она въ религіозномъ экстазѣ говоритъ слова исповѣди и не замѣчаетъ, что сбросила съ себя

одѣяло, что обнажились дивно очерченныя плечи и дѣвственная грудь и что она такъ опьяняюще-соблазнительна... Думаетъ она только о будущей жизни, въ которую перейдетъ скоро...

Ксендзъ, молодой, красивый беретъ ее за руку и шепчетъ безумныя слова соблазна и страсти. А въ окна льется ароматъ цвѣтушаго сада и слышится далекая, сладостно ласкающая слухъ грѣховная музыка.

Ксендзъ говоритъ:

— Сегодня ты умрешь... Ты это знаешь... Спасенья нѣтъ отъ смерти. Но ты—прекрасна... Ты сводишь меня съ ума... Послушай: я буду молиться за тебя, хотя, вѣдь, ты почти безгрѣшна... То, въ чемъ покаялась ты, дитя: твои мечты, желанья, — все это маленькій, ничтожный грѣхъ... А самый большой грѣхъ въ томъ, чего ты не знаешь... Слушай: грѣхъ уносить въ могилу эту дивную твою красоту, когда ты еще можешь дать счастье человѣку... Дай мнѣ это счастье,—мнѣ хватить его на всю мою жизнь... Я буду жить воспоминаніемъ о немъ, объ этомъ жгучемъ счастьи... Дай же мнѣ счастье, дитя мое!.. Ты должна это сдѣлать...

Она не отвѣчаетъ,—она поражена, старается что то понять, въ чемъ то разобраться,—на глазахъ ея слезы.

А онъ уже сжимаетъ ее въ трепетныхъ объятіяхъ, впивается поцѣлуемъ въ дѣвичьи уста и уже готовъ замереть въ безумномъ счастьи,—но раздается крикъ умирающей дѣвушки...

Врываются въ комнату люди... И позоръ... И ужасъ...

И вотъ—каторга.

И думаютъ, можетъ быть, тѣ люди, что каторга для него въ этихъ стѣнахъ, на этомъ далекомъ, суровомъ островѣ...

Нѣтъ, не въ этомъ, совсѣмъ не въ этомъ для него каторга... Ахъ, все это—такіе пустяки... И только лишь то, что творится въ больной душѣ человѣка,—только то можно назвать каторгой.

Омутъ.

Рѣчка Соломинка такая маленькая, что даже не значится на географическихъ картахъ; мелководная, она мѣстами кажется не больше ручья и весело журчить межъ камней, играя на солнцѣ серебристыми струйками; но тамъ, гдѣ она дѣлаетъ поворотъ къ Даниловской рощѣ, тамъ глубокий—глубокий омуть.

Мужики увѣряютъ, что дна въ томъ омутѣ нѣтъ; здѣсь не замѣтно, какъ вода течетъ, словно тутъ не рѣчка, а прудъ. И до того красиво отражается здѣсь и чистое лазурное небо, и облака сѣренькаго дня, и ветлы, и прибрежныя березы, что къ омуту часто приходилъ сельскій учитель Ильинъ, мечтательный молодой человѣкъ, и подолгу сидѣлъ на берегу, глядя на зеркальную гладь воды.

Крестьяне боялись этого мѣста, называли омуть проклятымъ, говорили, что нечистая сила туда привлекаетъ человѣка; никто не подходилъ близко къ этому мѣсту. Учитель Ильинъ зналъ, что онъ здѣсь одинъ, совсѣмъ одинъ, что люди не помѣшаютъ его мечтамъ, его думамъ, и потому его тянуло сюда.

Прежде его думы были расплывчаты и неопредѣленны какъ туманъ, что поднимается по утру надъ росистой травой и безъ слѣда таетъ въ солнечныхъ лучахъ. Онъ забывалъ сегодня, о чемъ думалъ, мечталъ вчера.

Но вотъ, послѣднее время молодой человѣкъ сталъ все чаще думать о той женщинѣ, которую увидѣлъ въ сосѣднемъ селѣ. То пріѣхала погостить къ семьѣ богатаго помѣщика петербургская молодая барыня, всегда затянутая въ корсетъ, разряженная по столичному, барыня гордая и чопорная. Но она была очень красива и что то въ ней было обаятельное.

Молодой учитель, разъ ее увидѣвъ, сталъ думать о ней все чаще и чаще и, сидя на краю обрыва, у самага омута, старался въ зеркалѣ воды увидѣть черты этой женщины. Когда онъ ловилъ себя на этомъ, онъ смѣялся и говорилъ себѣ:

— Значить, я влюбился и мнѣ въ голову идутъ глупости... Какъ можетъ отразиться здѣсь ея лицо!..

Однажды онъ пришелъ къ омуту подъ вечеръ, когда солнце уже зашло, зарей горѣло небо и омутъ казался огненнымъ. Сельскій учитель сѣлъ на обрывъ и долго смотрѣлъ на воду, на отражавшіеся силуэты деревъ, и думалъ:

— Долго еще будетъ свѣтло. Заря поблѣднѣетъ, синевою смѣнится этотъ огненный цвѣтъ воды, отразится звѣзда... Вотъ если бы и та женщина отразилась...

И вдругъ онъ рванулся впередъ: онъ увидѣлъ ее, прекрасную, обольстительную; она была нага и манила его къ себѣ, и говорила ему:

— Раздѣнься, раздѣнься, оставь одежду на берегу...

Минута,—онъ раздѣлся и бросился въ омутъ.

Вода, холодная, очень холодная, освѣжила его, вернула къ дѣйствительности и онъ взмахнулъ руками, какъ хорошій пловецъ. Берегъ былъ близко, всего нѣсколько шаговъ, но трудно было доплыть до него: тянуло въ омутъ, крутило что то подъ ногами и засасывало... Онъ дѣлалъ отчаянныя усилія плыть, но ему только еле удавалось держаться на поверхности.

Онъ закричалъ. Полный ужаса крикъ далеко отозвался эхомъ, а на берегу, совсѣмъ близко, вскрикнула отъ испуга женщина: она верхомъ возвращалась домой, обогнавъ кавалькаду.

Молодой человѣкъ увидѣлъ на берегу ее, за мечту о которой онъ гибнетъ,—и крикнулъ:

— Спасите!..

— Развѣ вы не умѣете плавать?..

— Умѣю... Меня тянетъ въ омутъ... Бросьте мнѣ чтонибудь...

— Нужно веревку... Но гдѣ же взять?..

Ей было жаль этого красиваго молодого человека, который тонетъ; ей было страшно и хотѣлось помочь. Но гдѣ взять веревку? Поводья упряжи?.. Не достаточно длинны... Вдругъ у ней мелькнула мысль: крѣпкій шелковый шнурокъ отъ корсета!.. Стоить снять корсетъ, выдернуть этотъ длинный шнурокъ, связать съ поводьями — и человѣкъ спасенъ... Но тутъ же она вспомнила о кавалькадѣ, которая скоро подѣдетъ. Увидятъ ее безъ корсета...

Сложена она дурно, фигура красива только въ шнуровкѣ, увидятъ около нея мужчину, а онъ въ такомъ видѣ!..

Утопающій крикнулъ:

— Спасите же, спасите!..

— Держитесь, плывите, — я сейчасъ поѣду навстрѣчу нашимъ... Подоспѣютъ мужчины, вамъ помогутъ...

И она ударила хлыстомъ лошадь, и скрылась.

Кавалькада подѣхала скоро. Летѣли къ омуту во весь опоръ:

— Человѣкъ тонетъ!..

Мужчины старались показать дамамъ свою готовность спасти погибающаго, проявить геройство, и въ душѣ досадовали, что не знали, какъ нужно будетъ къ этому приступить, что нужно будетъ слѣловать такъ, чтобы не вымокнуть и чтобы не было опасно. Дамы съ выраженіемъ ужаса спѣшили такъ же во весь опоръ, стораая любопытствомъ посмотреть, какъ тонетъ человѣкъ.

У берега всѣ спѣшились и подошли къ обрыву. Но человѣка уже не было, — даже круги исчезли надъ омутомъ. И только первая звѣзда робко и стыдливо дрожала, отражаясь въ водѣ съ синевою вечерняго неба. И не было слышно кругомъ ничего, — только вдругъ соловей защелкалъ, залился дивной трелью; онъ пѣлъ свой вѣчный гимнъ любви и счастья.

Надъ омутомъ собирался легкій, почти незамѣтный туманъ.

Прелюдъ Шопена.

Онъ вѣрилъ доктору и окружающимъ, которые всѣ говорили, что онъ скоро поправится; онъ не зналъ, что дни его сочтены. Его молодое чахоточное лицо съ большими умными глазами почти всегда казалось веселымъ и только при душившихъ приступахъ кашля онъ морщился страдальчески.

Давно уже ему доктора запретили работать больше часа въ день. Онъ скучалъ безъ любимаго дѣла, порою становилось ему невыносимо тяжело, что онъ не можетъ писать, что руки устаютъ, плохо повинуются. Тогда сестра писала подъ его диктовку. Его утѣшали тѣмъ, что когда онъ поправится, тогда все наверстаетъ, запишетъ все то, что теперь накопится въ головѣ, въ сердцѣ и повторяли при этомъ, что, вѣдь, „Писатель больше всего работаетъ тогда, когда ничего не дѣлаетъ“.

Сестра старалась развлекать его музыкой; это было самое лучшее средство поднять бодрость его духа. Ждали приѣзда его друга, знаменитаго скрипача и надѣялись, что этотъ другъ внесетъ много радости въ послѣдніе дни жизни больного.

Однажды больной услышалъ, какъ прїѣхавшій его другъ, скрипачъ, думая, что онъ спитъ, спросилъ шопотомъ у доктора:

— Неужели такъ скоро конецъ?..

— Онъ не протянетъ и недѣли,—отвѣтилъ докторъ.

„Зачѣмъ обманывали меня?..“ подумалъ больной.— Если бы я зналъ, что конецъ мой такъ близокъ,— я бы диктовалъ сестрѣ много-много... Боже, сколько еще хочется сказать, сдѣлать...

Онъ сталъ грустить и старался какъ можно больше диктовать сестрѣ, — но силы ему скоро измѣнялись, приступы кашля душили его и онъ долженъ былъ отдыхать.

Въ открытое окно лились яркіе теплые лучи вешняго солнца; молодая зелень деревьевъ ласкала глазъ; пахло жасминомъ, который началъ цвѣсти. Больной сидѣлъ у окна на креслѣ въ подушкахъ и, казалось, уснулъ. Онъ видѣлъ окутанную бѣлой свѣтлой мантией женщину неземной красоты и отъ взгляда ея лучистыхъ глазъ неизъяснимое блаженство проникало въ его сердце. Но она стала удаляться. Онъ взмолился:

— Не уходи!.. Кто ты?..

— Я смерть. Для многихъ мой видъ ужасенъ. Къ тебѣ являюсь такою за то, что ты былъ не дурнымъ человѣкомъ и дѣлалъ столько хорошаго, добраго, сколько было въ твоей власти, по твоимъ слабымъ силамъ. Не правда-ли, я не страшна тебѣ? Я приду скоро... А теперь еще не пробилъ твой часъ.

Она исчезла.

Больной открылъ глаза. Его другъ спросилъ:

— Хочешь, я сыграю „Пляску духовъ“ — Баццини?.. Ты любилъ эту вещь...

— Нѣтъ, сыграй что-нибудь другое...

— Брамса „Венгерскіе танцы?..“ Тебя эта вещь подбадривала...

— Нѣтъ... Я хотѣлъ бы слышать... 20-й прелюдъ Шопена.

Вещь эта не написана для скрипки. Но сестра больного сѣла за фисъ-гармонію, а скрипачъ взялъ свой инструментъ, чтобы играть на скрипкѣ мелодію этого прелюда, созданнаго въ могучихъ, дивныхъ аккордахъ.

Больной опять забылся, но онъ слышалъ музыку. И казалось ему, что вотъ подошла блѣдная красавица женщина,—та, которую когда то любилъ онъ своей первой любовью, та, которую онъ давно потерялъ изъ виду,—и она говоритъ ему,—только не словами, а какъ-то особенно, не слышно, но такъ, что все понятно.

Она говоритъ:

— Слышишь эту музыку?.. Стройный, дивный хоръ поетъ гимнъ печали и смерти, не страшна и не жестока смерть: она прекрасна, какъ ангелъ Божій, она сострадательна и добра, и всѣмъ безразлично несетъ исцѣленіе отъ мукъ и страданій, и вѣчный сонъ, покой...

— Поетъ дивный хоръ; сама смерть поетъ,—слышишь ея ангельскій голосъ, кроткій, печальный и такъ сладко убаюкивающій насъ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ?..

Все пройдетъ... все минетъ... все уснетъ... все умрётъ!..

Чудный хоръ поетъ; слышишь? — восторженно, торжественно поетъ!.. Это—слава всему Божьему міру, слава всему прекрасному и доброму... А вотъ, слышишь?..—какъ рыдаютъ звуки!.. Это — скорбь о злѣ, скорбь о страданьяхъ людскихъ... А слышишь, какой отрадой звучить голосъ смерти въ этомъ хорѣ?.. Смерть поетъ о томъ, что она все примиряетъ... все и на всегда...

Слушай этотъ хоръ!.. Слушай эту послѣднюю колыбельную пѣсню... Скоро-скоро мы уснемъ... Но прежде пусть подъ эти волшебные звуки вспомнятся минуты счастья... вспомнятся въ послѣдній разъ... И мы уснемъ... счастливые... на всегда... Прощай земная жизнь! Прощай...

Когда замеръ, словно улета, послѣдній аккордъ,—скрипачъ подошелъ къ своему больному другу. Онъ думалъ, что тотъ захочетъ сказать свое обычное... «Спасибо»... Но сердце друга уже не билось.

При звѣздахъ и лунѣ.

Теплая лѣтняя ночь. Забраться бы теперь куда нибудь подальше отъ людей...

А Лукошинъ долженъ шагать съ этимъ добродушнымъ и неотвязнымъ своякомъ въ городъ...

Онъ высоко поднялъ руку:

— Что за небо!.. Луна какъ сіяетъ... И звѣзды ярко горятъ... Давно-давно, за пять вѣковъ до Рождества Христова, жилъ-былъ на свѣтѣ Діогенъ-Аполлонійскій. Онъ увѣрялъ, что звѣздами дышитъ все-ленная. Наивно, не правда-ли?.. А сколько поэзіи. Звѣздами дышитъ міръ!..

— Ну, ты не дури, Леонидъ... Пойдемъ скорѣй: мнѣ еще надо къ парикмахеру зайти, щеки подбрить... А начальникъ дистанціи дожидаться будетъ... Обидчивый инженеръ.

— Эка важность!.. Посмотри на Большую Медвѣдицу...

— Чортъ съ нею... Не надо было обѣщать... А, онъ человѣкъ нужный, ремонтъ отъ него зависитъ.. Ты мнѣ навредишь.

Дрошевскій ускорилъ шаги; пошелъ скорѣй и Лукошинъ.

Шоссе, которое отъ желѣзнодорожной станціи вело къ городу Кедровску на протяженіи двухъ верстъ,—уперлось въ улицу.

Лукошинъ взялъ подъ руку Дрошевскаго.

— Вотъ, тебѣ все равно,—какъ ярко и красиво освѣщены луною домики по ту сторону и какія мягкія тѣни—на этой сторонѣ... И что вонъ тамъ вдали, тускло мерцаетъ золотая полоска на шпилѣ колокольни... Смотри, смотри: вонъ и парочка... Онъ и она... Въ ихъ медленной походкѣ, въ томъ какъ склонились ихъ головы одна къ другой,—сколько любви!.. Какъ они счастливы!.. Дивная ночь... мало такихъ бываетъ...

Дрошевскій мечтательно сказалъ:

— Простокваши бы теперь... Какъ бы завтра животу легко стало... И пріятно бы рыцарскому сердцу было...

Дрошевскій вошелъ въ парикмахерскую. Лукошинъ остался на улицѣ. Это была главная улица.

Не по тратуарамъ, а посрединѣ, гуляли группы дѣвушекъ въ однихъ платьяхъ, съ непокрытыми голами.

Въ окнахъ нѣкоторыхъ домовъ виднѣлся свѣтъ лампъ. Лукошинъ любовался эффектомъ этого краснаго свѣта на фонѣ стѣнъ, озаренныхъ мягкимъ голубымъ свѣтомъ луны.

Откуда то донеслось верещаніе сверчка. Изрѣдка собаки лѣниво лаяли, да на деревянныхъ колотушкахъ трещали ночные сторожа въ садахъ.

Въ сосѣднемъ домѣ заиграли на рояли... Черезъ минуту послѣ одной мелодіи заиграли другую.

У калитки показалась прислуга, она подперла щеку рукой и стала смотрѣть на улицу. Лукошинъ подошелъ къ ней и спросилъ.

— Скажите, кто это играетъ?

— А наша барыня!..

— Барыня, а не барышня?

— Какая барышня: у ней семеро дѣтей,—сущіе фармазоны: отъ нихъ на улицу выбѣжать некогда...

И няня собиралась было повѣдать пріѣзжему люботыгному барину еще многое о „фармазонахъ“, но Лукошинъ поблагодарилъ за отвѣтъ и отошелъ.

Мать фармазоновъ, подъ аккомпанементъ рояля, запѣла пріятнымъ голосомъ старинный романсъ:

Кого-то нѣтъ, кого-то жаль...

Къ кому-то сердце мчится въ даль...

Дрошевскій вышелъ изъ парикмахерской съ гладкими щеками и запахомъ духовъ сомнительнаго качества.

— Вотъ, сейчасъ мы и придемъ къ нашему инженеру, сказалъ онъ очень довольный собою:—и выпьемъ и закусимъ... Славная у него настойка изъ липовыхъ почекъ...

Вслѣлъ за Дрошевскимъ направился Лукошинъ къ подъѣзду инженерной квартиры, но остановился, чтобы прислушаться: на церкви били часы. Рѣдкіе мѣрныя удары колокола тихо зимирали въ тепломъ воздухѣ, пронизанномъ луннымъ свѣтомъ; звуки постепенно стихали, и пропадали далеко-далеко, на просторѣ.

И казалось Лукошину, что и лучшіе его мечты, порывы уносятся куда то далеко-далеко...

Но уже раскрылась настежь гостепріимная дверь и самъ инженеръ въ бѣломъ кителѣ вышелъ на встрѣчу...

Прощай, поэзія!

Діана.

Въ длинномъ залѣ Эрмитажа съ античными фресками, украшающими стѣны и овальный потолокъ и съ мраморными статуями на блестящемъ узорчатомъ паркетѣ,—въ этомъ залѣ давно уже сидѣлъ косматый молодой человѣкъ въ пиджакѣ самаго будничнаго вида. Онъ выбралъ стулъ какъ разъ между двумя твореніями Гудона: статуей Вольтера и Діаной. Съ этого мѣста Вольтеръ производилъ особенное впечатлѣніе: его пытливо-насмѣшливый взглядъ былъ устремленъ прямо на зрителя, который невольно принималъ на свой счетъ и сардоническую улыбку мраморнаго старика.

Діана также отсюда казалась особенно интересной. Движеніе всей ея классической фигуры было направлено въ противоположную отъ зрителя сторону; казалось, она зорко высматриваетъ добычу для своихъ мѣткихъ стрѣлъ, не подозревая, что ея прекрасной наготой любитъся мужчина.

А мужчина любовался долго къ немалому соблазну двухъ фешенебельныхъ дѣвицъ, которыя, въ

сопровожденіи дамы съ лорнетомъ, старались поскорѣе пройти мимо нескромной скульптуры...

Косматый молодой человѣкъ приходилъ сюда такъ часто и такъ долго просиживалъ на этомъ самомъ стулѣ, что первое время на него подозрительно посматривали расшитые позументами ливрейные лакеи съ бритыми лицами. Но вскорѣ они узнали, что этотъ молодой человѣкъ—довольно уже извѣстный скульпторъ Рябовъ и что онъ приходилъ сюда изучать классическія произведенія своей профессіи.

Рябовъ любовался Діаной со жгучимъ восторгомъ; взглянувъ на чарующіе изгибы фигуры, скульпторъ закрывалъ глаза, стараясь запомнить впечатлѣніе.

Онъ избѣгалъ смотрѣть на Вольтера: невыносима была его саркастическая улыбка и неподвижный насмѣшливый взглядъ.

Рябовъ давно уже понималъ, что хотѣлъ ему сказать этотъ комфортабельно расположившійся въ своемъ креслѣ и саркастически улыбавшійся старикъ: даже во снѣ преслѣдовала скульптора ядовитая улыбка, пристальный взглядъ мраморнаго старика, который говорилъ:

— Что?.. Не можешь глазъ отвести отъ моей мраморной сосѣдки?.. Поди-ка, поищи такую дивную красоту среди твоихъ «живыхъ» подругъ...

Но совсѣмъ не смотрѣть на Вольтера молодой человѣкъ не могъ: казалось,—мраморный взоръ старика гипнотизировалъ и заставлялъ пристально смотрѣть на себя. Рябовъ, наконецъ, началъ злиться:

— Отлично...—шепталъ онъ, глядя прямо въ мрамор-

морное лицо Вольтера: я понимаю тебя, старикъ,— и... ненавижу... Ты издѣваешься надо мной, потому что знаешь, какъ мало у меня денегъ и какъ это дорого стоитъ,— выбирать себѣ натурщицъ среди особъ, которыя показываютъ свое тѣло за деньги...

— О, еслибъ я былъ художникъ-жанристъ или пейзажистъ... думалъ Рябовъ. Я могъ бы безпрепятственно схватывать свои сюжеты въ полѣ, — наблюдать на улицахъ... Но кто позволить мнѣ, хотя бы во имя искусства, смотрѣть не на модныя тряпки, а на женское тѣло... Кто позволить мнѣ выбрать достойное рѣзца тѣло изъ массы живыхъ женскихъ фигуръ... Всякій скажетъ, что я съ успѣхомъ могу ограничиться складками сюртуковъ и буфами платьевъ,—и въ этомъ проявить мое искусство...

— Кто пойметъ, что мнѣ такъ же нужна красота для того, чтобъ я могъ творить,—какъ нужно жаворонку солнце для того, чтобы онъ могъ пѣть...

А мраморный старикъ все улыбался ехидно. Скульпторъ прошепталъ:

— До свиданія, старикъ, —но не прощай... Я принимаю твой вызовъ... До свиданія...

И, бросивъ полный восторга прощальный взглядъ на Діану, Рябовъ быстро направился къ выходу.

Изъ Эрмитажа Рябовъ отправился пѣшкомъ на 7-ю линію Васильевского острова, вошелъ въ ворота знакомаго дома, поднялся въ пятый этажъ и позволилъ у обитой клеенкою двери. Открыла дверь знакомая старушка съ добродушнымъ, улыбающимся лицомъ и сказала:

— Пожалуйте, Александра Петровна сейчас вернется,—въ лавочку пошла...

И впустила Рябова.

Молодой человекъ снялъ пальто и галоши и прошелъ въ комнату съ полочкой книгъ и фотографіями писателей на стѣнахъ, съ чистой постелью за ширмой, съ маленькимъ зеркальцемъ на комодѣ и съ тремя стульями по бокамъ небольшого стола, накрытаго чистой скатертью. Рябовъ взялъ съ полки книгу,—попался Добролюбовъ, — хотѣлъ почитать, чтобы не скучно было ждать,—но не читалось. Онъ сталъ думать о ней, которая должна сейчасъ притти...

Онъ встрѣтилъ ее на выставкѣ, у своей восковой группы. Она стояла съ подругами и дѣлала замѣчанія, полныя восхищенія съ одной стороны и пониманія искусства— съ другой. Ихъ познакомилъ подошедшій студентъ, который зналъ и его, и ее. Съ тѣхъ поръ онъ и она стали часто встрѣчаться.

Она находила, что онъ очень талантливъ, но „мало тронуть въ умственномъ отношеніи“. И она взяла на себя миссію воспитать изъ него умнаго, полезнаго служителя искусства, — того искусства, которое она понимала не какъ „игрушку“, но какъ „свѣточъ, маякъ“... Она принялась за его развитіе, сама не замѣчая, что относясь къ нему критически, какъ къ ученику, она увлекается имъ, какъ мужчиной.

Рябову очень нравились ея „лекціи“, споры съ нею и совмѣстное чтеніе хорошихъ книгъ.

Александра Петровна Соколовская оканчивала высшіе женскіе курсы, но, по внѣшности, совсѣмъ

не походила на тѣхъ своихъ подругъ, которыя щеголяли небрежностью костюма, стриженными волосами и мужскими манерами. Она носила длинные волосы и даже у ней была чудная коса, одѣвалась по модѣ съ несомнѣнными оттѣнками собственнаго вкуса и даже носила корсетъ, хотя и признавала это скверной и вредной привычкой. Ахъ, этотъ ея корсетъ, — онъ приводилъ Рябова въ большое озлобленіе... Развѣ угадаешь за этимъ «панцыремъ», хорошо ли сложена женщина, — годится ли она для модели?.. Что пластичны ея жесты, что красива она и стройна, — развѣ это гарантія для скульптора. . Вѣдь она—въ корсетѣ!..

Вотъ раздались по коридору ея знакомые шаги, ея голосъ, и Александра Петровна вошла въ комнату — свѣжая отъ весенняго холода, разрумняившаяся.

Съ привѣтливой улыбкой она спросила:

— Станный у васъ какой видъ!.. Что съ вами?..

Онъ вдругъ выпалилъ съ видомъ отчаянной рѣшимости:

— У меня къ вамъ просьба.

— Про-о-о-сба?.. протянула она, садясь,—вотъ какъ!.. очень рада,—и взглянула на него съ недоумѣніемъ.

Онъ смотрѣлъ куда-то въ уголъ...

— Вы не можете сомнѣваться въ моемъ уваженіи... Но мнѣ нужна натурщица... Для искусства... согласитесь... Я знаю, — вамъ это будетъ противно, неловко...—Но, вѣдь, мой взглядъ не оскорбитъ васъ...— Я—художникъ...это-же для искусства!..

Онъ чувствовалъ, что начинаетъ путаться, что въ груди не хватаетъ воздуха, и что не можетъ отвести взглядъ отъ угла, онъ чувствовалъ, что она вспыхнула, что она переживаетъ душевную муку... Онъ жалѣлъ, что посмѣлъ говорить ей объ „этомъ“.

Она горько усмѣхнулась:

— Для искусства... какъ это громко сказано!.. Для вашихъ заблужденій, бредней, — вотъ для чего это нужно...

Онъ вдругъ подбодрился и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза:

— Пусть для бредней... Да, я брежу на яву... мнѣ не достаетъ только модели, чтобы вылѣпить изъ глины мою мечту...

— Но если я оскорбилъ васъ,—простите...

Онъ всталъ съ намѣреніемъ уйти.

— Извольте, г. художникъ,—я готова послужить вамъ моделью,—сказала вдругъ она: когда прикажете?..

Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Вы шутите?..

— Нисколько,—я согласна.

— Александра Петровна... Какъ мнѣ благодарить васъ?...

— Оставьте фразы... Когда вамъ нужно, чтобы я...

Онъ боялся, что она передумаетъ.—Лишь бы одинъ разъ согласилась—тогда эта неловкость пропадетъ.

— Если позволите,—я сначала сдѣлаю эскизъ карандашомъ,—это можно сейчасъ...

Она встала, заперла дверь на ключъ и пошла за

ширму. Черезъ нѣсколько мгновений она стояла передъ нимъ, какъ натурщица.—Но какое это было разочарованіе!..

Ничего классическаго въ ея формахъ, съ дѣтства изуродованныхъ корсетомъ;—въ одну секунду его взглядъ опредѣлилъ каждый недостатокъ ея фигуры... Она стояла, раздумываясь отъ стыда передъ мужчиной,—а онъ готовъ былъ провалиться сквозь землю...

Онъ схватилъ со стѣны ея пальто и накинулъ на ея плечи.

— Александра Петровна, простите... Вы не годитесь для модели... Тѣмъ лучше, можетъ быть, для насъ обоихъ... Но, клянусь вамъ,—я никогда не забуду... Вашей жертвы...

— Не гожусь?... Вотъ видите,—сказала она уже за ширмой, одѣваясь.—Вамъ нужно Фрину... Ахъ, вы, Пракситель!..

Ни тѣни горечи, обиды не замѣтилъ онъ въ ея голосѣ. Однако онъ не сталъ ждать, пока она одѣнется.

— Александра Петровна,—я такъ взволнованъ... сказалъ онъ дрожавшимъ отъ смущенія голосомъ. До завтра!..

И онъ ушелъ.

Рябовъ куда то исчезъ изъ Петербурга.

Прошло три года.

Къ старому смотрителю Евгеніевской лечебницы для психическихъ больныхъ пріѣхала погостить его племянница, женщина-врачъ Александра Петровна

Соколовская. Теперь это была довольно полная румяная дѣвушка съ густыми волосами и пытливымъ, часто насмѣшливымъ взглядомъ коричневыхъ глазъ, смотрѣвшихъ сквозь пенснэ.

Смотритель Иванъ Максимычъ Думновъ, продолжая завтракать, только что отдалъ служителю необходимыя распоряженія на счетъ буйныхъ больныхъ, при чемъ на-строга повторилъ приказаніе: „Никакихъ насилій!.. Не смѣть!.. Будьте ласковы!..“ и, отпустивъ служителя, поднялъ рюмку мадеры, чокнулся съ докторомъ Кудринымъ и сказалъ:

— За твое здоровье, племянница,—спасибо, что навѣстила одинокаго старика—дядю. Да не отложишь ли свой отлеть за границу?.. Авось, успѣешь...

— Нѣтъ, дядя, черезъ недѣлку нужно ѣхать... Надѣюсь, за недѣлю надоѣмъ вамъ своей болтовней... Вотъ вы покажите-ка мнѣ вашу лечебницу...

— Н-ну... это вотъ проси доктора.

Кудринъ поспѣшилъ сказать:

— Никого не нужно просить... Мы съ вами, Александра Петровна, все осмотримъ. Объектовъ у насъ много: есть манія, аменція, меланхолія, есть паранойя, гебефренія, идиотизмъ, кретинизмъ, — съ удовольствіемъ перечислялъ докторъ: есть круговое помѣшательство, есть нравственное помѣшательство. Увидите любопытные случаи періодическихъ психозовъ. Есть интересные случаи психозовъ неврастеническихъ... навязчивыя идеи... Все я вамъ покажу... А пока,—до свиданія,—я долженъ обходить палаты... Иванъ Максимычъ, а что Рябовъ, переведенъ въ другую комнату? я васъ вчера просилъ...

— Переведенъ и уже онъ успѣлъ на стѣнѣ сдѣлать эскизъ... Въ восторгѣ, что бѣлая, чистая стѣна...

— Какой это Рябовъ? спросила дядю Александра Петровна, когда ушелъ докторъ,—я знала одного Рябова... скульптора...

— Онъ самый, сказалъ Иванъ Максимычъ.

— Какъ онъ къ вамъ попалъ?.. взволновалась Александра Петровна,—давно?..

— Да ужъ съ полгода... Исторія его вотъ такая. Скитался онъ гдѣ то въ Малороссіи. Разъ какъ то отдыхалъ подъ кустикомъ на берегу рѣки, на окраинѣ городка и увидѣлъ купавшихся дѣвушекъ; одна изъ нихъ его поразила красотой своей фигуры. Да и лицомъ она красавица,—ты ее можешь увидѣть: она—его жена, довольно часто его навѣщаетъ съ маленькимъ сынишкой; смотрѣть только на нихъ тяжело, когда они около этого сумасшедшаго... Ну такъ вотъ,—подождалъ онъ, пока одѣлись купальщицы, да пошелъ за ними на приличномъ разстояніи... Узналъ, гдѣ живетъ и кто такая очаровавшая его дѣвушка, остался въ этомъ городкѣ... Ну, какъ онъ добился того, что понравился ей и что пожелали они,—этого мнѣ неизвѣстно. А вотъ знаю, что зажили они очень счастливо, но только жена долго не соглашалась служить ему моделью. Наконецъ,—потому ли, что онъ ее убѣдилъ или просто изъ любви къ мужу,—стала она позировать,—понимаешь,—безо всего, и принялся онъ изъ мрамора рѣзать фигуру. Не знаю опять таки, что ему мѣшало,—работа шла медленно, а между тѣмъ жена его готовилась быть матерью и фигура ея стала

мѣняться; дѣвственная эта прелесть пропала, а супругъ-художникъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Ему нужно было, чтобы красота формъ его жены была такая же прочная, какъ его мраморъ. А красавица мраморная была уже почти совсѣмъ готова... Какъ то онъ сличалъ—сличалъ свой мраморъ съ фигуροю жены,—да какъ расхохочется... Припадокъ съ нимъ сдѣлался. Вообще... свихнулся... Даемъ ему возможность здѣсь и лѣпить, и рисовать... Но онъ предпочитаетъ дѣлать углемъ эскизы прямо на стѣнѣ... И все одну и ту же фигуру женщины... Во всѣхъ поворотахъ. Ты думаешь,—фигуру своей жены? Нѣтъ,—говорять, это—фигура „Діаны“ изъ эрмитажа... Какъ измажетъ всѣ стѣны,—сейчасъ же требуетъ, чтобы его перевели въ другую комнату, гдѣ стѣны бѣлыя... Его всѣ любятъ, — онъ такой тихій, всегда привѣтливый...

— Дядя,—пойдемъ къ нему...

Рябовъ, одѣтый въ желтый больничный халатъ, лежалъ на постели, когда къ нему вошелъ смотритель съ племянницей. Было два часа дня.

Скульпторъ не спалъ. Онъ поднялся, сѣлъ на кровати и взглянулъ на вошедшихъ безучастнымъ и скучающимъ взглядомъ. Ему не было никакого дѣла до этихъ людей. Но онъ привѣтливо сказалъ:
— Здравствуйте.

Александра Петровна смотрѣла на него глазами, полными слезъ. Онъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ

она видѣла его въ послѣдній разъ: похудѣлъ, обросъ бородой, на лбу прорѣзалась морщинка, губы сложились въ бессмысленную улыбку, а глаза стали мутные и безпокойные.

Соколовская окинула взглядомъ небольшую высокую комнату съ однимъ окномъ; бѣлыя стѣны и бѣлый потолокъ; два стула, столъ, мольбертъ художника и кровать; чистое полотенце у небольшого зеркала съ умывальникомъ. На стѣнѣ смѣлой и увѣренной рукой былъ нарисованъ углемъ контуръ обнаженной женщины; это была Діана Гудона.

Гости заняли два стула, а невольный хозяинъ этой комнаты сидѣлъ на кровати и повидимому старался вспомнить, что онъ долженъ сказать.

— Какъ вы себя чувствуете?.. ласково спросилъ смотритель,—нравится ли вамъ здѣсь?..

— Да, ничего... Все хорошо...

— Вы не узнаете меня?.. спросила Соколовская...

Этотъ знакомый голосъ, котораго давно не слышалъ Рябовъ, заставилъ его встрепенуться и сосредоточить на гостѣ все свое вниманіе.

— Да... Это вы?.. Ахъ, какъ это было давно!.. Или это было недавно?.. Можетъ быть, вчера?.. Посмотрите,—онъ указалъ на стѣну съ эскизомъ,—вотъ мнѣ нужна такая фигура... Вы понимаете,—здѣсь все совершенство, все—красота... Вы очень хорошій человекъ, я всегда васъ уважалъ и даже, можетъ быть, любилъ... Но у васъ несчастная, никуда негодная фигура... Я больше не могу васъ видѣть... Мнѣ стыдно, что я заставилъ васъ разочароваться въ вашей фигурѣ... Это большое несчастье,

не правда ли?.. Простите,—я иначе не могъ... Я долженъ былъ вамъ сказать правду... Зачѣмъ вы здѣсь?.. Мнѣ больно за все... Мнѣ жаль моихъ надеждъ... Боже, какъ я страдаю!.. Гдѣ же мнѣ найти ее?.. Гдѣ же она... Діана?!

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
1. Гашишъ	3.
2. Въ снѣгу	7.
3. Два мецената	19.
4. Искушеніе	79.
5. Подъ открытымъ небомъ	88.
6. Илья	93.
7. Неразлучники	97.
8. Случай	122.
9. Нужда	125.
10. Кочевинины	138.
11. У плетня	148.
12. Жена Пентефрія	152.
13. На отдыхъ	162.
14. Омуть	168.
15. Прелюдъ Шопена	172.
16. При звѣздахъ и лунѣ	176.
17. Діана	180.

Замѣченныя опечатки:

На стр.	строка	напечатано	слѣдуетъ
» 12	15 св.	необычная	необычайная
» 43	10 св.	невзыщите	не взыщите
» 84	6 св.	страшный	страанный
» 87	12 св.		у дуги; Синелевъ едва различалъ спину Захара. И въ эту темную ночь хорошо и т. д.
» 120	5 св.	веседые	веселые
» 126	13 св.	безпощадно	безпомощно
» 157	3 св.		до самаго горизонта, а на заднемъ и т. д.
» 178	6 св.	инженерной	инженерской